

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ФАКУЛЬТЕТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

СБОРНИК

научных статей студентов,
магистрантов, аспирантов

34

ВЫПУСК

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

СБОРНИК

**научных статей студентов,
магистрантов, аспирантов**

*Под общей редакцией
кандидата политических наук,
доцента Е. А. Достанко*

Основан в 2008 году

Выпуск 34

МИНСК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ»

2025

УДК 082
ББК 94
С23

Редакционная коллегия:
*Н. С. Анцух, Л. М. Гайдукевич, Е. А. Достанко,
Д. Г. Решетников, А. В. Селиванов*

Составитель
А. А. Галковская

ISSN 2224-0845

© Идея проекта. Научный студенческий
совет факультета международных
отношений БГУ, 2008
© Галковская А. А., составление, 2025
© Оформление. ОДО «Издательство
“Четыре четверти”», 2025

РАЗДЕЛ 1

ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Сотрудничество СПЯС с международными организациями

*Абакунчик Р. Р., студ. I к. БГУ,
науч. рук. Ковяко И. И., канд. ист. наук, доц.*

Сообщество португалоязычных стран работает с широким кругом партнеров. Развитие партнерских отношений с Международной организацией франкофонии (МОФ) и Иберо-американским сообществом остается ключевым приоритетом для СПЯС. Сотрудничество с МОФ, объединяющей страны с общим языковым наследием, служит уникальным примером межъязыкового и межкультурного взаимодействия. Основные направления включают культурный обмен, научно-образовательные проекты, политическую координацию и экономическое партнерство. Отношения с Иберо-американским сообществом вышли на новый уровень после присвоения СПЯС статуса консультативного наблюдателя на XXVII Иберо-американском саммите (2023). В фокусе взаимодействия – генерация правовых инициатив, создание возможностей для развития и интеграция новых участников, что закладывает основу для совместных образовательных программ, координации языковой политики и продвижения культурного наследия [1].

СПЯС усиливает влияние на международной арене через сотрудничество с ООН, МОТ, ВТО и другими структурами. Генеральная Ассамблея ООН признает важность многостороннего сотрудничества для решения глобальных проблем и стратегическое значение партнерства с Сообществом португалоязычных стран. Доклад Генерального секретаря от 8 августа 2024 г. подтверждает взаимодополняемость усилий ООН и СПЯС в реализации Повестки дня устойчивого развития до 2030 г. Культурно-лингвистическое измерение также важно: португальский язык объединяет более 278 млн человек и имеет официальный статус в 33 международных организациях, что способствует диалогу и сотрудничеству [2]. Международная организация труда и Сообщество португалоязычных стран развивают многолетнее партнерство, основанное на принципах социальной справедливости и трипартизма. Сотрудничество охватывает ключевые направления, такие как борьба с детским трудом, укрепление систем социальной защиты и обмен опытом. Партнерство служит примером многостороннего сотрудничества в решении социально-трудовых проблем [3].

6 марта 2020 г. в рамках 11-й сессии Комитета по наращиванию потенциала Всемирной таможенной организации состоялась презентация Стратегического плана СПЯС на 2019–2023 гг. для директоров таможенных служб португалоязычного сообщества. Мероприятие, организованное при финансовой поддержке Китайского таможенного сотрудничества, направлено на гармонизацию таможенных процедур в соответствии с международными стандартами и укрепление межгосударственного сотрудничества. Оно также способствует созданию единых подходов к реализации лучших мировых практик и улучшению коммуникации между таможенными администрациями [4].

Сообщество португалоязычных стран активно развивает образовательное сотрудничество. В последнее десятилетие СПЯС тесно взаимодействует с ведущими международными организациями, включая ЮНЕСКО (развитие инклюзивного образования и сохранение культурного наследия), ЮНИСЕФ (доступ к образованию для детей в трудной жизненной ситуации), Всемирную продовольственную программу (школьное питание) и Африканский союз (координация образовательных программ в Африке). Особую роль играет Португалия, которая, по данным 2023 г., курирует 37% образовательных инициатив СПЯС. Важным шагом стало принятие Плана действий на 2022–2024 гг. на встрече министров образования в Луанде (2022) [5].

Таким образом, сотрудничество СПЯС с международными организациями служит важным инструментом международной интеграции и устойчивого развития, способствует решению глобальных проблем, укреплению многостороннего диалога и продвижению общих интересов португалоязычных стран.

Литература

1. The XXVIII Ibero-American Summit ends with agreements on environment, food security, digital rights and international financing // News in America. – 2023. – URL: <https://newsinamerica.com/en/breaking-news/2023/the-xxviiiibero-american-summit-ends-with-agreements-on-environment-food-security-digital-rights-and-international-financing/> (дата обращения: 12.04.2025).
2. Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея. Сотрудничество между Организацией Объединенных Наций и Сообществом португалоязычных стран: резолюция 79/265, принята 23 января 2025 года. – Нью-Йорк : ООН, 2025.
3. Международная организация труда. Сотрудничество МОТ и СПЯС. – URL: <https://www.ilo.org> (дата обращения: 11.04.2025).
4. Всемирная таможенная организация. WCO hosts the presentation of the CPLP Customs Strategic Plan to the donors' community. – URL: <https://www.wcoomd.org> (дата обращения: 12.04.2025).
5. European Education and Culture Executive Agency. Bilateral Agreements and Worldwide Cooperation. – URL: <https://eurydice.eacea.ec.europa.eu/eurypedia/portugal/bilateral-agreements-and-worldwide-cooperation> (дата обращения: 11.04.2025).

Юг – Юг: как Бразилия и Мозамбик укрепляют партнерство

*Абакунчик Р. Р., Мелькова П. А., студ. I к. БГУ,
науч. рук. Селиванов А. В., канд. ист. наук, доц.*

Бразильско-мозамбикские отношения представляют собой уникальный пример сотрудничества между двумя странами, находящимися на разных континентах, но объединенными общей историей колониализма и стремлением к социально-экономическому развитию. Бразилия и Мозамбик установили дипломатические отношения 15 ноября 1975 г. Бразилия открыла свое посольство в Мапуту в 1976 г., а Мозамбик сделал ответный шаг в 1998 г. В 2017 г. подписано соглашение о политических консультациях, подчеркивающее стремление к диалогу. Мозамбик является крупнейшим в Африке получателем бразильской технической помощи (более 40 проектов на сумму свыше 80 млн долларов США). Регулярные визиты высокого уровня подтверждают прочность и перспективность партнерства [1].

В 2007 г. Бразилия и Мозамбик подписали меморандум о взаимопонимании по развитию биотоплива, что укрепило их энергетическое партнерство. Ключевым проектом является *ProSavana* – трехсторонняя инициатива с Японией по развитию сельского хозяйства и биотоплива. В 2024 г. страны подписали новый меморандум о совместной разработке биотоплива, направленный на привлечение инвестиций, развитие исследований и создание рабочих мест в Мозамбике, что способствует переходу к устойчивым источникам энергии [2, р. 27–28].

Бразилия и Мозамбик, обладая уникальными тропическими экосистемами и богатым биоразнообразием, сталкиваются с аналогичными вызовами в области использования природных ресурсов и сохранения экосистем. В 2016 г. делегация Мозамбика посетила Бразилию для изучения передовых практик в лесоправлении и вовлечении местных сообществ. Бразилия поделилась опытом сокращения обезлесения, кооперативов и восстановительных лесопосадок. Также Бразилия помогает Мозамбику создать цифровую платформу для мониторинга аграрного сектора и развивает проект по производству сертифицированных семян хлопка [3]. 15 мая 2017 г. страны подписали меморандум о взаимопонимании с поддержкой Всемирного банка, направленный на сотрудничество в управлении землей, сохранении биоразнообразия и устойчивом сельском развитии [4].

В августе 2024 г. в Манаусе прошел третий Международный обмен опытом по речным операциям, организованный Глобальной программой ООН по борьбе с морской преступностью. Участие приняли сотрудники правоохранительных органов из Бразилии, Колумбии, Мозамбика и Перу. Программа охватывала обучение по перехвату судов и борьбе с экологическими

преступлениями, что должно укрепить сотрудничество между Бразилией и Мозамбиком в борьбе с транснациональной преступностью [5]. В сфере здравоохранения Бразилия поддерживает проект по созданию первого фармацевтического завода в Мозамбике и обучает местных медицинских работников.

Бразильско-мозамбикские отношения представляют собой многоуровневое партнерство, основанное на общих культурных и языковых корнях, а также на стремлении к устойчивому развитию. Сотрудничество охватывает сельское хозяйство, энергетику, образование, здравоохранение и безопасность. Регулярный политический диалог и совместные проекты подчеркивают стратегическую важность этих отношений. Бразилия и Мозамбик продолжают развивать динамичное партнерство, которое может служить примером для других стран глобального Юга.

Литература

1. Republic of Mozambique // Ministério das Relações Exteriores. – URL: <https://www.gov.br/mre/en/subjects/bilateral-relations/all-countries/republic-of-mozambique> (date of access: 12.04.2025).
2. Fröhlich, T. Brazil's International Ethanol Strategy: Lula's Quest for a Global Biofuels Market / T. Fröhlich. – Cambridge : Cambridge University Press, 2022. – 252 p. – URL: <https://doi.org/10.2307/j.ctv28hj1j3>.
3. Climate Investment Funds. Improving Sustainable Forest Management: A Brazil–Mozambique Knowledge Exchange. – AOKE CIF Guide. – URL: https://www.cif.org/sites/cif_enc/files/knowledge-documents/aoke_cif_guide-ke-story2.pdf (date of access: 12.04.2025).
4. Collaborating Across Continents: Mozambique, Brazil and the World Bank Deepen South-South Cooperation on Sustainable Rural Development // World Bank Group. – 15.05.2017. – URL: <https://www.worldbank.org/en/news/feature/2017/05/15/collaborating-across-continents-mozambique-brazil-and-the-world-bank-deepen-south-south-cooperation-on-sustainable-rural-development> (date of access: 12.04.2025).
5. UNODC promotes cooperation between Brazil and Mozambique on transnational crime in riverine settings // United Nations Office on Drugs and Crime. – 10.09.2024. – URL: <https://www.unodc.org/cofrb/en/noticias/2024/09/unodc-promotes-cooperation-between-brazil-and-mozambique-on-transnational-crime-in-riverine-settings.html> (date of access: 12.04.2025).

Роль России в региональной политике государств Латинской Америки

*Авдалян Н. Г., студ. II к. БГУ,
науч. рук. проф. Свилас С. Ф., д-р ист. наук, доц.*

Государства Латинской Америки и Карибского бассейна все активнее стремятся к созданию устойчивого и процветающего сообщества, которое без затруднений справляется с вызовами и угрозами, а также реализует свой потенциал. Отмечается значительный рост влияния региона на международные дела, при этом Россия становится все более значимым вектором внешней политики государств ЛАКБ посредством различных инициатив и соглашений. Москва активно развивает дипломатические связи с регионом, налаживает и диверсифицирует экономическое сотрудничество. Благодаря различным механизмам Россия продвигает свои интересы, устанавливает и укрепляет партнерские отношения со странами региона, что позволяет ей участвовать в формировании региональной политики ЛАКБ [1].

Страны Латинской Америки играют все более заметную роль в формировании многополярного мироустройства, а латиноамериканский вектор внешней политики России активизируется [2]. К концу 2010 г. Российская Федерация поддерживала дипломатические отношения со всеми 33 государствами региона. Российско-латиноамериканские отношения в настоящий момент находятся на подъеме. В основе этого явления – объективно сложившаяся взаимодополняемость экономик, совпадение подходов ко многим актуальным мировым проблемам, обоюдное стремление ощутимо укрепить собственные международные позиции за счет диверсификации и углубления внешних связей, участия в глобальных процессах на более выгодных для себя условиях [3, с. 144].

Постепенно развиваются связи России с региональными интеграционными объединениями. Она имеет статус наблюдателя при Латиноамериканской ассоциации интеграции (ЛАИ), Ассоциации карибских государств (АКГ) и Центральноамериканской интеграционной системе (ЦАИС). Прорабатывается возможность возобновления диалога между Россией и Сообществом государств Латинской Америки и Карибского бассейна (СЕЛАК), укрепляется взаимодействие с Южноамериканским общим рынком (МЕРКОСУР), а также с Тихоокеанским альянсом (ТА) [4].

Таким образом, в связи с возрастающей ролью ЛАКБ в мировых делах Россия стремится к интеграции с регионом. Основу для сотрудничества составляют общие политические взгляды сторон, которые выступают за многополярный мировой порядок, уважение суверенитета государств. Россия сотрудничает со странами Латинской Америки в рамках глобальных и региональных организаций и объединений для реализации общих интересов.

Латиноамериканцы рассматривают Россию как великую державу, способную реализовать альтернативные варианты экономического и политического взаимодействия на мировой арене. Крайне важно использовать имеющийся позитивный климат в отношениях на многосторонних и двухсторонних платформах, обеспечить дальнейшее продвижение экономических и политических интересов России в Латинской Америке.

Литература

1. Leyde Ernesto Rodríguez Hernández, La presencia de Rusia en América Latina y el Caribe en los inicios del siglo XXI / Leyde Ernesto Rodríguez Hernández // Instituto Superior de Relaciones Internacionales “Raúl Roa García”. – 2019. – Vol. 1, núm. 3.
2. Valuable Vector of Russia’s Foreign Policy’: Lavrov Starts Latin American Tour // Sputnik. – 17.04.2023. – URL: <https://sputnikglobe.com/20230417/valuable-vector-of-russias-foreign-policy-lavrov-starts-latin-american-tour-1109575815.html> (дата обращения: 20.03.2025).
3. Тимофеев, И. Н. Внешняя политика России 2000–2020: науч. изд. в 3 т. / И. Н. Тимофеев, Т. А. Махмутов, Е. С. Алексеевкова. – Москва : Аспект Пресс, 2012. – Т. 1. – 219 с.
4. О состоянии и перспективах развития сотрудничества России с государствами Латинской Америки // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticeskoe-dos-e/dvustoronnie-otnoshenij-rossii-s-inostrannymi-gosudarstvami/problemy-vzaimootnoshenij-so-stranami-latinskoj-ameriki-i-karibskogo-bassejna/ (дата обращения: 20.03.2025).

Основные векторы внешней политики Марокко в XXI веке

*Алексютенко А. А., Щербачевич С. Д., студ. I к. БГУ,
науч. рук. Ярмошук К. И., канд. полит. наук*

Современное Королевство Марокко – одно из самых прогрессивных исламских государств, поддерживающее тесные связи с разными странами и сохраняющее при этом свою идентичность. Внешняя политика Королевства Марокко является важным предметом для изучения ввиду своей многосторонности.

Исторические связи с Европой, сформированные в колониальный период, определили ключевые направления внешней политики Марокко после обретения независимости. Географическая близость, культурное наследие и схожие модели управления способствуют тесному взаимодействию с Францией и Испанией. Франция – ключевой партнер в сфере энергетики

и безопасности. Марокко, не имея собственных нефтегазовых ресурсов, зависит от французских поставок, а совместные проекты в сфере обороны и экологии укрепляют двусторонние связи [1]. Испания сотрудничает с Марокко в борьбе с терроризмом и нелегальной миграцией, хотя территориальные споры долгое время осложняли отношения. В 2024 г. стороны подписали более 20 соглашений, сигнализируя о потеплении отношений [2]. Таким образом, европейское направление остается ключевым для Марокко, сочетая экономические интересы, безопасность и историческую преемственность.

Марокко также уделяет внимание и азиатскому вектору внешней политики. Наиболее значимыми партнерами королевства в регионе стали Китай и Южная Корея, сотрудничество с которыми развивается по различным направлениям. С Китаем Марокко связывают особенно тесные отношения, оформленные Договором о стратегическом партнерстве 2016 г. КНР занимает позицию крупнейшего торгового партнера королевства в Азии, а сотрудничество охватывает широкий спектр областей [3]. Отношения с Южной Кореей демонстрируют устойчивую динамику развития. Основу сотрудничества составляет взаимовыгодная торговля: Марокко экспортирует в Республику Корея минеральные ресурсы, текстиль и рыбную продукцию, одновременно импортируя автомобили и промышленные товары. Параллельно развивается взаимодействие в логистической сфере, энергетике, а также образовательные и научные обмены [4]. Такой многоуровневый подход к развитию отношений с азиатскими странами позволяет Марокко не только диверсифицировать свои внешнеэкономические связи, но и заимствовать передовые технологии и практики в ключевых отраслях развития, укрепляя тем самым свои позиции как регионального лидера в Северной Африке.

Королевство Марокко поддерживает тесные отношения с США, которые являются его ключевым стратегическим партнером. Это сотрудничество охватывает вопросы безопасности, экономики, устойчивого развития и здравоохранения. Особое значение имеет позиция США по вопросу Западной Сахары, где Вашингтон традиционно поддерживает марокканскую позицию. В арабском мире Марокко проводит сбалансированную политику, выступая в роли посредника в региональных конфликтах. Королевство укрепляет свой международный авторитет, позиционируя себя как мост между Африкой и Европой. На африканском направлении Марокко развивает активное сотрудничество со странами, где взаимодействие сосредоточено на экономике, культуре и экологии. Однако главным внешнеполитическим вызовом остается проблема Западной Сахары. Марокко последовательно отстаивает свою позицию о территориальной целостности [2]. Внешняя политика Марокко сочетает стратегическое партнерство с США, активную посредническую роль в арабском мире и стремление к региональному лидерству в Африке, несмотря на сохраняющиеся вызовы, связанные с сахарским вопросом.

Таким образом, внешняя политика Марокко охватывает разные направления. С европейскими странами проводится более тесное сотрудничество ввиду исторической, культурной и территориальной близости. Сотрудничество со странами других регионов имеет хорошие темпы развития. Королевство Марокко уделяет внимание сотрудничеству в сфере экономики, политики и здравоохранения со всеми своими партнерами.

Литература

1. Бородкина, Н. В. Французская политика в области возобновляемых источников энергии в Марокко в начале XXI века / Н. В. Бородкина // Вестник САФУ. Гуманитарные и социальные науки. – 2015. – № 3. – С. 5–10.
2. Пономаренко, Л. В. Внешнеполитические приоритеты Королевства Марокко / Л. В. Пономаренко, О. С. Чикризова // Вестник РУДН. Всеобщая история. – 2014. – № 1. – С. 71–82.
3. Виноградов, И. С. Сотрудничество Китая со странами Северной Африки: состояние и перспективы / И. С. Виноградов // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2023. – Т. 28. – № 28. – С. 185–198.
4. Кукина, У. А. Двусторонние отношения Республики Корея и Королевства Марокко на современном этапе / У. А. Кукина // Корееведение в России: направление и развитие. – 2024. – Т. 5. – № 3. – С. 155–160.

Сотрудничество в сфере здравоохранения между КНР и государствами Африки в рамках построения сообщества единой судьбы человечества

*Ань Нань, асп. БГУ,
науч. рук. Чувилев И. А., канд. полит. наук, доц.*

На фоне обострения глобальных вызовов инициатива Китайской Народной Республики (КНР) по формированию сообщества единой судьбы человечества задает стратегические ориентиры для развития сотрудничества между КНР и государствами Африки в сфере здравоохранения. Являясь важным элементом формирующейся модели глобального управления, взаимодействие в сфере здравоохранения представляет собой весомую практическую реализацию данной концепции.

С тех пор как в 1963 г. КНР отправила первую медицинскую бригаду в Алжир сотрудничество Китая с африканскими государствами в сфере здравоохранения прошло четыре этапа развития: этап становления медицинской помощи (1960–1978), этап трансформации модели взаимодействия (1978–2000), этап институционализации (2000–2013) и этап углубленного взаимодействия, формирующегося под воздействием концепции сообщества

единой судьбы человечества (2013–2025). Следует отметить, что с 2013 г. сотрудничество КНР с африканскими государствами в сфере здравоохранения под влиянием указанной концепции постепенно трансформировалось от одностороннего формата медицинской помощи к всесторонней и многоуровневой системе взаимодействия, характеризующейся диверсификацией форм сотрудничества и совершенствованием институциональных механизмов.

Стратегическая концепция формирования сообщества единой судьбы Китая и Африки, выдвинутая председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г., получила успешное практическое воплощение в процессе противодействия эпидемии лихорадки Эбола в 2014 г. КНР предоставила экстренную помощь на сумму 750 млн юаней странам Западной Африки, охватив 14 африканских государств, а также международные организации, включая Всемирную организацию здравоохранения (ВОЗ) [1]. Указанная инициатива ознаменовала переход китайско-африканского сотрудничества в сфере здравоохранения на этап совместного управления и стала наглядной иллюстрацией реализации концепции сообщества единой судьбы человечества в сфере здравоохранения.

Вспышка пандемии COVID-19 еще более ярко подчеркнула стратегический характер взаимного доверия и высокую практическую эффективность сотрудничества между КНР и африканскими государствами в сфере здравоохранения. В наиболее критический период борьбы с эпидемией на территории КНР африканские страны продемонстрировали политическую солидарность, направив телеграммы с соболезнованиями и предоставив материальную поддержку. Более 50 глав африканских государств выразили сочувствие и поддержку КНР. Арабская Республика Египет, Южно-Африканская Республика и ряд других государств предоставили экстренные медицинские материалы. Несмотря на ограниченные финансовые ресурсы, Республика Экваториальная Гвинея перечислила Китаю денежное пожертвование в размере 2 млн долларов США [2, с. 236–239].

После распространения эпидемии на африканском континенте КНР в оперативном порядке оказала помощь более чем 50 государствам, поставив 200 млн доз вакцин, свыше 120 партий экстренных противовирусных материалов и направив 17 групп медицинских экспертов [1]. Совместные действия в условиях пандемии продемонстрировали высокий уровень политического доверия и институциональной согласованности, что способствовало эффективному сдерживанию распространения инфекции на африканском континенте и предоставило ценный практический ресурс для дальнейшего развития глобального партнерства в сфере здравоохранения.

Под руководством концепции сообщества единой судьбы человечества институционализация и диверсификация китайско-африканского сотрудничества в сфере здравоохранения приобретают все более выраженный характер. Начиная с 2015 г. Форум китайско-африканского сотрудничества

включил взаимодействие в сфере здравоохранения в число приоритетных направлений в рамках таких стратегических инициатив, как «Десять программ сотрудничества» (2015), «Восемь основных инициатив» (2018) и «Девять программ» (2021). Вместе с тем через такие многосторонние платформы, как «Здоровый Шелковый путь», Форум по китайско-африканскому сотрудничеству в области здравоохранения и Министерская конференция КНР и стран Африки по вопросам здравоохранения последовательно усиливаются политическая координация и интеграция ресурсов. Функционирование указанных платформ способствует не только углублению механизмов диалога между КНР и африканскими государствами, но и формирует институциональную основу для глобального управления в сфере здравоохранения.

С точки зрения модели взаимодействия китайско-африканское сотрудничество в сфере здравоохранения характеризуется многообразием форм, включающим материальную помощь, передачу технологий, подготовку кадров и научно-исследовательское сотрудничество. КНР оказывает не только краткосрочную экстренную поддержку, но и придает приоритетное значение укреплению автономного потенциала африканских государств в области общественного здравоохранения. В частности, при содействии Китая в Африке были созданы 23 специализированных медицинских центра и подготовлено свыше 20 тыс. медицинских работников, что способствовало укреплению институциональной самостоятельности национальных систем здравоохранения. Одновременно с этим широкое применение комплексных препаратов на основе артемизинина, разработанных китайской стороной, позволило снизить уровень смертности от малярии на африканском континенте на 66%, обеспечив существенное улучшение в сфере охраны здоровья [2, с. 334–337]. В отличие от традиционной западной модели развития, основанной на формировании зависимости, китайско-африканское сотрудничество в сфере здравоохранения отличается более высокой степенью устойчивости и принципом равноправного партнерства.

Кроме того, двусторонние соглашения о сотрудничестве и широкое участие негосударственных акторов придали дополнительную динамику китайско-африканскому взаимодействию в сфере здравоохранения. В частности, соглашение по проекту «Операция света», заключенное между КНР и Республикой Зимбабве, способствовало более точному распределению медицинских ресурсов и повышению эффективности их использования. Сотрудничество между китайскими компаниями и профильными медицинскими учреждениями африканских государств продолжает углубляться, формируя устойчивые механизмы партнерства. В период пандемии COVID-19 негосударственные организации, такие как Благотворительный фонд Джека Ма и Alibaba, осуществили поставки в африканские страны значительных объемов дефицитных медицинских средств, включая маски, защитные костюмы, аппараты

искусственной вентиляции легких и диагностические тест-системы, что способствовало частичному преодолению дефицита эпидемиологических ресурсов на континенте. Модель взаимодействия с участием государственных органов, бизнеса и гражданского общества отражает принципы «совместного обсуждения, совместного строительства и совместного использования», заложенные в концепции сообщества единой судьбы человечества, и представляет собой пример практической реализации инклюзивного и скоординированного подхода к международному сотрудничеству в сфере общественного здравоохранения.

Таким образом, сотрудничество между КНР и государствами Африки в сфере здравоохранения представляет собой значимый инструмент практической реализации концепции сообщества единой судьбы человечества. Данная форма сотрудничества не только способствовала укреплению систем здравоохранения в странах Африки, но и содействовала развитию стратегического взаимного доверия и гуманитарных связей между КНР и африканским континентом, тем самым внося вклад в формирование более справедливой и устойчивой модели глобального управления в области общественного здравоохранения.

Литература

1. 王毅：中国向非洲提供的疫苗将跨越山海，跑赢病毒 // 中华人民共和国外交部。 – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/wjdt_674879/gjldrhdt_674881/202112/t20211201_10460518.shtml (date of access: 31.03.2025). = Ван И. Вакцины против COVID-19, предоставляемые Китаем Африке, преодолеют горы и моря и опередят вирус // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/wjdt_674879/gjldrhdt_674881/202112/t20211201_10460518.shtml (дата обращения: 31.03.2025).

2. 张梦颖. 非洲华侨华人眼中的新时代中国/张梦颖. – 北京：社会科学文献出版社, 2023. – 400 p. = Чжан Мэнъин. Китай новой эпохи в глазах китайских диаспор в Африке / Чжан Мэнъин. – Пекин : Издательство социально-научной литературы, 2023. – 400 с.

О брачных обычаях нанайцев

*Ван Мэнъюань, асп. БГУ,
науч. рук. Олюнина И. В., канд. ист. наук, доц.*

Обычаи брака у нанайцев имеют важное значение в их социальной структуре: это не только союз двух людей, но и связующее звено между семьями. В данной этнической группе преобладает моногамия, хотя в истории встречались случаи полигинии, при этом всегда подчеркивалась стабильность супружеских отношений.

Традиционная брачная система нанайцев не только регулировала брачные табу между родственниками, но и посредством практик, таких как повторный брак вдов и взаимопомощь между родами, формировала межродовые религиозные и социальные союзы. В некоторых регионах до сих пор сохраняются следы матрилинейной преемственности, что отражает брачные традиции, существовавшие до переселения тунгусских народов. С развитием процессов этнической интеграции и изменением оседлого образа жизни брачные обычаи продолжают играть важную роль в поддержании этнических границ и регулировании социальных отношений, становясь ключом к пониманию социальной структуры и культурной идентичности нанайцев [1, с. 138].

Экономический обмен важен в браке нанайцев: мужчина предоставляет выкуп – скот или имущество – как знак уважения. Брак служит механизмом передачи собственности и обязанностей. Ранее гендерное разделение труда было четким, женщины играли подчиненную роль. Однако с распространением образования и усилением модернизационных процессов увеличивается участие женщин в общественной жизни, укрепляется идея равенства, трансформируя структуру брака.

В ходе полевой работы было установлено, что традиционная нанайская свадьба включает переговоры родителей о выкупе невесты и церемонию, отражающую семейное и клановое участие. Молодожены надевают традиционную вышитую одежду, которую ранее изготавливали из рыбьей кожи (такая одежда символизировала чистоту и стойкость брака). В современности ее заменили тканевые наряды. Белый цвет исключен, так как считается у нанайцев траурным.

Свадебный обряд включает сватовство, добрачные ритуалы, саму свадьбу и послесвадебные обряды. Способы заключения брака включают дюэнди (обмен женщинами), обручение младенцев, а также «выкуп за убитую» – брак по требованию родственников погибшей жены [2, с. 15].

Обычно мужчина делает предложение через сваху, которая обсуждает приданое и дату свадьбы, учитывая интересы обеих семей. Помолвка – важный этап, сопровождается обменом подарками и церемонией. После нее у молодоженов есть время на общение, но традиционно они редко встречаются до свадьбы, полагаясь на договоренности семей.

Нанайские обычаи включают избегание: невеста должна прятаться от жениха во время предложения и даже уклоняться от встреч [3, с. 10–11; 4, с. 150]. Первый этап проходит в доме женщины, мужчина приносит приданое. Свадьба включает пиршество, ритуалы и жертвоприношения предкам и духам. Второй этап проходит через несколько дней в доме жениха и символизирует начало совместной жизни. Во время обряда жениху и невесте запрещено разговаривать и оставаться наедине до следующего дня, после чего они могут называть друг друга мужем и женой [5, с. 282; 6, с. 137]. После свадьбы невеста должна соблюдать табу по отношению к родственникам мужа,

например нельзя называть свекровь по имени. Она также получает наставления от старших, что подчеркивает ее новый статус [7, с. 264–265; 5, с. 188].

Брак в нанайском обществе – это не только личный выбор, но и способ закрепления экономических и социальных связей. Выкуп укрепляет семейные узы, а церемония служит средством социальной интеграции и культурной передачи. Эволюция брачных обычаев тунгусо-маньчжурских народов прошла путь от экзогамии к полигинии, а затем – к экономически обусловленным формам брака. Под влиянием социально-культурных изменений, включая православие, брачные институты трансформировались: изменилась роль женщин, а уровень благосостояния стал влиять на форму брака. Хотя традиции утрачиваются, они остаются в коллективной памяти [7, с. 29–34].

Свадебные обряды нанайцев несут элементы этнической памяти и социальной ответственности. Молодежь, участвуя в них, осваивает культурные роли и продолжает традиции. С развитием урбанизации усиливается тенденция к свободным бракам и гендерному равенству, обряды упрощаются. Однако культурное ядро сохраняет значение: брак остается важнейшим носителем родовой идентичности, связующим прошлое и настоящее.

Литература

1. Мальцева, О. В. «Таежный» и «речной» компоненты в социально-родовой организации нанайцев озера Болонь (Нижнее Приамурье) / О. В. Мальцева // Российская академия наук сибирское отделение. – 2019. – № 47 (2). – С. 131–139.
2. Мартынова, Н. В. Этнокультурные традиции свадебного обряда нанайцев как информационный источник в создании тематической живописной композиции / Н. В. Мартынова // American Scientific Journal. – 2020. – № 38 (2). – С. 12–19.
3. Шимкевич, П. П. Некоторые моменты из жизни гольдов и связанные с жизнью суеверия / П. П. Шимкевич // Этнографическое обозрение. – 1897. – № 3. – С. 1–20.
4. Штернберг, Л. А. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны / Л. А. Штернберг. – Хабаровск : Дальгиз. – 740 с.
5. Лопатин, И. А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские: опыт этнографического исследования с картой расселения гольдов и с 85 иллюстрациями на XXXIV отдельных таблицах по фотографическим снимкам автора и оригинальным рисункам с натуры / И. А. Лопатин. – Владивосток : [б. и.], 1922. – 370 с. – (Записки Общества изучения Амурского края; Т. XVII).
6. Таксами, Ч. М. Основные проблемы этнографии и истории нивхов: середина XIX – начало XX в. / Ч. М. Таксами. – Ленинград : Ленинград. – 238 с.
7. Старцев, А. Ф. История и культура тазов: историко-этнографические очерки (вторая половина XIX – начало XXI в.) / А. Ф. Старцев. – Владивосток : Дальнаука. – 414 с.

Об итогах третьего Форума высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках «Пояса и пути»

*Василевская В. Э., асп. БГУ,
науч. рук. Дрозд Н. И., канд. филол. наук, доц.*

В сентябре 2024 г. исполнилось 11 лет с периода выдвижения Председателем КНР Си Цзиньпином инициативы «Один пояс – один путь». Тогда, 7 сентября 2013 г., выступая с докладом на площадке Назарбаев Университета в Астане, Глава китайского государства идейно изложил перспективы строительства нового Шелкового пути в современных реалиях развития международных отношений. Председатель КНР Си Цзиньпин призвал объединить усилия во имя повышения уровня благосостояния народов и, опираясь на исторический опыт Великого шелкового пути, создать экономические коридоры по ключевым логистическим маршрутам, объединяющих Азию и Европу [1].

С 2017 г. в рамках реализации инициативы «Один пояс – один путь» функционирует отдельная структурная платформа, объединяющая всех участников, – Форум высокого уровня по международному сотрудничеству (далее – Форум). Форум выступает полноценной площадкой для подписания соглашений о сотрудничестве, расширения обменов и обучения, развития финансовой интеграции, координации единой политики. На настоящем этапе было организовано три Форума: в мае 2017 г., в апреле 2019 г. и в октябре 2023 г.

Третий Форум прошел в Пекине 17 октября 2023 г. и был приурочен к первому большому юбилею инициативы «Один пояс – один путь». Участие в мероприятии приняли представители свыше 150 стран и 40 международных организаций, в том числе лидеры 20 государств. Отличительной особенностью третьего Форума стало его тематическое направление, а именно ориентация на продвижение принципиальной позиции всех участников: экономическая взаимозависимость должна восприниматься не как риск, а как возможность развития.

В своем программном выступлении на церемонии открытия третьего Форума Председатель КНР Си Цзиньпин сформулировал руководящие принципы и конкретные меры будущего строительства Шелкового пути:

1. Китай готов к активной модернизации железнодорожной инфраструктуры в направлении «Китай – Европа».
2. Китай будет оказывать мощную поддержку идее открытой глобальной экономики.
3. Банк развития и Экспортно-импортный банк Китая выделит по 350 млрд юаней на финансирование проектов инициативы «Один пояс – один путь».

4. Китай намерен углублять сотрудничество в области зеленой энергетики.

5. Китай будет расширять сотрудничество в научно-технической сфере, в том числе путем создания 100 совместных лабораторий в течение ближайшего пятилетия.

6. Китай будет активным инициатором расширения глобального диалога по вопросам развития цивилизации.

7. Китай будет поощрять работу проектов, основанных на принципе добросовестности.

8. Китай совместно с вовлеченными странами будет развивать механизмы сотрудничества в сфере энергетики, финансов, экологии и культуры [2].

Перечисленные меры будущего строительства Шелкового пути будут способствовать углублению политических связей, расширению торговли и ускорению финансовой интеграции между вовлеченными в инициативу «Один пояс – один путь» странами. На сегодняшний день это порядка 150 стран и 30 международных организаций, активно взаимодействующих на 20 специально созданных в рамках указанной инициативы платформах многостороннего сотрудничества. «Успехи, достигнутые за последние 10 лет, бесценны. Благодаря совместному строительству Шелкового пути двери Китая во внешний мир открываются все шире. Если у стран есть желание сотрудничать и координировать свои действия, то Великая китайская стена может превратиться в открытую дорогу. Мы не участвуем в идеологической конфронтации, геополитических играх и блоковом политическом противостоянии, выступаем против односторонних санкций, экономического принуждения и “разрыва связей”», – подчеркнул Председатель КНР Си Цзиньпин в завершении доклада «Построение открытого и инклюзивного, взаимосвязанного и совместно развивающегося мира», представленного на третьем Форуме «Одного пояса – одного пути» [3].

Литература

1. Основные положения доклада «Развитие дружбы народов ради прекрасного будущего» Председателя КНР Си Цзиньпина в Назарбаев Университете в сентябре 2013 г. // Портал «Пояс и путь». – URL: <https://rus.yidaiyilu.gov.cn/p/36777.html> (дата обращения: 11.04.2025).

2. Программное выступление Председателя КНР Си Цзиньпина третьем Форуме «Пояса и пути» в октябре 2023 г. // Портал «Пояс и путь». – URL: <https://rus.yidaiyilu.gov.cn/news/news/334507.htm> (дата обращения: 11.04.2025).

3. Об основных итогах работы третьего Форума «Пояса и пути», прошедшего в октябре 2023 г. // Министерство иностранных дел КНР. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202310/t20231019_11163981.html (дата обращения: 11.04.2025).

Фигура Наримана Нариманова в исторической памяти Азербайджанской Республики

*Веремейчик М. А., асп. III к. БГУ,
науч. рук. проф. Меньковский В. И., д-р ист. наук, проф.*

В 1991 г. на территории бывшего Советского Союза образовалось 15 новых независимых государств, в том числе Азербайджанская Республика. Одним из важнейших вопросов, стоявших перед правительством, стало формирование политики памяти, отличной от проводимой в годы Советского Союза. Современная политика памяти Азербайджанской Республики включает в себя следующие направления: сохранение преемственности государственности с первой республикой – Азербайджанской Демократической Республикой; проведение мероприятий, способствующих сохранению идей тюркизма; сохранение памяти о Президенте Азербайджана – Гейдаре Алиеве и поддержание политики, направленной на решение проблемы Нагорного Карабаха [1, с. 18].

В настоящее время в Азербайджанской Республике взят курс на дистанцирование от советского наследия. Частью данного курса стала политика по избавлению от монументальной ленинианы. Исторической политикой проводятся мероприятия, направленные на создание позитивного образа третьего Президента Азербайджана – Гейдара Алиева и государственную преемственность с первой республикой – Азербайджанской Демократической Республикой. Однако в данных обстоятельствах имеет место сохранение памяти и о некоторых советских политических деятелях, в первую очередь – Наримане Нариманове.

Н. Нариманов занимал пост председателя Совета Народных Комиссаров Азербайджанской Советской Социалистической Республики в 1920–1922 гг. Одним из его главных политических достижений на этом посту стало сохранение территории Нагорного Карабаха в составе Азербайджанской ССР [2, с. 155]. Данное обстоятельство стало ключевым фактором, предопределившим сохранение памяти о Наримане Нариманове в исторической политике Азербайджана.

Память о Наримане Нариманове сохраняется в разных сферах: от филателии и нумизматики до монументальной культуры и мемориальных табличек. В Баку на зданиях, где жил и работал политик, установлены памятные таблички, а также открыт мемориальный музей. Кроме того, тематический музей открыт в Тбилиси. Монументальная скульптура в честь Наримана Нариманова была установлена в советский период. Крупнейшие памятники расположены в Баку и Сумгаите. Также имя Наримана Нариманова сохраняется в топонимике Азербайджана (в названии сел, улиц, социальных объектов и др.), Казахстана (улицы в городах Шымкент, Костанай), России (улицы

в городах Москва, Астрахань, Ростов-на-Дону, проспект в Ульяновске и др.), Кыргызстана (средняя школа № 5 им. Нариманова в г. Каракол, гимназия № 7 им. Нариманова в г. Ош).

Таким образом, историческая политика Азербайджана демонстрирует избирательный подход к чествованию политических деятелей периода Азербайджанской ССР. В случае с Нариманом Наримановым ключевым фактором являлась деятельность по сохранению территории Нагорного Карабаха в составе Азербайджанской ССР.

Литература

1. Веремейчик, М. А. Историческая память о революции 1917 г. в Азербайджанской Республике (1991–2024 гг.) / М. А. Веремейчик // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2025. – № 1 (148). – С. 17–23.

2. Гасанлы, Д. Вопрос о Нагорном Карабахе на Кавказском бюро ЦК РКП(б) в 1920–1923 годах / Д. Гасанлы // Кавказ и глобализация. – 2011. – № 1–2. – С. 139–170.

Роль КНР в создании ШОС

*Гиль Д. Д., студ. II к. БГУ,
науч. рук. Чувилев И. А., канд. полит. наук, доц.*

Развертывание и всестороннюю интеграцию в институционализацию структуры международных организаций «шанхайского процесса» (формирование механизма «пятерки» и последующее создание ШОС) классифицируют как один из основных элементов реализации стратегических интересов КНР в Центральной Азии. Данные интересы включают формирование такой международной структуры государств, в котором Китай вводит имплементацию своего концептуального свода во внешнеполитический дискурс мирового олимпа, балансируя между сохранением «вакуума силы» и одновременно не допуская чрезмерного усиления ее влияния в Центральной Азии путем расширения экономического сотрудничества КНР со странами региона [1, с. 63].

В свою очередь, китайские исследователи-международники Чжао Хуашэн, Пань Гуан, Гао Фэй, Цзян И ссылаются на принципиальную неприемлемость роли лидера как «общий принцип внешнеполитического курса КНР на современном этапе» [1, с. 63]. КНР была крайне заинтересована в поступательном, стадийном развитии экономических связей с партнерами по «пятерке». Однако к 2001 г., как отмечает В. Боровой, торгово-экономическое сотрудничество КНР со странами Центральной Азии явно отставало от политического [2, с. 69].

Данная корреляция вынуждала КНР действовать в рамках определенного многостороннего механизма, несколько нивелировавшего опасения центральноазиатских государств касательно возможного экономического доминирования КНР на основе исключительно двусторонних отношений. Как справедливо замечает в своей работе Чжао Хуашэн, если бы ШОС не была создана, на ее месте в любом случае появилась бы подобная структура [2, с. 69]. После шанхайского саммита 2001 г., на котором среди основных целей ШОС декларировалось «поощрение эффективного сотрудничества в торгово-экономической», энергетической, транспортной, экологической областях» [3], КНР начала процесс активной разработки совместных торгово-экономических и транспортных проектов. В 2002 г. на июньском саммите в Санкт-Петербурге Председатель КНР Цзян Цзэминь впервые выразил мнение китайской стороны по поводу безопасности и экономического развития: последние идут «рука об руку» и теснейшим образом неразрывно связаны между собой [2, с. 89]. Акцент Пекина на экономическую дипломатию в целях устойчивого развития и восстановления великодержавного статуса был официально озвучен на XVI съезде КПК в ноябре того же года [2, с. 87].

На пекинском саммите глав правительств ШОС в сентябре 2003 г. премьер-министр Вэнь Цзябао впервые выступил с предложением о создании на территории государств ШОС зоны свободной торговли, а также акцентировал внимание на необходимости развития совместных энергетических проектов. Данная идея нашла свое отражение в Долгосрочной Программе многостороннего торгово-экономического сотрудничества (до 2020 г.), подписанной в ходе саммита [3].

В дискурсе роли КНР в структуре ШОС на протяжении всей эволюции и трансформации политики превалировал аспект экономической дипломатии, что полномасштабно коррелировало с внутри- и внешнеполитической стратегической линией Пекина. К концу 2004 г. тактический базис экономической дипломатии, берущий свое начало в идеологической концепции Ху Цзиньтао (единство дипломатии и экономического сотрудничества) был окончательно оформлен. Как заявил в декабре на Семинаре по вопросам дипломатии и экономического развития в МИД КНР замминистра иностранных дел Лу Гочжэнь, «дипломатия расширяется от исключительно политических вопросов и проблем безопасности к вопросам защиты национальных интересов в сферах экономики и культуры» [4, с. 62].

В вышеперечисленном также проводится стратегическая параллель эволюции имплементации внешнеполитического дискурса КНР с внутриполитическим сводом национально-ценностных ориентиров. ШОС – это венец внешнеполитического дискурса КНР в факторе институционализации. Это в некой трактовке геополитическое поприще реализации КНР геостратегической политики, базирующееся на национальной государственной доктрине КНР с идейно-политической концептуализацией стремления

к реформированию мирового порядка и стремлению к воссозданию модели «общества единой судьбы человечества».

Литература

1. Garwood-Gowers, A. China and the ‘Responsibility to Protect’: The Implications of the Libyan Intervention / A. Garwood-Gowers // *Asian Journal of International Law*. – 2012. – Vol. 2. – № 2. – P. 375–393.

2. Боровой, В. Р. Политика КНР в Центральной Азии (90-е гг. XX в. – начало XXI в.) : дис. ... канд. ист. наук : 11.03.05 / В. Р. Боровой. – Минск, 2005. – 116 с.

3. Декларация о создании ШОС // Шанхайская Организация Сотрудничества. – URL: <https://base.garant.ru/2561540/?ysclid=m9fq7kbqu5901321278> (дата обращения: 26.03.2025).

4. Чжао, Х. Китай, Центральная Азия и Шанхайская организация сотрудничества / Х. Чжао ; пер. с кит. – М. : Москва, 2005. – 63 с.

Внешнеполитическая деятельность К. фон Меттерниха (1773–1859) в советской историографии

*Дубатовка А. Г., магистрант II к. БГУ,
науч. рук. доц. Космач П. Г., канд. ист. наук, доц.*

В 1809 г. новым министром иностранных дел Австрийской империи был назначен Клеменс фон Меттерних. Вплоть до 1848 г. с именем этого человека будет связана вся внешняя политика Габсбургской монархии и европейская международная дипломатия. Его дипломатические усилия позволили Австрии восстановиться в роли великой державы после Наполеоновских войн 1803–1815 гг. и привели к созданию Священного союза – главного гаранта устойчивости Венской системы международных отношений. Т. н. «система Меттерниха», направленная на поддержание баланса сил и принципов легитимизма в Европе, стала краеугольным камнем внешнеполитической деятельности Австрийской монархии в течение нескольких десятилетий.

Деятельность австрийского дипломата рассматривалась советскими историками в рамках работ по истории внешней политики России и истории дипломатии. Одним из первых затронул ее Е. В. Тарле (1874–1955), крупный специалист по истории Нового времени. В книге «Очерк новейшей истории Европы 1814–1919» (1929) он отмечал ум и проницательность К. фон Меттерниха, но также называл его «вождем всех европейских правительств в борьбе против революционеров всех стран» [1, с. 14]. «Он больше других представителей тогдашней реакции понимал и как будто предчувствовал полную неизбежность гибели самодержавия, которое он отстаивал и в Австрии, и в других местах», – подчеркивал ученый [1, с. 14].

В главе «Венский конгресс (октябрь 1814 г. – июнь 1815 г.)» первого тома коллективной работы «История дипломатии» (1959) академик Е. В. Тарле охарактеризовал отношение российского императора Александра I к австрийскому дипломату: «...терпеть не мог Меттерниха и хорошо понимал его интриги...» [2, с. 493]. В свою очередь, К. фон Меттерних, как писал историк, «боялся революции, но боялся и царя Александра; он даже приходил к убеждению, что Габсбургской державе грозит распадение скорее от соседства русского колосса, чем от внутреннего революционного взрыва» [2, с. 527].

В главе «Дворянско-монархическая реакция в западной Европе и буржуазно-революционное движение 20-х годов XIX в.» шестого тома «Всемирной истории» (1959) историк А. З. Манфред (1906–1976) выделял усилия Австрийской империи для подавления революций в 20-х гг. XIX ст. в Италии: «...приняли по инициативе Меттерниха решение о вмешательстве в неаполитанские дела» [3, с. 139]. Это привело к тому, что «Австрии было поручено вооруженными силами подавить революцию в Неаполе» [3, с. 139].

Существенный вклад в изучение позиции К. фон Меттерниха на Венском конгрессе внес советский историк Л. А. Зак. В его монографии «Монархи против народов» (1966) освещены вопросы дипломатической борьбы на Венском конгрессе. Рассматривая усилия австрийского дипломата, ученый акцентировал внимание на том, что «Австрия видела для себя опасность не только в сохранении мощи Франции и усилении России, но и в укреплении Пруссии, в ее стремлении к гегемонии в Германии» [4, с. 34]. Но в то же время Л. А. Зак отмечал и стремление Габсбургов к расширению своего влияния: «Не намереваясь отказываться от своих польских владений, Австрия одновременно рассчитывала укрепиться в Италии, полностью ликвидировав французское влияние на Апеннинском полуострове» [4, с. 34].

Деятельность К. фон Меттерниха на конгрессах Священного союза проанализирована в работах Е. Б. Черняка (1923–2013). Он писал о том, что «князь обладал и большим умением найти общий язык с разнородными силами, составлявшими европейскую реакцию – от римского папы до русского царя и от английских тори до главарей монархических шаек... Он ухитрялся заставлять эти силы по возможности действовать в интересах австрийской монархии» [5, с. 156]. Историк характеризовал его деятельность как наиболее полное воплощение европейской реакции.

Таким образом, советская историография рассматривала усилия австрийского канцлера в контексте развития международных отношений в Европе первой половины XIX в., выделяя его личные качества и способности. Имя К. фон Меттерниха прочно связывалось с характерными чертами легитимистской политики Священного союза. Советские историки делали вывод, что канцлер на международной арене в первую очередь отстаивал государственные интересы империи Габсбургов.

Литература

1. Тарле, Е. В. Очерк новейшей истории Европы. 1814–1919 / Е. В. Тарле. – Ленинград : Прибой, 1929. – 208 с.
2. Тарле, Е. В. Венский конгресс (октябрь 1814 г. – июнь 1815 г.) // История дипломатии : в 5 т. / под ред. В. А. Зорина. – Москва : Госполитиздат, 1959–1965. – Т. 1. – 1959. – С. 493–504.
3. Манфред, А. З. Дворянско-монархическая реакция в западной Европе и буржуазно-революционное движение 20-х годов XIX в. // Всемирная история : в 13 т. / гл. ред. Е. М. Жуков. – Москва : Издательство социально-экономической литературы, 1955–1983. – Т. 6. – 1959. – С. 131–161.
4. Зак, Л. А. Монархи против народов. Дипломатическая борьба на развалинах наполеоновской империи / Л. А. Зак. – Москва : Международные отношения, 1966. – 376 с.
5. Черняк, Е. Б. Жандармы истории (контрреволюционные интервенции и заговоры) / Е. Б. Черняк. – Москва : Международные отношения, 1969. – 560 с.

Институциональное оформление сферы туризма в Китае

*Жэнь Цянь, асп. БГУ,
науч. рук. Авласенко И. М., канд. ист. наук, доц.*

Сфера туризма в Китае стала развиваться с момента образования КНР в 1949 г., однако институционализация туристической деятельности Китая произошла гораздо позже. В 1964 г. создано Национальное управление по туризму Китая (China National Tourism Administration – CNTA) [1]. Ответственность CNTA – стратегическое планирование развития туризма, стандартизация, разработка законов и нормативных актов, контроль качества, вопросы сотрудничества с международными туристическими организациями, реализация политики выездного туризма и приграничного туризма, ответственность за безопасность туристов, идеологическое сопровождение и др. В период с 1985-го по 1991 г. CNTA занималась созданием основных нормативно-правовых актов, направленных на устойчивое развитие отрасли [2]. В 2000–2015 гг. CNTA совместно с рядом заинтересованных ведомств разработали ряд документов по стандартизации и совершенствованию управления туризмом в стране. Орган находился в подчинении Государственного совета КНР и отвечал за туризм до 2018 г., пока не вошел в состав Министерства культуры и туризма КНР (Ministry of Culture and Tourism, МСТ). Фактически МСТ объединило бывшее CNTA с Министерством культуры (МОС). Факт присоединения к Министерству указывает на значимость сферы туризма для правительства [3].

В настоящее время в Китае за сотрудничество с международными туристическими организациями отвечают Министерство культуры и туризма КНР – государственный орган, регулирующий туризм и культурные обмены, координирует участие Китая в международных организациях, заключает межправительственные соглашения (о проведении Года туризма Китай – ЕС, Китай – Казахстан, Китай – АСЕАН и др.), продвигает национальные инициативы, включая инициативу «Один пояс, один путь». Орган ведет тесное взаимодействие ЮНВТО. Заместитель председателя CNTA г-н Шаньчжун Чжу в 2018 г. назначен Исполнительным директором ЮНВТО [4].

Китайская туристическая ассоциация (China Tourism Association, СТА) основана в 1986 г., представляет собой неправительственную организацию, которая осуществляет деятельность под руководством МСТ, участвует в диалоге с международными ассоциациями (ПАТА и др.), организует такие международные выставки, как China International Travel Mart (CITM).

Комитет по культурному обмену содействует совмещению туризма и культурной дипломатии. Курирует программы обмена в рамках ШОС.

Существуют и провинциальные управления по туризму. Так провинция Юньнань развивает трансграничный туризм со странами АСЕАН [5].

В 2007 г. в Пекине был создан специализированный институт – Национальный центр данных по туризму (NTDC). В 2015 г. Министерством науки и технологий (MOST) он внесен в список научно-исследовательских учреждений центрального уровня, а в 2018 г. переименован в Китайскую академию туризма. Особую роль имеет СТА – Центр данных Министерства культуры и туризма. СТА и по настоящее время является «мозговым центром», сочетающим в себе науку и практику в целях развития туризма и культуры. СТА включает 10 подразделений и отвечает за политические и теоретические исследования в области туризма, статистику и анализ данных. Центр неоднократно поощрялся премиями и наградами ЮНВТО [6]. В 2009 г. СТА получила одобрение на проведение исследовательских проектов в области туризма, допускается к принятию политических решений в области культуры и туризма.

Таким образом, Китай выстраивает многоуровневую систему взаимодействия с международным туристическим сообществом, сочетая государственные, неправительственные и региональные инструменты. Страна стремится обеспечить стабильность, устойчивое развитие и безопасность посредством продвижения инициатив в туристической сфере.

Литература

1. Гайдукевич, Л. М. Деятельность КНР по развитию международного туризма на современном этапе / Л. М. Гайдукевич // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития : сб. науч. ст. – 2021. – № 9. – С. 27–36.

2. Заклязьминская, Е. О. Туристическая отрасль в стратегии развития Китая : монография / Е. О. Заклязьминская. – М. : ИМЭМО РАН, 2021. – 234 с.

3. Updates on China's Ministry of Culture and Tourism // Dragon Trail International. – URL: <https://dragontrail.com/resources/company-news/ministry-culture-tourism-website> (date of access: 12.04.2025).

4. UNWTO Secretary-General appoints Mr. Shanzhong Zhu as UNWTO Executive Director // UN Tourism/ January 25, 2018. – URL: <https://www.unwto.org/global/press-release/2018-01-25/unwto-secretary-general-appoints-mr-shanzhong-zhu-unwto-executive-director> (date of access: 12.04.2025).

5. С 10 февраля туристические группы из стран АСЕАН могут въезжать по безвизу в Шиуанбаньна-Дайский автономный округ провинции Юньнань // National Immigration Administration. – URL: <https://ru.nia.gov.cn/n21909/c180392/content.html> (дата обращения: 12.04.2025).

6. 中国旅游研究院 (文化和旅游部数据中心) China Tourism Academy (Data Center of the Ministry of Culture and Tourism). – URL: <https://www.ctaweb.org.cn/?m=home&c=Lists&a=index&tid=22&lang=en> (дата обращения: 12.04.2025).

Фалклендская вайна: прычыны і наступствы

*Зайцаў К. С., студ. І к. БДУ,
наук. кір. праф. Фральцоў У. В., д-р. гіст. навук, праф.*

У артыкуле разглядаюцца прычыны Фалклендскай вайны, сярод якіх – гістарычныя супярэчнасці і праблема прыналежнасці Фалклендскіх астравоў, а таксама наступствы канфлікту, які істотна паўплываў на далейшыя падзеі ў Аргенціне і Вялікабрытаніі.

Першая зафіксаваная высадка на Фалклендскіх астравах адбылася ў 1690 г. каля порта Говарда на Заходнім Фалклендзе пад камандаваннем Джона Стронга, капітана англійскага карабля «Welfare». Дж. Стронг назваў праліў паміж двума галоўнымі астравамі ў гонар віконта Фалкленда, брытанскага марскога чыноўніка. У 1764 г. французскі мараплавец Луі-Антуан дэ Бугэнвіль заснаваў першае паселішча на астравах і назваў архіпелаг Мальвінамі. У 1765 г. брытанцы стварылі сваё пасяленне, але пазней былі выгнаны іспанцамі. У 1771 г., пасля пагрозы вайны, брытанцы аднавілі сваю прысутнасць, аднак у 1774 г. пакінулі востраў з-за эканамічных прычын, не адмаўляючыся ад сваіх правоў на Фалкленды. Іспанцы захоўвалі сваю калонію на Усходнім Фалклендзе да 1811 г. [1].

У 1820 г. урад Аб'яднаных Правінцый Рыа дэ ла Плата ў Буэнас-Айрэсе, які раней абвясціў незалежнасць ад Іспаніі, заявіў пра свой суверэнітэт над Фалклендамі. У 1831 г. амерыканскі ваенны карабель знішчыў аргентынскае пасяленне на Усходнім Фалклендзе ў адказ на арышт трох амерыканскіх суднаў, што лавілі цюленяў. У пачатку 1833 г. брытанскія сілы выгналі

апошніх аргентынскіх чыноўнікаў з астравоў. У 1841 г. быў прызначаны брытанскі цывільны лейтэнант-губернатар, і да 1885 г. брытанская супольнасць на астравах набыла самастойнасць [1].

Аргенціна рэгулярна пратэставала супраць брытанскай прысутнасці. Пасля Другой сусветнай вайны пытанне суверэнітэту над Фалклендамі перайшло ў ААН, і ў 1964 г. яно абмяркоўвалася камісіяй па дэкаланізацыі. Аргенціна спасылалася на гістарычныя дакументы, геаграфічную блізкасць і пераемнасць ад Іспаніі. Вялікабрытанія, у сваю чаргу, абгрунтоўвала свае правы адкрытым, пастаянным і эфектыўным кіраваннем з 1833 г., а таксама прынцыпам самавызначэння насельніцтва [1].

У 1970-х гг. Аргенціна наладзіла транспартныя сувязі з Фалклендамі, дзякуючы падпісанаму з Вялікабрытаніяй Пагадненню аб сувязі (1971 г.). Брытанскі ўрад нават разглядаў магчымасць перадачы суверэнітэту, але супраць выступілі жыхары астравоў і ўплывовыя кансерватыўныя сілы ў Лондане [2]. У 1976 г. Аргенціна заняла востраў Паўднёвая Тула, а ў 1977 г. ВМС Аргенціны спынілі пастаўкі паліва ў аэрапорт Порт-Стэнлі [3]. У адказ на гэта прэм'ер-міністр Вялікабрытаніі Джэймс Калаган таемна накіраваў у Паўднёвую Атлантыку два фрэгаты і атамную падводную лодку [4].

У 1981 г. Аргенціна знаходзілася ў стане цяжкага эканамічнага крызісу і масавых пратэстаў супраць ваеннага рэжыму. У снежні ўладу пераняла новая хунта на чале з генералам Леапольда Гальцеры, які стаў галоўным ініцыятарам ваеннага захопу Фалклендаў, спадзяючыся, што Вялікабрытанія не адкажа на яго дзеянні ваенным шляхам. Гэтыя спадзяванні базіраваліся на тым, што Лондан, таксама знаходзячыся ў стане эканамічнага крызісу, адазваў свой адзіны карабель (HMS Endurance) з Фалклендаў у рамках скарачэння каралеўскага флота. 19 сакавіка 1982 г. аргентынскія маракі ўзнялі свой сцяг на востраве Паўднёвая Георгія. Брытанскія ВМС былі хутка мабілізаваны. Лондан быў заспеты зняначку, хоць і папярэджаўся афіцэрам Нікаласам Баркерам, які лічыў, што рашэнне скараціць ваенную прысутнасць у рэгіёне штурхае Аргенціну да актыўных дзеянняў [5].

2 красавіка 1982 г. аргентынскія войскі ўварваліся на Фалклендскія астравы. Брытанскі губернатар сэр Рэкс Хант быў дэпартаваны і рэпатрыіраваны ў Вялікабрытанію разам з Марскім падраздзяленнем 8901 – невялікім кантынгентам каралеўскіх марскіх пяхацінцаў, якія абаранялі астравы, перш чым былі змушаны здацца. У наступныя тыдні на жыхароў астравоў былі накладзены шматлікія абмежаванні. Некаторых гвалтам дэпартавалі. Іншых трымалі пад вартай некалькі тыдняў [6]. Аргенціна размясціла на Фалклендах больш за 10 000 салдат, але большасць з іх былі непадрыхтаванымі прызыўнікамі, якім не хапала ежы, адзення і прытулку на зімовы перыяд [1]. Аргентынскае насельніцтва адрагавала пазітыўна на захоп Фалклендаў, і вялікія натоўпы сабраліся перад прэзідэнцкім палацам, каб прадэманстраваць падтрымку

ваеннай ініцыятыве. У адказ на ўварванне прэм'ер-міністр Маргарэт Тэтчэр санкцыянавала ваенную аперацыю пад кодавай назвай «Corporate» з мэтай вярнуць астравы. Гэта была першая аперацыя з часоў Другой сусветнай вайны, у якой адначасова былі задзейнічаны ўсе віды ўзброеных сіл Вялікабрытаніі [6].

Большасць еўрапейскіх дзяржаў выказала падтрымку Злучанаму Каралеўству. Аднак большасць лацінаамерыканскіх урадаў падтрымала Аргенціну, за выключэннем Чылі, таксама з прычыны тэрытарыяльнага канфлікту дзвюх краін ў раёне архіпелага Вогненная Зямля. Успрынятая пагроза з боку Чылі прымусіла Аргенціну трымаць большую частку сваіх элітных войскаў на мацерыку, далёка ад Фалклендскага тэатра ваенных дзеянняў. Акрамя таго, аргентынскія ваенныя разлічвалі, што Злучаныя Штаты застануцца нейтральнымі ў канфлікце, але пасля няўдалых спроб прымірэння ЗША прапанавалі поўную падтрымку Вялікабрытаніі, дазваляючы свайму саюзніку па НАТА выкарыстоўваць свае ракеты класа «паветра-паветра» і іншыя ваенныя рэсурсы [1].

Брытанская ваенная групоўка пайшла ў наступ супраць Аргенціны 23 красавіка 1982 г. і пасля кароткага марскога бою вярнула пад кантроль Паўднёвую Георгію. Аперацыя па вяртанні Фалклендскіх астравоў пачалася 1 мая. Пасля жорсткіх марскіх і паветраных баёў 21 мая быў праведзены дэсант у заліве Сан-Карлас. 14 чэрвеня аргентынскія войскі капітулявалі, і кантроль над астравамі вярнуўся да Вялікабрытаніі. Затым два караблі Каралеўскага флоту накіраваліся да Паўднёвых Сэндвічавых астравоў і выцеснілі аргентынскія войскі з вострава Туле, тым самым вярнуўшы пад брытанскі кантроль усе раней захопленыя тэрыторыі [6].

Усяго за 74 дні вайны, якая не была аб'яўлена, загінула 907 чалавек. Акрамя таго, былі паранены або траўмаваны 1 188 аргентынцаў і 777 брытанцаў [6].

Пасля вайны ў Вялікабрытаніі вырасла папулярнасць Маргарэт Тэтчэр. Паспех кампаніі на Фалклендскіх астравах разглядаўся як паваротны момант для ўрада кансерватараў, якія да пачатку канфлікту некалькі месяцаў адставалі ў апытаннях ад Альянсу СДП-лібералаў. Пасля перамогі на Фалклендах кансерватары зноў выйшлі наперад у апытаннях і перамаглі на наступных выбарах. У выніку прапановы міністра абароны Джона Нота аб скарачэнні Каралеўскага флоту былі адменены.

У 1983 г. жыхарам астравоў была вернута поўная брытанская грамадзянская прыналежнасць; якая іх жыцця палепшылася дзякуючы інвестыцыям з боку Вялікабрытаніі і эканамічнай лібералізацыі, якая раней была прыпынена з-за страху выклікаць незадаволенасць Аргенціны. У 1985 г. была прынятая новая канстытуцыя Фалклендаў, якая садзейнічала самакіраванню і працягнула перадачу паўнамоцтваў самім жыхарам. У выніку на рэферэндуме ў 2013 г. адносна суверэнітэту Фалклендскіх астравоў 99,8% выбарцаў прагаласавалі за захаванне статусу брытанскай тэрыторыі пры яўцы 92% [7].

Для Аргентини параза ў Фалклендскай вайне азначала прадухіленне магчымай вайны з Чылі. Акрамя таго, у краіне аднавіліся дэмакратычныя выбары: праз чатыры месяцы пасля сканчэння канфлікту адбыліся першыя свабодныя ўсеагульныя выбары з 1973 г.

Літаратура

1. Falkland Islands War // Encyclopaedia Britannica. – URL: <https://www.britannica.com/event/Falkland-Islands-War> (date of access: 13.04.2025).
2. Welch, D. A. Painful Choices: A Theory of Foreign Policy Change / D. A. Welch. – Princeton : Princeton University Press, 2011. – P. 75.
3. Phillips, R. A. Damn Close-Run Thing: A Brief History of the Falklands War / R. A. Phillips. – Burslem : Shilka Publishing, 2014. – P. 2.
4. Secret Falklands fleet revealed // BBC News. – URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/4597581.stm (date of access: 13.04.2025).
5. Obituary: Captain Nicholas Barker // The Independent. – URL: <https://www.independent.co.uk/news/people/obituary-captain-nicholas-barker-1266075.html> (date of access: 13.04.2025).
6. A Short History of the Falklands Conflict // Imperial War Museums. – URL: <https://www.iwm.org.uk/history/a-short-history-of-the-falklands-conflict> (date of access: 13.04.2025).
7. A Report on the Referendum on the Political Status of the Falkland Islands // South Atlantic Council Occasional Papers – URL: <https://www.staff.city.ac.uk/p.willetts/SAC/OP/OCCPAP12.HTM#cnts-ref-12> (date of access: 13.04.2025).

Отношения ЕС и Израиля после событий 7 октября 2023 года

*Каплун Б. А., Кузьмич Д. Д., студ. II к. БГУ,
науч. рук. преп. Ширяев М. П.*

Взаимоотношения ЕС и Израиля на протяжении десятилетий характеризовались переменчивостью. Однако, несмотря на взлеты и падения в двустороннем диалоге, Израиль всегда занимал «особое» место в европейской политической системе. Так, например, Израиль заключил с ЕС соглашение об ассоциации, которое делало из него одного из самых крупных торговых и политических партнеров среди стран средиземноморского региона.

События 7 октября 2023 года повлекли за собой нестабильность и панику внутри Государства Израиль. Эта нестабильность выражалась не только во внутренней политике, но и во внешней. Конечно, после нанесения Хамасом удара по мирному израильскому населению Европейский союз выражал свою поддержку и сочувствие правительству Нетаньяху. Так, жестом, выразившим поддержку, стал визит в Израиль 13 октября 2023 года главы Еврокомиссии

Урсулы фон дер Ляйен и председателя Европарламента Роберты Метсолы. Однако уже в первые месяцы конфликта внутри Европейского союза начали появляться разногласия, в ходе которых Урсула фон дер Ляйен подверглась критике в виду слишком явной произраильской позиции [1].

Разногласия внутри ЕС привели к сильной поляризации мнений по поводу конфликта между Хамасом и Израилем. На саммите ЕС в октябре 2023 года заявлялось о необходимости предоставления гуманитарных коридоров, а также звучали призывы к Израилю о гуманитарной паузе. Ситуация дошла до своего пика в марте 2024 года, когда европейские власти объявили о необходимости предоставления Газе срочной гуманитарной паузы. В то же время европейские политики не выступали с осуждением Израиля, наоборот, высказывались за право Израиля на защиту. Эта поляризация мнений распространилась и на европейское общество, где мнения разделились на поддерживающих палестинцев и поддерживающих Израиль [1].

После начала проведения операции «Железные мечи» ЦАХАЛ значительно продвинулся внутрь сектора Газа. По мере продвижения израильской армии было большое количество жертв со стороны палестинского мирного населения. Израильская сторона объясняла это тем, что боевики Хамас использовали так называемый живой щит. Можно констатировать, что с начала проведения операции регион Газы стал настоящей гуманитарной катастрофой. Это же подтвердили главы МИД Германии и Великобритании на встрече с Биньямином Нетаньяху в ходе визита [2].

Несмотря на все попытки повлиять на ситуацию в секторе Газа, Европейский союз не смог добиться успеха. Израиль всегда резко реагирует на любые попытки повлиять на ход принятия решений в оборонной сфере. Так, на предложения европейских политиков о прекращении огня и урегулировании ситуации, Израиль заявляет о собственной точке зрения и нежелании принимать во внимание советы и предложения партнеров [3].

В 2025 году ЕС продолжает балансировать между поддержкой Израиля в борьбе с терроризмом и критикой его действий в Палестине, включая расширение поселений на Западном берегу, что противоречит международному праву [4]. Также, несмотря на критику, ЕС избегает радикальных мер, таких как разрыв Соглашения об ассоциации (из-за экономических интересов и отсутствия консенсуса среди членов), и продолжает торговать и инвестировать в израильские поселения [5].

Таким образом, отношения ЕС и Израиля сохраняют двойственность: Европа сочетает поддержку антитеррористических операций с осуждением гуманитарных последствий и нарушения международного права. Разрозненность внутри ЕС, экономическая взаимозависимость и неприятие Израилем внешнего давления сводят к минимуму влияние европейской дипломатии. Гуманитарные призывы и критика не перерастают в реальные санкции,

а конфликт в Газе обнажает неспособность ЕС предложить действенные решения. Продолжая сотрудничество с Израилем, ЕС фактически поддерживает конфликт, и в то же время европейские политики не могут отказаться от одного из ключевых союзников в регионе.

Литература

1. Год после атаки ХАМАС: у Израиля изменились отношения с ЕС? // Deutsche Welle. – 2024. – URL: <https://www.dw.com/ru/god-posle-ataki-hamas-u-izraila-izmenilis-otnosenia-s-es/a-70332346> (date of access: 12.04.2025).

2. Операция “Железные мечи”, день 557-й: хроника противостояния // Вести. – 2025. – URL: <https://www.vesty.co.il/main/article/xfcd05zwc> (date of access: 12.04.2025).

3. Израиль: Заявление Верховного представителя через год после терактов 7 октября // EEAS. – 2024. – URL: <https://www.eeas.europa.eu/delegations/russia/> (date of access: 12.04.2025).

4. ЕС ввел санкции против израильских граждан и радикальных организаций // Interfax. – URL: <https://www.interfax.ru/world/956828> (date of access: 14.04.2025).

5. ЕС должен прекратить поддержку геноцида, оккупации и апартеида Израиля и начать соблюдать международное право // Amnesty International. – URL: <https://eurasia.amnesty.org/2025/02/20/es-dolzhen-prekratit-podderzhku-genocida-okkupaczii-i-aparteida-izrailya/> (date of access: 14.04.2025).

К вопросу о положении Православной и Римско-католической конфессий в Республике Беларусь в правовом поле

*Кресс-Романова Т. В., асп. II к. БГУ,
науч. рук. Пашков Н. О., канд. ист. наук, доц.*

В статье рассмотрены теоретические вопросы относительно иерархии и других правовых аспектов католического костела и православной церкви. Предметом исследования являются кодекс канонического права Римско-католического костела и каноническое право Белорусской Православной Церкви. Цель исследования: показать юридические аспекты католического костела и православной церкви в Республике Беларусь.

Одним из определяющих факторов современного культурного общества является религия. За последние десятилетия понимание авторитетности религии в белорусском социуме и вообще в мире означает принятие того, как конфессия влияет на общество и наоборот [1]. По мере роста значения религии в белорусском социуме возросло также влияние конфессионального фактора

в различных сферах. В частности, в общественно-политической жизни белорусского общества религиозный фактор стал играть заметную роль [6].

Республика Беларусь является поликонфессиональной страной [6]. В нашем государстве зарегистрировано 25 конфессий и религиозных направлений [6]. Наиболее распространена христианская конфессия, представленная тремя религиями: православие, католицизм и протестантизм. Основными конфессиями являются православие и католицизм [4, с. 60–68]. Поэтому, в статье выдвинута задача: рассмотреть и сравнить канонические аспекты права Белорусской Православной церкви и Католического костела.

С 90-х годов предыдущего столетия, кроме того, что была проведена основательная перестройка общественного и государственного устройства, также произошли изменения в религиозной жизни страны. Например, изменились взаимоотношения религиозного института с государством, с различными политическими институтами, экономикой, правом, образованием, СМИ и др. Отдельную роль в плане преобразования жизни религии играл Закон Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях», где сняли множество ограничений по религиозной деятельности [2, с. 4].

Государство и религиозные институты существуют независимо друг от друга и взаимодействуют в рамках законодательных норм. Каждый религиозный институт существует и развивается, основываясь на внутренних законах или каноническом уставе.

Церковное право, в частности, отражает взаимоотношения между христианами и христианскими общинами, обязанности и права членов церкви и статус церковных учреждений. Церковное право включает в себя принципы, которые регулируют внутреннюю часть церкви, а также ее взаимоотношения с различными общественными союзами религиозного или политического характера, с государствами [5, с. 6].

Целью права как такового является регулирование взаимоотношений между людьми путем установления обязательных для всех, на кого распространяются нормы права, правил поведения. Право предусматривает также в случае необходимости принятие мер для принуждения, чтобы правилами подчинялись все, к кому они имеют отношение. У церковных норм есть задачи – регулировать внешнюю, материальную сторону церковной жизни.

Принципиальные различия существуют в составе и устройстве Белорусской Православной Церкви и Римско-католического костела. Церковь – это «общество людей, соединенных православною верою, законом Божиим, Священноначалием и Таинствами» [2, с. 7–8]. Православный религиозный институт подчиняется своим внутренним правилам. В православной церкви Главой является Спаситель, а все епископы равны в достоинстве и власти, несмотря на различия в объеме полномочий. Члены церкви связаны между собой единством веры и духовной жизни [5, с. 566–569].

Белорусская Православная Церковь входит в состав и подчиняется Русской Православной Церкви и Уставу, принятому Архиерейским Собором 2000 г.

В состав церкви входят клирики, миряне и монашествующие. Все члены церкви разделены на два основных разряда. Первый разряд составляют клирики – люди, совершающие церковное служение: проповедают, преподают Таинства, заботятся о внешнем устройстве храма. К клиру относятся духовенство (церковнослужители), подразделяющееся на епископство, пресвитерство и диаконство. Епископы являются преемниками апостолов, без их «воли пресвитеры и диаконы ничего не совершают» [2, с. 55–68]. Пресвитеры – представители средней ступени иерархии – это священники, совершающие все священнодействия в церкви, такие как крещения, венчания, отпевания и др. Диаконы – священнослужители первой (низшей) степени церковной подчиненности. Они помогают епископам и пресвитерам в служении в совершении священнодействий [2, с. 55–68].

Второй разряд состоит из церковнослужителей (иподиаконов, певцов, чтецов) – это обычные верующие, участвующие в церковной жизни. Помимо клира и мирян есть еще монашествующие, выделяющиеся особым образом жизни, при котором даются обеты – целомудрия, бедности и послушания [2, с. 68–74].

В Римско-католической церкви степени подчиненности несколько отличаются от православной. Руководствуется католический костел кодексом канонического права, в котором подробно описаны законы, права и обязанности верующих, иерархия костела, все обряды, преступления и наказания за них, судебные процессы и другое.

В каноническом кодексе католической конфессии понятие «Апостольская Столица» включает в себя понтифика, государственный секретариат, совет по публичным делам костела и другие учреждения Римской курии. Должность папы Римского фиксируется в тексте кодекса как «Римский Понтифик» [3, с. 141].

В иерархическую структуру костела входит верховная власть костела, партикулярные костелы и их объединения. Верховную власть костела составляют: понтифик и коллегия епископов, Синод епископов, кардиналы Римского костела, Римская курия, легаты Римского понтифика [3, с. 140–154].

В католическом кодексе, в отличие от православного права, именуют понтифика Главой коллегии епископов, а также пастырем костела на всей земле [3, стр. 140–154]. Кроме того, в костеле Глава Ватикана имеет полную верховную власть и свободно ее осуществляет, а получает ее (власть) в результате легитимного и принятого им самим выбора вместе с епископским посвящением [3, с. 140–154]. Папа Римский имеет власть не только над всем костелом, но также получает первенство власти над всеми костелами и их объединениями. Против решений Главы Святого Престола не допускается

подача апелляции. Папе Римскому оказывают помощь епископы, Синод епископов, различные учреждения, кардиналы и другие [3, с. 140–154].

Глава Римско-католической церкви (только он) имеет право созывать всемирный собор, переносить, останавливать или распускать собор и утверждать его декреты. Кроме того, понтифик является главой коллегии епископов. Все епископы, которые являются членами коллегии епископов могут участвовать во всемирном соборе с правом решающего голоса. Коллегия епископов торжественно осуществляет власть во вселенской церкви на всемирном соборе [3, с. 140–154].

На иерархической лестнице верховной власти Римско-католического костела ступенью ниже располагается Синод епископов, который непосредственно подчиняется власти понтифика. Он имеет право созывать Синод, утверждать его членов, формировать вопросы для обсуждения и порядок его работы. Кроме того, понтифик может возглавлять Синод лично или через иных лиц, а также завершать, переносить, приостанавливать и распускать его [3, с. 140–154].

Синодом называют собрание епископов, выбранных из разных регионов мира, которые собираются в назначенное время для обсуждения с Папой Римским различных вопросов, касающихся деятельности костела в мире. Задача Синода епископов – обсуждать поставленные вопросы и вносить предложения.

В верховную власть входят также кардиналы Римского костела, которые представляют собой особую Коллегию, имеющую право выбирать Папу Римского. Помимо прочего, кардиналы помогают понтифику в его ежедневных заботах о костеле. Коллегия кардиналов возглавляется деканом и подразделяется на три ступени: епископскую, пресвитерскую и дьяконскую [3, с. 140–154].

Еще одной ветвью верховной власти Римско-католического костела является Римская курия, при помощи которой понтифик обычно решает дела повсеместного костела. Кроме того, Курия от имени Папы Римского (и его властью) выполняет свое задание. Она включает в себя Папский секретариат, Раду по публичным делам костела, конгрегации, трибуналы и другие учреждения, структура и зона ответственности которых очерчиваются особыми законами [3, с. 151–154].

Папские легаты – последняя из ветвей верховной власти костела. Папский легат обязан представлять Папу Римского в государствах, куда был направлен, а также в партикулярных костелах. Обязанностями легата являются: сообщать в Апостольскую Столицу об условиях, в которых находится костел и обо всем, что касается жизни костела, содействовать епископам, поддерживать тесную связь с Конференцией епископов, поддерживать международное сотрудничество, «защищать перед руководителями государства то, что касается миссии костела и Апостольской Столицы» и другие [3, с. 152–155].

Кроме того, папский легат должен поддерживать связи между государственными властями и Святым Престолом и проводить переговоры по вопросам, касающимся отношений костела и государства [3, с. 152–155].

Вторая часть иерархии костела – партикулярные костелы и их объединения.

Единый костел состоит из партикулярных костелов – епархий, к которым приравняются территориальная прелатура и территориальное аббатство, апостольский викариат, префектура и администрация.

Епархия – это часть католиков, главой которых является епископ. Так, например, Римско-католическая церковь в Беларуси состоит из четырех автономных епархий: Минско-Могилевской, Витебской, Гродненской и Пинской.

Еще одной частью поместного костела, являются территориальная прелатура – это часть католиков, находящаяся в определенных территориальных границах, управляемая святителем [3, с. 155–221]. Апостольский викариат – это также часть людей католической веры, которая еще не является епархией, управляемая викарием от имени понтифика [3, с. 217–219].

Кроме викариата к епархии также приравнивается апостольская администрация – это часть католического населения, которая по определенным причинам не учреждена Папой Римским в качестве епархии и управляется апостольским администратором. Любая епархия подразделяется на приходы, кроме того, несколько соседних приходов могут объединять в благочиния [7].

Объединение партикулярных костелов состоит из: костельной провинции и костельных регионов, митрополитов, партикулярных синодов, конференции епископов. Для совместной деятельности соседних епархий соседствующие костелы должны объединяться в костельные провинции, которую возглавляет митрополит, являющийся архиепископом епархии, которой он управляет [3, с. 155–157].

Отдельного внимания требует Конференция епископов – это собрание епископов какой-либо страны или территории, которые, согласно кодексу, совместно осуществляют папское задание по отношению к верующим [3, с. 181–185]. Пленарные заседания епископов должны осуществляться хотя бы раз в год, а также каждый раз, когда того требуют обстоятельства.

Еще одним подразделением партикулярных костелов и их объединений является внутренняя организация партикулярных костелов. Она включает в себя: епархиальный синод, епархиальную курию, совет священников и консультативный совет, канонические главы, папские советы, приходы, папские и приходских викариев, настоятелей храмов и др.

Кодекс канонического права католического костела был выпущен к тридцатилетию установления дипломатических отношений между святым престолом и республикой Беларусь, который отмечали в 2022 г. Это первый

в истории белорусский перевод с параллельным латинским текстом действующего кодекса канонического права, который является главным законодательным документом костела, «промульгированный» [3, с. 28] Иоанном Павлом II в 1983 г. Этот кодекс – своеобразный пересказ канонического языка учения Второго Ватиканского Собора о природе Церкви и ее призвании в мире, а также того, на каких ценностях должны строиться и как должны действовать его видимые структуры.

Перевод и издание такого фундаментального произведения правовой мысли Римско-католического костела, как Кодекс канонического права, – это кропотливая работа множества людей: ксендзов, специалистов в каноническом праве, юристов, филологов. Инициатором и организатором перевода кодекса выступил апостольский нунций в Республике Беларусь Анте Йозич. Перевод производился в течение двух лет с 2020 по 2022 г.

В каноническом праве православной и католической религий существует множество отличий, так как каждая конфессия нуждается в собственном пространстве, которое стремится сохранить. Следует отметить, что набирают силу межконфессиональные отношения, способствующие взаимопониманию и миру между религиозными объединениями.

Литература

1. Земляков, Л. Е. Религиозная ситуация в современной Беларуси и религиозная ситуация в Республике Беларусь / Л. Е. Земляков. – 2014. – URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/94019>.
2. Каноническое право (на примере Русской православной церкви XI–XXI вв.) : учеб. пособие. – Москва : Проспект; Екатеринбург, Издат. дом Уральского гос. юрид. ун-та, 2021. – 400 с.
3. Кодэкс кананічнага права : Codex iuris canonici / Пераклад з лаціны кс. Д. Пухальскі, кс. А. Зноска. – 2022. – 592 с.
4. Кресс-Романова, Т. В. Становление и развитие диалога между Республикой Беларусь и Святым Престолом / Т. В. Кресс-Романова // Международное гуманитарное сотрудничество: новые вызовы и возможности : материалы науч.-практ. конф., Йошкар-Ола, 18–19 апр. 2024 г. / Марийский гос. ун-т ; редкол.: Г. Л. Соколова, А. В. Филатова, А. Е. Фоминых. – Йошкар-Ола : Марийский гос. ун-т, 2024. – С. 60–68.
5. Протоиерей Владислав Цыпин. Каноническое право / В. Цыпин. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2009. – 864 с.
6. О конфессиональной ситуации в Республике Беларусь // Официальный сайт уполномоченного по делам религий и национальностей. – URL: <https://belarus21.by/Articles/1439296790> (дата обращения: 29.03.2025).
7. О христианстве и законе // Официальный католический сайт. – URL: <https://catholic.by/3/pub/auth/744-khrystyianin-i-prava-dyyatsezii> (дата обращения: 20.02.2025).

Осуществление политики «мягкой силы» Китая в Латинской Америке

*Лазовская О. С., студ. I к. БГУ,
науч. рук. преп.-стажер Федорович А. И.*

«Мягкая сила», по определению американского политолога Дж. Ная, – это способность государства добиваться поставленных целей не через методы принуждения и военную мощь, а через привлекательность. Как правило, применение «мягкой силы» связано с продвижением национальных ценностей, культуры, бизнеса посредством образовательных программ, научно-технологического сотрудничества. Для Китайской Народной Республики (КНР) политика «мягкой силы» играет важную роль в формировании ее внешней политики. Так, в 2012 г. Ху Цзиньтао официально заявил о намерении укреплять данную политику и о необходимости продвигать китайскую культуру в мире.

Долгое время регион Латинской Америки (ЛА) считался зоной влияния Соединенных Штатов Америки, однако начиная с 2000-х гг. началась активизация отношений КНР со странами региона. За короткие сроки Китаю удалось стать одним из основных торговых партнеров в ЛА. Китай активно развивает отношения с такими региональными организациями и объединениями, как Андское сообщество и Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна, например, путем подписания соглашений о создании механизма политических консультаций, развитии политического, экономического и технического сотрудничества [1, с. 909].

Китай выработал комплекс мероприятий, который был направлен на распространение китайской культуры, повышение уровня осведомленности о КНР, популяризации китайского языка. Комплекс мероприятий включает правительственные программы проведения совместных образовательных обменов и научных мероприятий. Ключевые направления деятельности Китая со странами ЛА осуществляются посредством развития научно-образовательного сотрудничества, т. е. основным механизмом реализации «мягкой силы». В Китае действует Институт Латинской Америки Китайской академии общественных наук, один из крупнейших центров по изучению стран региона. В рамках института китайские специалисты сотрудничают с научными центрами стран региона, результатом сотрудничества которых служит большое количество проводимых исследований, которые посвящены проблемам китайско-латиноамериканских отношений [2, с. 82].

Стоит отметить деятельность Китая по расширению медиа-влияния в Латинской Америке: увеличение поддержки китайских издательских компаний и СМИ на испанском языке (канал CGTN, информационное агентство «Синьхуа», газета *Diario del Pueblo*, «Жэньминь жибао») [3, с. 88]. Присутствие КНР можно наблюдать и в сфере телекоммуникаций,

электроэнергии, финансов, развития высоких технологий. Помимо этого, Китай стал больше инвестировать в стратегические отрасли Латинской Америки. В среднем, за период с 2003 по 2022 г., Китай инвестировал в ЛА и страны Карибского бассейна в общей сложности \$187,5 млрд [4]. В 2023 г. крупнейшими инвестициями КНР были инвестиции в производство электромобилей (\$1 млрд), смартфонов (\$800 млн), в литиевый проект SDSA в Аргентине (\$823 млн) [5].

Политика «мягкой силы» реализуется и посредством инициативы «Один пояс – один путь», предложенной Си Цзиньпином в 2013 г. В ходе Второго форума, китайская сторона проявила инициативу в отношении стран региона для реализации проекта, так как Китай рассматривал государства ЛА как часть естественного продолжения «Морского шелкового пути XXI в.». Благодаря КНР участие в инициативе дает странам ЛА доступ к новым технологиям и инновациям, таким как дистанционное образование, электронная торговля [6].

В рамках инициативы «Один пояс – один путь» при поддержке и финансировании Китая были построены и запущены такие инфраструктурные объекты, как железные дороги (в том числе первые линии метро), морские порты и мосты, гидроэлектростанция, открылся новый грузовой авиамаршрут между КНР и Бразилией, по которому должна была активизироваться торговля электронной продукцией [6]. Все это способствует увеличению экономического влияния Китая в регионе и облегчению доступа китайских товаров на местные рынки. Стоит отметить, что в марте 2023 г. в рамках бизнес-форума в Пекине Бразилия и Китай заключили соглашение о ведении торговли в национальных валютах, отказавшись от доллара, для облегчения финансовых операций.

Вовлекая страны в инициативу, КНР приобретает поддержку со стороны политических элит Латинской Америки. Однако Китай не выдвигает никаких политических условий для участия в инициативе «Один пояс – один путь». Благодаря этому формируется положительный образ КНР в регионе Латинской Америки, тем самым улучшая имидж страны на международной арене [2, с. 82].

Таким образом, политика «мягкой силы» является важной составляющей внешнеполитической стратегии КНР. Такая стратегия позволяет развивать межрегиональные связи и облегчает продвижение собственных ценностей и культуры. Страны Латинской Америки, несмотря на дальнейшее геополитическое расположение, являются одной из сфер интересов КНР. Заинтересованность стран ЛА в инициативе «Один пояс – один путь» показывает, что в будущем Китай намерен еще активнее использовать новые способы реализации своих международных амбиций, в том числе «мягкую силу».

Литература

1. Гарбарт, М. И. Основные источники «мягкой силы» КНР в Латинской Америке на современном этапе / М. И. Гарбарт // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2019. – Т. 2. – № 4 (80). – С. 907–914.
2. Максимов, А. Д. «Мягкая сила» Китая в странах Андского сообщества наций / А. Д. Максимов, Ю. В. Николаев // Латинская Америка. – 2022. – № 3. – С. 87–102.
3. Корочкина, А. FT сообщила о фокусе Китая на инвестициях в стратегические отрасли Латинской Америки / А. Корочкина // Forbes.ru. – 22.01.2024. – URL: <https://www.forbes.ru/biznes/504742-ft-soobsila-o-fokuse-kitaa-na-investiciiah-v-strategiceskie-otrasli-latinskoj-ameriki> (дата обращения: 23.03.2025).
4. Бабаев, К. В. Сотрудничество Китая и стран ЛКА в рамках китайской инициативы «Один пояс – один путь» / К. В. Бабаев, С. Л. Сазонов, А. Д. Александрова // Латинская Америка. – 2023. – № 7. – С. 23–39.
5. Ray, R. Trends in chinese outbound foreign direct investment in LAC / R. Ray, Z. C. Albright, E. Dussel Peters // China-Latin America and the Caribbean Economic Bulletins. – 2024. – С. 22–23. – URL: <https://www.bu.edu/gdp/files/2024/07/GCI-China-LAC-Bulletin-2024-FIN.pdf> (date of access: 23.03.2025).
6. New China-Brazil cargo air route promotes e-commerce trade // XINHUANET. – 03.04.2023. – URL: <https://english.news.cn/20230403/e0628b60ec264b2c93f4485fe0144774/c.html> (date of access: 23.03.2025).

Политика КНР в регионе Южно-Китайского моря

*Лазовская О. С., студ. I к. БГУ,
науч. рук. преп.-стажер Федорович А. И.*

Регион Южно-Китайского моря (ЮКМ) является одним из приоритетных векторов внешнеполитического курса КНР. Основными объектами споров и противоречий в данном регионе являются Парасельские острова и архипелаг Спратли. Исходя из позиции Пекина, ЮКМ – внутреннее китайское море, в связи с этим Китай возводит на островах объекты военного назначения, создает искусственные насыпные острова и блокирует хождение судов других государств [1, с. 61]. Через Южно-Китайское море проходит наиболее выгодный маршрут для переброски военно-морских сил из Тихого океана в Индийский, именно это увеличивает его значимость в качестве транзитного пространства. Это обуславливает позицию КНР по сохранению стратегического преимущества в данной акватории, так как его потеря может повлечь потерю регионального лидерства, что усложнит реализацию крупных экономических инициатив [2, с. 360].

Китай в начале XXI в. продолжил реализацию стратегии «сотрудничества и интеграции», которая способствовала подписанию Декларации 2002 г.

АСЕАН – Китай «О правилах поведения в ЮКМ». Она содержала такой важный пункт, как обязательство воздерживаться от «самовольного заселения на ранее необитаемые острова и рифы». Однако уже в 2009 г. между КНР и Филиппинами, Малайзией и Вьетнамом начался период нарастания конфликта. КНР остро реагировала на заявки, внесенные в Комиссию по границам континентального шельфа. В 2010–2011 гг. Китай начал проведение корректировки своего внешнеполитического курса, который подразумевал переход к «добрососедству, диалогу, обоюдному выигрышу». Несмотря на это, с этого момента борьба за ресурсы в ЮКМ между главными региональными игроками перешла на новую стадию, а конфликт – на глобальный уровень. Стратегическая концепция китайского руководства «Морского Шелкового пути XXI века», выдвинутая в 2013 г., считается попыткой придать деятельности Китая в регионе более масштабное измерение, так как Мировой океан постепенно приобретает все большее значение для развития Китая. Главная цель стратегий и инициатив КНР по отношению к ЮКМ состояла не в приобретении самих островов, большей частью безжизненных, а в освоении природных ресурсов моря [3, с. 6].

С 2013 г. Китай начал реализовывать в Южно-Китайском море строительные работы по освоению островов и искусственному созданию новых территорий. Эти действия являлись ответом на враждебную политику Филиппин по отношению к КНР, что стало причиной изменения китайской морской политики. Существенное влияние на двусторонние отношения со странами региона оказала политика США, направленная на «разворот в Азию». Так, например, 23 августа 2021 г. между Сингапуром и США было подписано «соглашение о безопасности», что усиливало присутствие США в регионе ЮКМ [4, с. 168].

После прихода к власти Си Цзиньпина был создан новый орган, обеспечивающий соблюдение закона на море, Корпус береговой охраны Народной вооруженной полиции Китая. С 2018 г., сразу после создания, Корпус береговой охраны проводил патрулирования Парасельских островов. С 2010 г. в течение 10 лет флот Корпуса был увеличен более чем в два раза. Также по закону Корпусу береговой охраны позволялось применять любые действия против иностранных судов, в случае если они нелегально находились на территориях, которые являются приоритетными для КНР [5, с. 66, 70]. Китайская береговая охрана считается одним из самых агрессивных флотов в ЮКМ. Она участвовала в подавляющем большинстве столкновений в ЮКМ (запугивание, преследование, таран судов береговой охраны и рыболовных судов других стран). В ноябре 2021 г. Береговая охрана применила водометы против филиппинских судов, которые находились в индивидуальной экономической зоне Филиппин [6].

Так, И. Е. Паршуков в своей работе приводит прогноз, в котором представляет два возможных варианта дальнейшей политики КНР в отношении

ЮКМ. В первом варианте, КНР будет продолжать политику, направленную на сохранение доминирования в регионе посредством военной экспансии, что приведет к эскалации напряженности. Во втором же варианте, Китай будет стараться воздерживаться от военной экспансии, чтобы избежать региональных конфликтов с ущербом для экономических интересов Китая [7].

Таким образом, Южно-Китайское море играет важную роль для Китая ввиду выгодного геополитического положения. КНР рассматривает данный регион в качестве своей исконной исторической территории, из-за чего проводит там активную деятельность для обеспечения суверенитета над ней, что вызывает обеспокоенность у других региональных игроков, таких как Филиппины, Вьетнам, Малайзия.

Литература

1. Васильев, Д. В. Южно-китайское море в противостоянии КНР и США в Азии / Д. В. Васильев, Э. П. Шавла // Азия и Африка сегодня. – 2020. – № 7. – С. 61–66.

2. Мосяков, Д. В. Роль военной дипломатии во внешней политике КНР в Южно-Китайском море / Д. В. Мосяков, М. А. Шпаковская, Т. И. Понька // Вестник Российского университета дружбы народов. Международные отношения. – 2023. – Т. 23. – № 2. – С. 358–371.

3. Дикарев, А. Д. Подход КНР к территориальным спорам в Южно-Китайском море и внешняя политика России / А. Д. Дикарев, А. В. Лукин // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – Т. 65. – № 2. – С. 5–15.

4. Яо, Ц. Влияние территориальных споров в Южно-Китайском море на трансформацию морской политики КНР / Ц. Яо // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. История и археология. Философия. Политология. – 2023. – Т. 15. – № 3. – С. 165–171. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_54397969_16975991.pdf (дата обращения: 05.04.2025).

5. Мельничук, С. А. Политика КНР по обеспечению суверенитета в Южно-Китайском море: кто защищает интересы Китая / С. А. Мельничук // Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития. – 2021. – Т. 2. – № 2 (51). – С. 65–78.

6. Битцингер, А. Ричард. Секретный военно-морской флот Китая в Южно-Китайском море / Ричард А. Битцингер // EPOCH NIMES RUSSIA. – 23.05.2022. – URL: https://www.epochtimes.ru/mnenie/vzglad-na-chine/sekretnyj-voenno-morskoj-flot-kitaya-v-yuzhno-kitajskom-more-153797/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.by%2 (дата обращения: 05.04.2025).

7. Паршуков, И. Е. Перспективы китайской внешней политики в отношении Южно-Китайского моря / И. Е. Паршуков // Молодой ученый. – 2022. – № 2 (397). – С. 354–356. – URL: <https://moluch.ru/archive/397/87848/> (дата обращения: 05.04.2025).

Особенности и проблемы кубинской системы здравоохранения

*Ларина П. К., студ. I к. БГУ,
науч. рук. преп.-стажер Федорович А. И.*

Система здравоохранения Кубы на протяжении десятилетий рассматривалась как символ успеха социалистического государства. Бесплатное медицинское обслуживание, доступное каждому гражданину, стало не только социальной нормой, но и элементом национальной гордости, особенно в контексте глобального неравенства в области здравоохранения. Тем не менее в условиях хронического экономического кризиса и ограничений, вызванных как внутренними, так и внешнеполитическими факторами, кубинская модель сталкивается с рядом серьезных вызовов.

Актуальность работы заключается в необходимости анализа состояния и трансформации кубинской модели здравоохранения в современных условиях. Целью данной статьи является анализ кубинской системы здравоохранения как уникального феномена, находящегося на пересечении идеологических установок и экономической действительности.

После победы Кубинской революции в 1959 г. здравоохранение стало одной из приоритетных сфер государственного развития. Правительство, вдохновленное марксистско-ленинской моделью, провозгласило курс на полную государственную монополизацию и универсальный доступ к медицинским услугам. В период с 1960-х по 1980-е гг. были осуществлены масштабные реформы: открывались поликлиники, активно внедрялась система семейных врачей, проводилась просветительская работа с населением по вопросам санитарии и профилактики заболеваний [1, с. 93]. Согласно Конституции Республики Куба 2019 г., здравоохранение закреплено как неотъемлемое право каждого гражданина и обязанность государства [2, с. 72]. Медицинская помощь при этом рассматривается не как рыночная услуга, а как публичное благо, не подлежащее коммерциализации.

Несмотря на задекларированные цели, функционирование системы испытывает значительное давление. По данным Панамериканской организации здравоохранения, Куба продолжает демонстрировать высокие показатели в области охвата населения медицинской помощью и по уровню квалификации медицинского персонала [3]. Однако за внешним успехом скрывается ряд проблем:

- Экономическая изоляция и санкции США, которые существенно ограничивают доступ к современному оборудованию и лекарственным средствам. Это влечет за собой рост дефицита медикаментов, особенно жизненно необходимых. Согласно данным, на июль 2023 г. в государственных аптеках Кубы отсутствовало около 40% базовых препаратов [4].

- Низкий уровень ВВП и отсутствие финансирования препятствуют модернизации инфраструктуры, обновлению оборудования и обеспечению достойного уровня заработной платы для медицинского персонала.
- Массовая эмиграция медицинских кадров серьезно ослабляет кадровый потенциал системы здравоохранения. По отчетам, в 2023 г. численность врачей в стране сократилась с 94 066 до 80 763 человек, что указывает на усиливающийся отток медицинских кадров и усугубляющийся дефицит специалистов в системе здравоохранения [5].
- Политика медицинского интернационализма, активно реализуемая правительством Кубы, способствует укреплению внешнеэкономических связей и обеспечивает стабильный приток валютной выручки, однако одновременно усугубляет внутренний кадровый дефицит, поскольку значительное число квалифицированных специалистов направляется на работу за границу.

Экспорт медицинских услуг продолжает играть значимую роль в экономике Кубы, являясь одним из основных источников поступлений. По имеющимся данным, ежегодный доход от участия кубинских специалистов в международных медицинских миссиях оценивается в пределах от 6 до 8 млрд долларов США. Однако такая практика вызывает неоднозначную реакцию в кубинском обществе: она укрепляет экономику, но создает напряженность из-за нехватки кадров на месте. Кубинская система здравоохранения сталкивается с дилеммой: как сохранить публичный и равный доступ к медицинской помощи, одновременно обеспечивая устойчивость и развитие системы в условиях жестких внешних и внутренних ограничений. Идеологическая приверженность к универсализму все чаще сталкивается с невозможностью реализации поставленных задач без реформ. Тем не менее любые шаги в сторону коммерциализации воспринимаются как отступление от «завоеваний революции». В последние годы правительство Кубы начало осторожную адаптацию системы: в крупных городах развиваются платные клиники для иностранцев и обеспеченных граждан, формируется сегмент частной практики в стоматологии и косметологии [1, с. 96]. Однако эти изменения носят ограниченный и регулируемый характер.

Кубинская система здравоохранения остается примером устойчивой системы социальной направленности, несмотря на множество вызовов. Она воплощает в себе идеологическое наследие революции, в то время как на ежедневную практику все больше влияют современные экономические реалии. Вопрос о будущем модели остается открытым и требует не только технических изменений, но и переосмысления роли государства в условиях глобального давления и внутренних ограничений.

Литература

1. Борейко, А. В. Эволюция кубинской медицинской дипломатии / А. В. Борейко // Ибероамериканские тетради. – 2020. – № 4. – С. 92–104.
2. Constitución de la República de Cuba publicada en Gaceta : Oficial 10 de abril de 2019. – URL: <https://www.gacetaoficial.gob.cu/es/constitucion-de-la-republica-de-cuba> (date of access: 09.04.2025).
3. Perfil de País – Cuba // Salud en las Américas. Organización Panamericana de la Salud. – 2024. – URL: <https://hia.paho.org/es/perfiles-de-pais/cuba> (fecha de acceso: 09.04.2025).
4. Бегство капитално: Куба и США начали переговоры по миграционному кризису // Известия. – 17.04.2024. – URL: <https://iz.ru/1683780/ekaterina-khamova/begstvo-kapitalno-kuba-i-ssha-nachali-peregovory-po-migratcionnomu-krizisu> (дата обращения: 10.04.2025).
5. Куба теряет более 13 300 врачей в 2023 году: тяжелый удар по системе здравоохранения // CiberCuba. – 24.12.2024. – URL: <https://ru.cibercuba.com/noticias/2024-12-24-u1-e199894-s27061-nid294380-cuba-pierde-13300-medicos-2023-duro-golpe-al-sistema> (дата обращения: 10.04.2025).

Вклад Сингапура в индустриализацию Китая

*Ли Янян, асп. БГУ,
науч. рук. проф. Свилас С. Ф., д-р ист. наук*

С начала проведения политики реформ и открытости Китай добился впечатляющих успехов в процессе индустриализации. На этом этапе ключевую роль сыграло привлечение иностранного капитала, технологий и управленческого опыта. Сингапур благодаря своим уникальным географическим преимуществам, передовым моделям управления и открытой экономической политике стал значимым партнером Китая в области индустриализации [1]. В результате таких знаковых проектов, как индустриальный парк Сучжоу и экогород Тяньцзинь, Сингапур привнес не только капитал и технологии, но и передовой опыт управления, что способствовало качественному развитию китайской индустриализации. Кроме того, Сингапур как международный финансовый центр и торговый узел предоставил китайским предприятиям важную платформу для выхода на международный рынок.

Инвестиции. Сингапур является одним из ключевых источников иностранных инвестиций для Китая. По состоянию на 2023 г. совокупные прямые инвестиции Сингапура в Китай превысили 100 млрд долларов США, при этом основные вложения были сосредоточены в обрабатывающей промышленности, финансовом секторе и современных услугах [2]. Сингапуро-Сучжоуский промышленный парк (начало реализации проекта – 1994 г.)

является флагманом межправительственного сотрудничества Китая и Сингапура. Он привлек значительные сингапурские инвестиции и стал катализатором индустриализации восточных регионов Китая. Сегодня Парк объединяет более 5 000 предприятий с иностранным капиталом, демонстрирует среднегодовые темпы роста ВВП свыше 10% и служит ключевым драйвером индустриального развития дельты реки Янцзы [3].

Финансовое сотрудничество. Выступая в качестве международного финансового центра, Сингапур открывает перед китайскими предприятиями такие широкие возможности финансирования, как размещение «облигаций Львиного города» (Lion City Bonds) и проведение IPO на Сингапурской фондовой бирже. Пилотный проект стратегической взаимосвязанности Китай – Сингапур (Чунцин), инициированный в 2015 г., сыграл ключевую роль в стимулировании движения капитала и технологической модернизации отраслей экономики западных провинций КНР.

Технологический трансфер и инновационное сотрудничество. Сингапурские компании посредством совместных предприятий и технологического сотрудничества осуществили передачу Китаю передовых технологий в таких областях, как электроника, химическая промышленность и биомедицина [4]. В частности, сотрудничество сингапурских полупроводниковых предприятий с китайскими производителями способствовало усилению конкурентоспособности Китая в сфере производства микросхем. Кроме того, Китай и Сингапур совместно учредили ряд научно-исследовательских центров, включая Инновационный центр Сингапур – Гуандун (2018), специализирующийся на искусственном интеллекте и «зеленых» технологиях.

Модель управления и системные заимствования. Индустриальный парк Сучжоу (SIP) стал образцом для развития индустриальных парков в Китае, опираясь на сингапурские концепции «сначала планирование» и «услуги для бизнеса».

Общественные услуги и опыт управления. Изучив сингапурскую модель общественного жилья и городского управления, Китай оптимизировал синергетическое развитие местной индустриализации и урбанизации.

Благодаря комплексной поддержке по трем ключевым направлениям – финансовому, технологическому и управленческому – Сингапур оказал существенное влияние на процесс индустриализации Китая. В условиях изменяющейся глобальной экономики перед Китаем и Сингапуром стоит задача вывести двустороннее сотрудничество на качественно новый уровень, сформировав инновационные модели взаимовыгодного взаимодействия, основанные на принципах взаимодополняемости.

Литература

1. 中国同新加坡的关系 [电子资源]//外交部. – 访问模式: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_677076/sbgx_677080/ – 访问日期: 12.04.2025. (Китайско-сингапурские отношения) // Министерство иностранных дел КНР. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_677076/sbgx_677080/ (дата обращения: 12.04.2025).
2. 中新: 自贸4.0»加密»经贸互联互通 [电子资源] // 中国自由贸易区服务网. – 访问模式: http://fta.mofcom.gov.cn/article/chinasingaporeupgrade/chinasingaporeupgradegfguandian/202501/56321_1.html – 访问日期: 12.04.2025. (Китай–Сингапур: ЗСТ 4.0 «шифрует» экономические и торговые связи // Официальный портал зон свободной торговли КНР. – URL: http://fta.mofcom.gov.cn/article/chinasingaporeupgrade/chinasingaporeupgradegfguandian/202501/56321_1.html (дата обращения: 12.04.2025).
3. 苏州工业园区 [电子资源] // 新华日报. – 访问模式: https://xh.xhby.net/pc/con/202411/24/content_1392930.html – 访问日期: 12.04.2025. (Индустриальный парк Сучжоу // Синьхуа жибао. – URL: https://xh.xhby.net/pc/con/202411/24/content_1392930.html (дата обращения: 12.04.2025).
4. 中国和新加坡的合作关系确实堪称典范 [电子资源] // 中宏网. – 访问模式: <https://www.zhonghongwang.com/show-278-356472-1.html> – 访问日期: 13.04.2025. (Сотрудничество Китая и Сингапура действительно можно назвать образцовым) // Чжунхунван. – URL: <https://www.zhonghongwang.com/show-278-356472-1.html> (дата обращения: 13.04.2025).

Положение женщин в политике «Талибана»

*Линкевич Д. И., студ. II к. БГУ,
науч. рук. Саллум Ф. С., канд. ист. наук, доц.*

«Талибан» – это радикальное исламистское движение, которое возникло в Афганистане в начале 1990-х годов. После долгих лет гражданской войны и политической нестабильности к осени 1996 года талибы поставили под свой контроль большую часть афганских провинций, а 27 сентября окончательно захватили Кабул. Наступление на положение женщин началось сразу же после прихода талибов к власти. Исламское движение закрыло женский университет и вынудило почти всех женщин уволиться с работы, закрыв важный источник талантов и знаний для страны. Также был ограничен доступ женщин к медицинской помощи, были введены строгий дресс-код и ограничения на передвижение женщин по городу. Талибы совершали вопиющие акты насилия в отношении женщин, включая изнасилования, похищения и принудительные браки. Более 50 тысяч женщин лишились источника дохода: их мужья погибли во время гражданской войны, а работать им попросту отныне было запрещено [1].

Талибы были отстранены от власти к концу 2001 года. В годы, последовавшие за международной интервенцией, многие школы открыли свои двери для девочек, а женщины вернулись к работе. Был наконец достигнут прогресс в достижении равенства: в 2003 году права женщин были закреплены в новой конституции, а в 2009 году в Афганистане был принят закон о ликвидации насилия в отношении женщин [2]. Однако возвращение «Талибана» к власти в 2021 году вновь ужесточило правовой статус женщин. Режим объявил, что женщинам будет разрешено появляться на публике только в сопровождении члена семьи мужского пола. Вскоре ограничения распространились на доступ к здравоохранению, средствам к существованию и образованию. В последующие месяцы талибы на неопределенный срок запретили афганским девочкам посещать средние школы, уволили женщин-сотрудниц из городских властей Кабула, запретили афганским женщинам садиться на внутренние или международные рейсы без сопровождения члена семьи мужского пола и обязали всех взрослых афганских женщин носить хиджаб. Взрослым женщинам в Афганистане также запрещено позволять другим взрослым женщинам слышать свои голоса. Таким образом, например, женщины должны воздержаться от чтения Корана вслух в присутствии других женщин. Согласно данным Джорджтаунского института Афганистан, занял последнее место по глобальному индексу женщин, мира и безопасности [3]. По оценкам ЮНИСЕФ, 28% афганских женщин в возрасте 15–49 лет вышли замуж в возрасте до 18 лет [4]. Все это лишь подтверждает, что ситуация вокруг гендерного вопроса не только не меняется, но и усугубляется.

Дания, Швеция и Финляндия объявили о своем решении предоставить международную защиту всем афганским женщинам и девочкам, ищущим убежища. Германия запустила программу, посвященную переселению афганских женщин и других групп риска, находящихся в Афганистане. Канада, Германия и Франция, в которых проживает большое количество афганцев, могли бы ускорить выдачу виз для воссоединения семей и в первую очередь создать возможности для выезда афганских женщин из Афганистана в рамках своих обязательств по защите афганцев, находящихся в зоне риска после прихода к власти «Талибана». В то же время международные гуманитарные организации, работающие с афганскими женщинами в Иране, Пакистане и Турции, могли бы усилить гендерный мониторинг и меры реагирования [5].

Таким образом, ситуация с правами женщин в Афганистане под властью «Талибана» представляет собой один из самых тревожных примеров систематического гендерного угнетения в современном мире. История показывает, что с приходом «Талибана» к власти женщины вновь лишаются базовых прав и свобод. Они отстранены от образования, трудовой деятельности и общественной жизни. Усиление дискриминации, насилия и репрессий

делает их жизнь не только ограниченной, но и опасной. Судьба миллионов афганских женщин сегодня остается заложницей идеологии, в которой им не оставляют места в будущем страны. Международное сообщество не должно оставаться безучастным к этой гуманитарной катастрофе.

Литература

1. Report on the Taliban's War Against Women US Department of State // U.S. Department of State. – URL: <https://2001-2009.state.gov/g/drl/rls/6185.htm> (дата обращения: 01.04.2025).

2. Насилие над женщинами при талибах обостряет гуманитарный кризис в Афганистане // BBC News Русская Служба. – URL: <https://www.bbc.com/russian/features-64891654> (дата обращения: 02.04.2025).

3. Country Profile of Afghanistan // Georgetown Institute for Women, Peace and Security Homepage Georgetown Institute for Women, Peace and Security. – URL: <https://giwps.georgetown.edu/country/afghanistan/> (дата обращения: 02.04.2025).

4. Girls increasingly at risk of child marriage in Afghanistan // UNICEF, for every child. – URL: <https://www.unicef.org/press-releases/girls-increasingly-risk-child-marriage-afghanistan> (дата обращения: 02.04.2025).

5. Afghan Women and Migration in the Era of Restrictions // The Diplomat. – URL: <https://thediplomat.com/2023/03/afghan-women-and-migration-in-the-era-of-restrictions/> (дата обращения: 02.04.2025).

Общая характеристика российско-американских отношений (1991–1999)

*Лошкарев Т. Д., студ. II к. БГУ,
науч. рук. Авласенко И. М., канд. ист. наук, доц.*

Завершение Холодной войны в 1991 г. ознаменовало собой не только окончание многолетнего противостояния между двумя сверхдержавами, но и открытие новой страницы в международных отношениях. С распадом Советского Союза и приходом к власти нового российского руководства возникли надежды на построение стратегического партнерства между Россией и Соединенными Штатами Америки, основанного на общих демократических и рыночных ценностях. Однако уже к концу 1990-х гг. стало очевидным, что путь сближения оказался гораздо более сложным, чем предполагалось, а иллюзии партнерства сменились устойчивым недоверием.

Цель данной статьи: проанализировать эволюцию российско-американских отношений в 1990-е гг., определить ключевые факторы, способствовавшие трансформации от надежд на партнерство к возобновлению элементов стратегического соперничества. Основная гипотеза заключается в том, что

отношения двух стран в этот период строились на глубокой асимметрии ожиданий, несовпадении внешнеполитических интересов и различии в интерпретации международной роли каждой из сторон.

Начало 1990-х гг. стало временем радикальных политических и идеологических трансформаций. Администрация Джорджа Буша-старшего рассматривала распад СССР как возможность закрепления глобального лидерства США в условиях формирования так называемого нового мирового порядка. С российской стороны новое руководство во главе с Борисом Ельциным стремилось к интеграции в западные структуры, рассчитывая на политическую и экономическую поддержку. В этот период сложился образ России как страны, находящейся в переходной фазе и нуждающейся во внешнем наставничестве [1].

Первые годы после распада СССР характеризовались активным диалогом между двумя странами. В 1992 г. был заключен договор о партнерстве и сотрудничестве, а в 1993 г. подписана Хартия о российско-американских отношениях. США поддерживали экономические реформы в России, предоставляя кредиты и гуманитарную помощь. Программа Нанна – Лугара стала важным шагом в области совместного ядерного разоружения. Эти инициативы создавали иллюзию сближения, однако уже тогда наблюдалась определенная асимметрия: США воспринимали Россию скорее как объект влияния, чем как равного партнера [2].

Американская помощь и экспертная поддержка реформ, включая продвижение принципов Вашингтонского консенсуса, воспринимались в России неоднозначно. Несмотря на официальную благодарность, внутри страны нарастала критика в адрес так называемой шоковой терапии и приватизации, ассоциируемой с влиянием западных структур. Восприятие США как внешнего дирижера внутренней политики России усиливало националистические и патриотические настроения, создавая почву для будущей ревизии прозападного курса [3].

Середина 1990-х гг. ознаменовалась постепенным охлаждением российско-американских отношений. Первая чеченская война вызвала негативную реакцию со стороны Запада, а решение НАТО о расширении на восток в 1997 г. стало одним из главных источников раздражения Москвы. Россия расценила этот шаг как нарушение негласных договоренностей и угрозу национальной безопасности. Кульминацией напряжения стала военная операция НАТО в Косово в 1999 г., проведенная без санкции Совета Безопасности ООН и вопреки позиции России. Эти события стали символом утраты иллюзий о равноправном партнерстве и окончательно зафиксировали недоверие между сторонами [4].

Фундаментальные расхождения между внешнеполитическими стратегиями России и США стали особенно очевидны к концу десятилетия. США стремились к укреплению глобального лидерства в однополярном мире,

тогда как Россия, восстанавливая утраченные позиции, настаивала на принципах многополярности и равенства в международных отношениях. Постепенно в российском политическом дискурсе укреплялась риторика «вставания с колен» и возвращения утраченного статуса великой державы.

Анализ российско-американских отношений в 1990-е гг. позволяет заключить, что, несмотря на декларации о партнерстве и совместных инициативах, стратегическое сближение оказалось недолговечным. Иллюзия взаимопонимания, построенная на надеждах и политических символах, разрушилась под влиянием асимметрии интересов, внешнеполитического реализма и различий в интерпретации международных процессов. Именно в этот период были заложены основы будущего противостояния, которое проявилось в полной мере уже в XXI в.

Литература

1. Караганов, С. А. Россия и Запад: иллюзии и реальность / С. А. Караганов // Россия в глобальной политике. – 2003. – № 1. – С. 8–18.
2. Тренин, Д. В. Россия и Америка после Холодной войны / Д. В. Тренин. – М. : РОССПЭН, 2001. – 303 с.
3. Talbott, S. The Russia Hand: A Memoir of Presidential Diplomacy / S. Talbott. – New York : Random House, 2002. – 478 p.
4. Примаков, Е. М. Встречи на перекрестках / Е. М. Примаков. – М. : АСТ, 2006. – 445 с.

БРИКС как платформа международного сотрудничества

*Лю Лу, асп. БГУ,
науч. рук. Тихомиров А. В., канд. ист. наук, доц.*

БРИКС как новая модель международного сотрудничества с момента своего основания постепенно сформировала уникальный механизм взаимодействия, продвигая сотрудничество в политической, экономической сферах и в области безопасности через саммиты БРИКС и другие механизмы.

Являясь представителем развивающихся экономик, БРИКС демонстрирует значительную лидерскую роль в содействии финансовой стабильности и региональной экономической интеграции. Создание Нового банка развития ознаменовало собой коллективные действия БРИКС в формировании глобальной финансовой архитектуры. Поддерживая финансирование инфраструктурных проектов и проектов устойчивого развития, он восполняет пробелы в финансировании, недостаточном со стороны традиционных международных финансовых институтов, и расширяет возможности финансирования развивающихся стран. Например, оказывает поддержку проектам

в области зеленой энергетики в Южной Африке и других регионах Африки [1]. Руководствуясь такими документами, как «Стратегия экономического партнерства стран БРИКС до 2025 года», страны БРИКС последовательно укрепляют согласование стратегий развития и торгово-инвестиционное сотрудничество, совместно создают крупный рынок торговли и инвестиций, способствуют широкому обращению валют и финансов, а также масштабной взаимосвязанности инфраструктуры.

Кроме того, углубляется сотрудничество стран БРИКС по вопросам международной политики, в основном посредством координации позиций в рамках таких многосторонних структур, как ООН, продвигая процесс демократизации глобального управления. В глобальных острых вопросах страны БРИКС, как правило, подчеркивают необходимость разрешения споров посредством диалога и дипломатических средств, избегая внешнего вмешательства, с целью поддержания региональной стабильности.

Несмотря на внутренние разногласия, страны БРИКС предварительно сформировали политический консенсус в вопросах региональной безопасности и борьбы с терроризмом. Например, страны-участницы поддерживают укрепление международного и регионального сотрудничества в борьбе с террористическими угрозами, подчеркивая важность объективности информации [2].

В сфере глобального управления, по мнению ряда ученых, признание странами БРИКС концепций «глобального развития» и «многополярности мира» является основой сотрудничества БРИКС [3, с. 1088]. Благодаря своей коллективной деятельности страны БРИКС активно продвигают интересы развивающихся регионов. В частности, в вопросах борьбы с изменением климата члены БРИКС, подчеркивая принцип «общей, но дифференцированной ответственности», акцентируют историческую ответственность развитых стран и их обязательства по оказанию технической поддержки, а также играют конструктивную роль в области энергетического перехода и зеленого финансирования.

Механизм БРИКС не только демонстрирует миру развивающиеся страны и страны с формирующимся рынком, но и смещает центр тяжести международного сотрудничества на Юг, повышая представленность и право голоса «глобального Юга» в международной системе, предоставляя больше возможностей южным странам. Предлагаются конструктивные предложения по корректировке распределения власти в существующем международном порядке, демонстрируя его поддержку глобальному многополярному процессу.

Стоит отметить, что в процессе сотрудничества БРИКС сталкивается со значительными внутренними проблемами и внешним давлением. Во-первых, по сравнению с сотрудничеством стран «пятерки» БРИКС, сотрудничество после расширения сталкивается с более серьезной проблемой координации предпочтений [4, с. 43]. Это обусловлено различиями между

странами-членами с точки зрения экономического размера, моделей развития, культурного происхождения и политических систем. Такое разнообразие значительно увеличивает затраты на координацию при реализации целей сотрудничества. Во-вторых, БРИКС также сталкивается с дипломатическим давлением и экономической изоляцией со стороны западных стран при создании международных платформ сотрудничества. Например, используя глобальные финансовые правила, основанные на доминировании долларовой системы, развитые страны, такие как США, долгое время применяли санкции к отдельным странам-членам БРИКС, при этом финансовые и торговые санкции против России напрямую ослабили способность БРИКС как единого целого осуществлять финансовое сотрудничество.

Таким образом, БРИКС как платформа международного сотрудничества посредством многоуровневого продвижения в экономической, политической сферах и области глобального управления демонстрирует свою важную роль в поддержании многосторонности и повышении статуса стран с формирующейся экономикой. Благодаря многостороннему сотрудничеству в экономической, политической и управленческой областях организация оказывает институциональную поддержку «Глобальному Югу» и демонстрирует значительные успехи в области финансовой стабильности, торговой реформы и устойчивого развития. Тем не менее дальнейшее повышение ее функциональности требует усиления внутренней координации и внешнего сотрудничества, чтобы продемонстрировать большее влияние в будущих глобальных делах. Однако развитие этой платформы зависит от усиления координации между странами-членами и эффективного преодоления внешнего давления. Посредством более систематических внутренних реформ и более устойчивых многосторонних инициатив БРИКС способна и далее формировать справедливый и инклюзивный новый порядок глобального управления.

Литература

1. All Projects. New Development Bank. – URL: https://www.ndb.int/projects/all-projects/?country=&key_area_focus=&project_status=&type_category=&pyearval=#paginated-list (date of access: 10.04.2025).
2. XVI Саммит БРИКС. BRICS Russia 2024. – 22–24.10.2024. – URL: <https://brics-russia2024.ru/summit/> (дата обращения: 09.04.2025).
3. Mielniczuk, F. BRICS in the Contemporary World: changing identities, converging interests / F. Mielniczuk // Third World Quarterly. – 2013. – № 34 (6). – С. 1075–1090.
4. 朱杰进, 刘瑛琛. 偏好协调、网络效应与金砖合作的机制化. 俄罗斯东欧中亚研究 = Чжу, Цзецзинь, Лю, Инчэнь. Координация предпочтений, сетевые эффекты и институционализация сотрудничества БРИКС / Цзецзинь Чжу, Инчэнь Лю // Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии. – 2025. – № 2. – С. 21–44.

The future of China-U.S. relations

Лю Минюе, асп. БГУ,
науч. рук. проф. Байчоров А. М., д-р филос. наук, проф.

Over the past decade, tensions between China and the United States have flared over many issues. Since the U.S. President Donald Trump entered office in 2018, two distinct, yet similarly antagonistic, ideology began to dominate Washington and Beijing. After that, the world's two largest economies were locked in the Trade War. Other issues, including tensions over Taiwan, Hong Kong, and the South China Sea become increasingly prickly and harder to manage. Unfortunately, these differences are irreconcilable because neither side could grant a concession on major issues. Instead, Beijing and Washington continue taking steps that only reinforce their rivalry. Obviously, it is a zero-sum rivalry in which neither China nor the U.S. has concept of how this rivalry might end.

Once underway, rivalries are extremely difficult to end. According to data collected by the political scientists, since 1816, there have been 27 great-power rivalries. These rivalries lasted for more than 50 years on average and ended in one of three ways [1].

Hot war. The vast majority-19 of them culminated in war. Today, many commentators underlined that China-U.S. rivalry is more dangerous than U.S.-Soviet rivalry. The confrontation between China and the United States over Taiwan has been going on for years. If new rounds of conflicts emerged between the two countries, they would rapidly approach a hot war. At the same time, there are several serious conflicts in the world-Ukraine War, Israel-Hamas War and Sudan's Civil War. In the absence of serious and sustained efforts to moderate crisis between the two nations, the chances of the World War III in the not-too-distant future are increasing.

A new cold war. During and after the World War II, the United States and the Soviet Union start the Cold War. As the China-U.S. rivalry intensifies, ices have appeared warning that a new Cold War is in the offing. Some U.S. strategists warned that, the two superpowers are currently contesting in every domain, from semiconductors to submarines and from blockbuster films to lunar exploration. Today the winner takes it all – a collapse that permanently subordinates China to the American order; or a humbled America that retreats from the western Pacific [2].

G2. By counting of the statistics, 6 of 50 rivalries ended with the two sides allied against a common foe. For example, in 1900s, the United Kingdom set aside its hostilities with France, Russia, and the United States to fight Germany. Joseph S. Nye, Jr, a former US assistant secretary of defense, once pointed out, the U.S. and PRC are not destined for war. If U.S. administration avoids unnecessary provocations, it can reduce the probability of falling into either a cold war or a hot war with China [3]. Today's Sino-American relationship is in a high level of

economic, social, and ecological interdependence. The essence of G2 proposal is that, the two countries should work together to address the big challenges.

Literature

1. Delusions of détente – Why America and China will be enduring rivals / ed.: Michael Beckley. – Foreign Affairs, 2023. – Vol. 102. – 14 p.

2. A new kind of cold war / ed.: Elliott Abrams. – The Economist, 2019. – URL: <https://www.economist.com/leaders/2019/05/16/a-new-kind-of-cold-war> (date of access: 26.02.2025).

3. China and America are not destined for war / ed.: Joseph S. Nye, Jr. – The Strategist, 2023. – URL: <https://www.aspistrategist.org.au/china-and-america-are-not-destined-for-war/> (date of access: 27.02.2025).

Культурное влияние Китая в Северной Африке в рамках инициативы «Один пояс, один путь»

*Лю Юань, асп. II к. БГУ,
науч. рук. Саллум Ф. С., канд. ист. наук, доц.*

Культурное влияние Китая в Северной Африке в рамках инициативы «Один пояс, один путь» опирается на концепцию «мягкой силы», разработанную Джозефом Наем [1, с. 2], которая акцентирует роль культуры, образования и дипломатии в международных отношениях. Китай использует культурную дипломатию как инструмент для укрепления своего имиджа и расширения влияния в регионе [2, с. 3], применяя такие механизмы, как Институты Конфуция, стипендии для обучения в Китае и культурные обмены. Эти инициативы способствуют распространению китайского языка и традиций, формируя позитивное восприятие страны среди населения Северной Африки.

Северная Африка занимает важное место во внешней политике Китая благодаря своему геополитическому положению и ресурсам [3, с. 123], что делает регион приоритетным для реализации инициативы «Один пояс, один путь». Китай использует «мягкую силу» как политический инструмент в Северной Африке, активно продвигая культурное влияние через образовательные и гуманитарные программы в рамках инициативы «Один пояс, один путь».

Сотрудничество в сфере образования включает работу Институты Конфуция и предоставление стипендий: Китай открыл Институты Конфуция в Египте, Марокко, Алжире и других странах Северной Африки, активно продвигая изучение китайского языка и культурный обмен, а также предоставляя стипендии выдающимся студентам, которые изучают китайский язык или хотят учиться в Китае, что способствует распространению китайского языка и культуры среди молодежи и элиты региона [4, с. 48]. В то же

время в Китае проводится большое количество фестивалей китайской культуры и художественных выставок на местном уровне, а культурные обмены, такие как фестивали и выставки, укрепляют связи между Китаем и странами Северной Африки [5, с. 55], формируя позитивный образ КНР. Китай активно развивает культурные и образовательные связи, используя их как ключевые элементы своей стратегии «мягкой силы». Таким образом, Китай успешно адаптирует свои подходы к специфике Северной Африки, учитывая местные традиции и потребности.

Экономическое сотрудничество, подкрепленное культурными инициативами, создает взаимозависимость между Китаем и странами региона, усиливая его влияние. Процесс формирования политики «мягкой силы» демонстрирует стратегический подход Китая, направленный на долгосрочное укрепление позиций в Северной Африке. Культурное влияние становится неотъемлемой частью этого процесса, позволяя Китаю достигать своих целей без применения жестких методов давления, что делает его стратегию особенно эффективной в условиях региона.

Экономический аспект играет ключевую роль. Инициатива «Один пояс, один путь» усиливает эти действия, интегрируя экономические и культурные аспекты через инфраструктурные проекты [6, с. 6], такие как строительство дорог и портов, которые облегчают торговлю и культурный обмен. Китай построил 11 портов в Северной Африке, получив за счет этих портов значительные торговые выгоды (например, Порт-Саид в Египте и Мисрата в Ливии; каждый доллар, инвестированный в порты, может принести 13 долларов торговой прибыли), при этом Китай контролирует ключевые логистические узлы. Китайские инвестиции в регион не только способствуют экономическому росту, но и создают условия для продвижения китайских традиций и языка, укрепляя имидж страны как надежного партнера. Инвестиции в инфраструктуру, торговля и энергетические проекты создают взаимозависимость [7, с. 32], усиливая влияние Китая. Инициатива «Один пояс, один путь» объединяет эти усилия, способствуя развитию транспортных коридоров и культурного взаимодействия.

Гуманитарное сотрудничество, включая медицинскую помощь и сельскохозяйственные проекты, подчеркивает роль Китая как ответственного партнера, что особенно проявилось во время пандемии COVID-19. Эти инициативы решают актуальные проблемы региона, такие как продовольственная безопасность, и одновременно усиливают доверие к Китаю. Культурная дипломатия, подкрепленная экономическими вложениями, позволяет Китаю формировать лояльное отношение среди населения и политических элит. Инвестиции в сельское хозяйство (проекты в Египте и Марокко) демонстрируют способность Китая адаптировать свои технологии к местным условиям, укрепляя его репутацию. Экономическое развитие, поддерживаемое

Китаем, воспринимается как альтернатива западным моделям, что повышает привлекательность китайского подхода.

Таким образом, поскольку политика «мягкой силы» продвигается в Северной Африке, политическое влияние Китая растет благодаря комплексному сочетанию культуры, образования и экономики, что делает его стратегию «мягкой силы» эффективной. Успех этой политики подтверждается ростом торгового оборота и числа студентов из Северной Африки, обучающихся в Китае. Таким образом, культурное влияние Китая в регионе становится инструментом укрепления его позиций на международной арене, обеспечивая устойчивое партнерство с Северной Африкой.

Литература

1. Nye, J. S. Soft Power: The Means to Success in World Politics / J. S. Nye. – New York : PublicAffairs, 2004. – 191 p.
2. Кучинская, Т. Н. Архитектоника социокультурного пространства Китая в условиях транснационального межкультурного взаимодействия РФ и КНР : дисс. ... д. филос. н. / Т. Н. Кучинская. – Чита, 2013. – 413 л.
3. Дейч, Т. Л. Китай в Африке: «неоколониализм» или «win-win» стратегия? / Т. Л. Дейч // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2018. – Т. 11. – № 5. – С. 119–141.
4. Дейч, Т. Л. «Мягкая сила» Китая в Африке: сотрудничество в сферах образования и культуры / Т. Л. Дейч // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. Серия общ. науки. – 2017. – № 4 (788). – С. 44–56.
5. 中国与阿拉伯国家经贸合作回顾与展望//中国商务数据中心.-2022.-61 p.= Обзор и перспективы торгово-экономического сотрудничества между Китаем и арабскими странами // China Business Data Center. – 2022. – 61 с.
6. Лузянин, С. Г. Один пояс, один путь – политические и экономические измерения / С. Г. Лузянин, А. В. Афонасьева // Вестник Томского гос. университета. Экономика. – 2017. – № 40. – С. 5–14.
7. Kurlantzick, J. Charm Offensive: How China's Soft Power Is Transforming the World / J. Kurlantzick. – New Haven : Yale University Press, 2007. – 320 p.

Концептуализация гуманитарного фактора реализации сообщества единой судьбы человечества в выступлениях Си Цзиньпина

*Ма Бинцзюнь, асп. БГУ,
науч. рук. Чувилов И. А., канд. полит. наук, доц.*

На протяжении долгого исторического пути, научно-теоретического совершенствования и глубоких размышлений о человеческом благосостоянии Китай создал многоуровневую систему гуманитарной помощи. На практике

это позволило не только систематически организовывать и активно совершенствовать ценный опыт международного гуманитарного сотрудничества, но и сформировало важный дискурс председателя КНР Си Цзиньпина, который богат по содержанию, глубок по мысли и уникален по характеру.

Различные выступления Председателя КНР Си Цзиньпина о гуманизме, сосредоточенные в том числе на важности реализации сообщества единой судьбы человечества, посвящены разработке стратегий достижения благополучия самых широких масс людей и отражают подлинную форму гуманизма, которую Китай стремится демонстрировать мировому сообществу. Со времени проведения 18-го Национального съезда Коммунистической партии Китая Си Цзиньпин уделял особое внимание стратегическому развитию [1, с. 18], активно пропагандировал дух международного гуманизма и систематически продвигал гуманитарное сотрудничество. В рамках построения сообщества единой судьбы человечества Си Цзиньпин постоянно акцентирует внимание на важности международного гуманитарного взаимодействия, выражает готовность Китая оказывать нуждающимся странам гуманитарную помощь.

Объединяя национальное развитие с общим благополучием человечества, Си Цзиньпин придерживается философии, направленной на благо всех, способствуя реализации и претворению в жизнь таких проектов, как инициатива «Один пояс – один путь», Фонд содействия сотрудничеству по линии Юг – Юг. В решении глобальных проблем, таких как продовольственная безопасность, общественное здравоохранение и изменение климата, Китай демонстрирует последовательные действия и непоколебимую решимость. Сотрудничая со многими развивающимися странами, Китай работает над осуществлением Декларации тысячелетия ООН и Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г., постепенно увеличивая инвестиции в развивающиеся страны. Эти усилия направлены на обеспечение процветания развивающихся стран, улучшение условий жизни людей и содействие социальному прогрессу, что не только имеет решающее значение для национального развития и возрождения страны, но и оказывает глубокое влияние на повышение благосостояния всего человечества и продвижение общего прогресса международного сообщества.

Гуманитарный дискурс Си Цзиньпина придерживается концепции «единого мира» как сообщества всего человечества. «Единый мир» – это концепция, которая стремится к гармоничному сосуществованию людей из разных стран, регионов и этнических групп. По сути, гуманитарные вопросы – это вопросы качественного развития. Отставание в развитии приведет к гуманитарным проблемам, а постоянные гуманитарные проблемы также будут препятствовать устойчивому экономическому росту. Общая идея развития Си Цзиньпина о разрешении кризисов в развитии сочетает в себе чрезвычайную помощь с долгосрочным развитием, что может не только повысить

эффективность гуманитарной помощи, но и кардинально разрешить причины кризисов. С точки зрения стратегии она придерживается системной концепции отслеживания источника проблемы и всеобъемлющего управления. Причины гуманитарных кризисов сложны и разнообразны. Поэтому для разрешения кризиса необходимо устранить первопричины (бедность, социальное неравенство, нехватка инвестиций и т. д.) и принять комплексные меры. Это позволит обеспечить устойчивые результаты в рамках гуманитарной политики, переводя ее из теории в практическую плоскость. Эта стратегия способствует международному сотрудничеству, обмену ресурсами, что особенно важно в контексте глобального противостояния. ЦК КПК привержен служению национальному возрождению и содействию общему процветанию всего человечества в глобальном масштабе, активно отстаивая дух международного гуманизма и продвигая цели и конечное видение международного гуманитарного управления.

Поэтому Китай, являясь активным защитником и участником международного гуманитарного сотрудничества, стремится установить более справедливый и устойчивый мировой порядок [2], сочетая концепцию сообщества единой судьбы человечества с концепцией гуманизма.

Литература

1. 习近平. 习近平关于中国特色大国外交论述摘编 / 习近平. – 北京: 中央文献出版社, 2020. – 288 p. = Си Цзиньпин. Выдержки из «Рассуждений Си Цзиньпина о дипломатии великой державы с китайской спецификой» / Си Цзиньпин. – Пекин: Центральное издательство литературы, 2020. – 288 с.

2. 中国 – 国际人道主义事业的积极拥护者、参与者和贡献者 // 新湖南. – URL: <https://m.voc.com.cn/rmt/article/7931856.html> (访问日期: 11.04.2025). = Китай – активный участник международного гуманитарного сотрудничества // Сеть синь ху нань. – URL: <https://m.voc.com.cn/rmt/article/7931856.html> (дата обращения: 11.04.2025).

Деятельность Организации Объединенных Наций по установлению и поддержанию мира на Корейском полуострове

*Маглыш А. А., студ. IV к. БГУ,
науч. рук. доц. Мороз Н. О., канд. юр. наук, доц.*

Корейский вопрос находился под пристальным вниманием международного сообщества с момента капитуляции Японии во Второй мировой войне в 1945 году. Корейский полуостров был разделен по 38-й параллели на два государства. Так, начало деятельности Организации Объединенных

Наций (далее – ООН) на полуострове знаменуется принятием резолюции 112 Генеральной Ассамблеи ООН в 1947 году [1]. Резолюцией было признано «неотложное и законное» право корейского народа на независимость и была учреждена Временная комиссия ООН по Корее (UNTCOK) (далее – Временная комиссия) для поддержки образования Кореи [2]. По предусмотренному в документе пути проведения выборов под мониторингом ООН на юге было сформировано правительство, и в мае 1948 года была образована современная Республика Корея [1]. В северной части полуострова тоже было сформировано отдельное правительство, однако Временная комиссия не получила доступ для присутствия на выборах [3]. Каждое из этих правительств считало себя единственно законным на территории всего Корейского полуострова, однако легитимным резолюцией 195 Генеральной Ассамблеи ООН было признано только правительство Республики Корея [4].

Июнь 1950 года ознаменовался началом Корейской войны. Для восстановления мира и безопасности на Корейском полуострове было создано Командование Организации Объединенных Наций (UNC) (далее – Командование). Командование представляло собой первую в мире попытку коллективной безопасности в рамках системы ООН. Резолюциями 83 и 84 Совета Безопасности ООН государствам-членам были предоставлены полномочия для восстановления мира на Корейском полуострове, Соединенные Штаты Америки были назначены лидером объединенного командования [5]. Командование характеризовалось следующими чертами: 1) не представляло собой структурное подразделение ООН; 2) не являлось миротворческой операцией; 3) не допускало вмешательства в его деятельность иных органов ООН, за исключением Совета Безопасности ООН, которому было подотчетно; 4) находилось под руководством Соединенных Штатов Америки. Как отмечают исследователи А. Я. Станонис и А. Л. Лукин, Командование – это единственный прецедент полномасштабного применения механизма, предусмотренного ст. 43 Устава ООН по предоставлению государствами в распоряжение ООН своих вооруженных сил, на современном этапе [3]. С 1950 по 1953 год 22 страны предоставили вооруженный контингент или медицинские подразделения для поддержки Республики Корея под флагом ООН [5]. Кроме того, следует отметить, что Командование является действующим институтом и его контингент все еще находится на территории Республики Корея в демилитаризованной зоне. Тем не менее создание и деятельность Командования имеет ряд несовершенств, в частности, ввиду абсолютного влияния Соединенных Штатов Америки, что продолжает порождать доктринальные дискуссии о необходимости его реформирования [3].

Корейская война завершилась в 1953 году принятием Соглашения о перемирии (далее – Соглашение) в Пханмунджоме между представителями Командования, представителями командования Корейской народной армии

(Корейская Народная Демократическая Республика) и представителями командования Китайской народной добровольческой армии (Республика Корея не является участником Соглашения) [5]. В преамбуле Соглашения указывалось, что его целью является «прекращение корейского конфликта» и «заключение перемирия, которое обеспечило бы полное прекращение военных действий и всех враждебных актов в Корее до окончательного мирного соглашения» [6]. На настоящий момент такое мирное соглашение не было принято.

В дальнейшем для содействия послевоенным усилиям по восстановлению были созданы такие структуры, как Комиссия ООН по объединению и восстановлению Кореи (UNCURK) и Агентство ООН по восстановлению Кореи (UNKRA) [1]. В 1991 году Республика Корея и Корейская Народная Демократическая Республика стали членами ООН.

В 2023 году к 70-летию Соглашения, положившего конец боевым действиям, Генеральный Секретарь ООН Антониу Гутерриш призвал стороны возобновить регулярные дипломатические контакты и создать атмосферу, способствующую диалогу, чтобы прийти к соглашению по мирному договору, поскольку официально конфликт между сторонами все еще не закончен [7].

Таким образом, ООН активно предпринимала попытки к урегулированию вначале корейского вопроса, а затем и корейского конфликта, однако едва ли на современном этапе данные попытки можно считать достаточными. Поскольку конфликт между сторонами юридически не окончен, отказ от конфронтации и заключение окончательного мирного договора должно стать первоочередной задачей. Чтобы этого достичь, возможные пути урегулирования корейского конфликта должны быть включены в повестку дня и рассмотрены международным сообществом на заседаниях сессий Генеральной Ассамблеи ООН. Сторонам следует прибегнуть к мирным средствам разрешения споров, предусмотренным главой VI Устава ООН. При отказе или невозможности урегулирования конфликта путем переговоров, необходимо привлечение нейтрального посредника, в роли которого и может выступить ООН. Тем не менее ООН не должна пренебрегать данным вопросом и, как того требует ст. 1 Устава ООН, должна предпринять все возможные меры по установлению долгосрочного и стабильного мира на Корейском полуострове.

Литература

1. Отношения ООН – Республика Корея // United Nations in the Republic of Korea. – URL: <https://un-rok.org/about-un/about-un-in-rok/> (дата обращения: 14.04.2025).

2. The problem of the independence of Korea: Resolutions adopted by the General Assembly during its 2nd session, 16 September – 29 November 1947. – A/519. – 1948. – p. 17–18. – URL: <https://digitallibrary.un.org/record/667165?v=pdf> (date of access: 14.04.2025).

3. Станонис, А. Я. Командование Организации Объединенных Наций в Корее: история создания, современный статус и перспективы трансформации / А. Я. Станонис, А. Л. Лукин // Известия Восточного института. – 2019. – № 4 (44). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/komandovanie-organizatsii-obedinyonnyh-natsiy-v-koree-istoriya-sozdaniya-sovremennyy-status-i-perspektivy-transformatsii> (дата обращения: 14.04.2025).

4. Вступление Северной и Южной Кореи в ООН: 40-летний марафон // Организация Объединенных Наций. Новости ООН. – URL: <https://news.un.org/ru/audio/2014/10/1025161> (дата обращения: 14.04.2025).

5. United Nations Command : an official website of the United States government. – United States, 2025. – URL: <https://www.unc.mil/> (date of access: 14.04.2025).

6. Armistice Agreement // Volume 1. Text of Agreement. – URL: https://peacemaker.un.org/sites/default/files/document/files/2024/05/kp2bkr530727a_greementconcerningmilitaryarmistice.pdf (date of access: 14.04.2025).

7. 70-я годовщина перемирия в Корее: в ООН призывают к возобновлению диалога // Организация Объединенных Наций. Новости ООН. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/07/1443262> (дата обращения: 14.04.2025).

Гражданская война в Анголе в контексте международных отношений

*Мелькова П. А., Абакунчик Р. Р., студ. I к. БГУ,
науч. рук. Селиванов А. В., канд. ист. наук, доц.*

Ангола, обладающая значительными запасами нефти и алмазов, на протяжении веков оставалась важнейшей колонией Португальской империи. Расположенная на юго-западном побережье Африки, эта страна с населением свыше 35 млн человек обрела независимость в 1975 г. после пятивекового колониального господства, став Народной Республикой Ангола со столицей в Луанде [1, с. 128–133].

Провозглашение независимости 11 ноября 1975 г. не принесло мира, а стало началом одного из самых кровопролитных конфликтов в постколониальной Африке. Три освободительных движения – марксистское МПЛА Агостиньо Нето, прозападное ФНЛА Холдена Роберто и националистическая УНИТА Жонаса Савимби – вступили в ожесточенное противостояние, быстро превратившееся в арену холодной войны [2].

Советский Союз, рассматривавший Анголу как плацдарм для социального влияния, развернул масштабную военно-техническую поддержку МПЛА, включая поставки танков, артиллерии и самолетов, а также направление военных советников (до 1,5 тыс. человек). Куба, следуя доктрине

«интернационалистской солидарности», разместила в Анголе несколько сотен инструкторов в 1975 г. К 1988 г. число кубинских военных достигло 50 тыс. человек. Кубинцы сыграли ключевую роль в обороне Луанды (1975) и битве при Куито-Куанавале (1987–1988) [2].

США рассматривали Анголу как союзника СССР в Африке, поэтому финансировали ФНЛА и УНИТА (21 млн долларов США в 1975 г.), а также поддерживали их через союзников – ЮАР и Заир. Южноафриканские войска, используя борьбу с партизанами СВАПО как предлог, вторгались в южные районы Анголы. Кульминацией стала битва при Кифангондо (1975), где кубинско-ангольские силы разгромили южноафриканский корпус [2]. К 1976 г. МПЛА при поддержке Кубы и СССР установило контроль над ключевыми городами, но УНИТА продолжила партизанскую войну [3, с. 31–44].

В 1980-е гг. конфликт достиг пика. ЮАР, используя Намибию как плацдарм, совершала рейды в южные провинции, а УНИТА, поддерживаемая США, вела партизанскую войну. Переломным моментом стала битва за Куито-Куанавале (1987–1988) – одно из крупнейших сражений в Африке, где участвовали десятки тысяч солдат, сотни танков и самолетов [2]. Потери ЮАР ускорили политические изменения в Претории.

В 1988 г. при посредничестве ООН были подписаны Нью-Йоркские соглашения, выведены кубинские войска (процесс завершен к 1991 г.), объявлена независимость Намибии, прекращена поддержка УНИТА ЮАР. В 1991 г. Бисесские соглашения предусмотрели выборы, но УНИТА отказалась признать победу МПЛА (53,7 % против 34,1 % в 1992 г.), и война возобновилась. Лишь в 2002 г., после гибели Савимби, был подписан мир [2].

Современная Ангола, несмотря на нефтяные доходы, сталкивается с последствиями войны: разрушенная инфраструктура, бедность, социальное неравенство. Внешняя политика стала прагматичной: балансирует между традиционными партнерами (Россия, Китай) и новыми союзниками (США, ЕС). Опыт Анголы показывает сложность постколониального развития, влияние холодной войны и трудности постконфликтного восстановления.

Литература

1. Гонгадзе, В. М. Ангола 1983–1984 гг. / В. М. Гонгадзе // Азия и Африка сегодня. – 2013. – № 2 (17). – С. 128–133. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28378830> (дата обращения: 09.04.2025).
2. Angola: история и геополитика // Katehon. – URL: <https://katehon.com/ru/article/angola-istoriya-i-geopolitika> (дата обращения: 09.04.2025).
3. Хазанов, А. М. Ангола – республика, рожденная в борьбе / А. М. Хазанов. – М. : Знание, 1976. – 64 с.

От социалистической солидарности к экономическому прагматизму: 50 лет российско-ангольских отношений

*Мелькова П. А., Абакунчик Р. Р., студ. I к. БГУ,
науч. рук. Селиванов А. В., канд. ист. наук, доц.*

Отношения СССР (а затем России) с Анголой с 1975 по 2025 г. прошли сложную эволюцию: от масштабной военной и экономической поддержки социалистического режима МПЛА в период холодной войны, когда СССР направлял в страну военных советников, технику и оказывал политическую поддержку (включая содействие кубинскому военному присутствию), через резкий спад сотрудничества в 1990-е гг. после распада СССР, до постепенного восстановления связей в 2000-х на новой, прагматичной основе – с акцентом на военно-техническое сотрудничество, участие российских компаний в нефтегазовом и алмазодобывающем секторах, а также на политический диалог, хотя и без прежнего уровня влияния, поскольку Ангола одновременно развивает партнерство с Китаем, США и ЕС. Рассмотрение этих отношений позволяет оценить изменение подходов Москвы к Африке от советской эпохи до наших дней, а также оценить перспективы российско-ангольского сотрудничества в условиях новой геополитической реальности и выделить ключевые этапы и направления взаимодействия стран в политической, военно-технической и экономической сферах.

В 1975–1991 гг. Советский Союз оказал Анголе беспрецедентную военную и экономическую помощь. Объем поставок вооружений и военной техники составил около 4 млрд долларов США. В Анголу были направлены танки Т-54/55, боевые машины пехоты БМП-1, истребители МиГ-21 и МиГ-23, зенитные ракетные комплексы. Одновременно в стране работали от 1 до 3 тыс. советских военных советников, а в СССР прошли подготовку около 2 тыс. ангольских офицеров [1, с. 50–51].

Экономическое сотрудничество включало строительство ключевых инфраструктурных объектов, таких как гидроэлектростанция «Капанда», которая была достроена уже при российском участии в 2007 г. [1, с. 34–36]. Советские геологи проводили разведку месторождений нефти и алмазов, создавались промышленные предприятия. Особое внимание уделялось подготовке кадров – более 10 тыс. ангольских граждан получили образование в советских вузах, преимущественно по техническим и медицинским специальностям [1, с. 50–51].

Распад Советского Союза в 1991 г. привел к резкому сокращению сотрудничества. Россия свернула большинство программ помощи, сохранив лишь отдельные экономические проекты, такие как участие компании «Лукойл» в нефтедобыче [1, с. 50–51]. 1990-е гг. стали периодом переориентации Анголы на сотрудничество с Китаем, Бразилией и Португалией.

В 2010-е гг. началось постепенное восстановление отношений на новой основе. В 2004 г. была создана Межправительственная Российско-Ангольская комиссия по экономическому сотрудничеству, а в 2019 г. был учрежден Деловой совет Россия – Ангола [2]. Ключевыми элементами сотрудничества стали:

- в космической отрасли – запуск спутника «Ангосат-2» в 2022 г.;
- в нефтегазовом секторе – деятельность «Роснефти» и других российских компаний;
- в области алмазодобычи – проекты компании «АЛРОСА»;
- в финансовой сфере – работа «Банка ВТБ Африка».

Сохраняется и гуманитарное сотрудничество: около 2 тыс. ангольских студентов обучаются в российских вузах, хотя масштабы значительно уступают советскому периоду [2].

Современные российско-ангольские отношения строятся на принципах прагматизма и взаимной выгоды, в отличие от идеологически мотивированной помощи в советский период. Перспективы развития связаны с углублением сотрудничества в сырьевом секторе, развитием высокотехнологичных проектов и расширением гуманитарных связей. Однако для России существуют и серьезные вызовы, включая конкуренцию с Китаем и экономические трудности обеих стран. Несмотря на это, российско-ангольские отношения продолжают демонстрировать устойчивость и потенциал для дальнейшего развития.

Литература

1. Страны Африки в глобальной политике XXI века : материалы XIII Всероссийской школы молодых африканистов, Санкт-Петербург, 7–8 ноября 2014 г. / Ин-т Африки РАН, СПб. гос. ун-т, Рос. совет по междунар. делам, Науч. совет по проблемам стран Африки РАН. – СПб, 2014. – 182 с.

2. Российско-ангольские отношения // Посольство России в Анголе. – URL: <https://angola.mid.ru/ru/countries/bilateral-relations> (дата обращения: 19.10.2024).

Этнаграфічныя калекцыі ў музеях Беларусі: асаблівасці выкарыстання

*Міхалап П. У., асп. БДУ,
наук. кір. Гарбачова В. В., канд. гіст. навук, дац.*

На сучасным этапе больш за пяцьдзесят беларускіх дзяржаўных музеяў утрымліваюць этнаграфічныя калекцыі. Аднак, амаль усе яны выконваюць ролю сваеасаблівага дапаможніка, нейкай абавязковай адзінкі, належнасць якой гарантуе таму ці іншаму музею стварэнне сувязі наведвальніка

з традыцыйнай беларускай культурай. Прадметы этнаграфіі ў дадзеным выпадку выкарыстоўваюцца як сродак дэманстрацыі побытавай, гаспадарчай, вытворчай або рэлігійнай дзейнасці беларусаў асобнага рэгіёну.

Найбольш распаўсюджаным з'яўляецца ўжыванне музеямі этнаграфічных збораў для дэманстравання побыту беларусаў. Так, у прыватнасці, музеямі краязнаўчага профілю этнаграфічныя прадметы шырока выкарыстоўваюцца для паказу матэрыяльнай культуры і, яшчэ больш, традыцыйнага жылля асобных геаграфічных рэгіёнаў у абраны прамежак часу. Важна падкрэсліць, што сацыяльна-псіхалагічныя асаблівасці розных пластоў насельніцтва найбольш яскрава выражаны ў інтэр'ерах жылля.

У склад такіх экспазіцый уваходзяць прылады працы, прадметы хатняга абсталявання, вопратка і г. д. У большасці выпадкаў дадзеныя экспазіцыі – ансамблевыя, якія ствараюць комплекснае ўяўленне пра экспанаты ў іх узаемасувязі паміж сабой [2].

Больш разгорнутым і разнастайным падаецца паказ пры дапамозе этнаграфічных прадметаў гаспадарчай сферы дзейнасці чалавека. У этнаграфічных і краязнаўчых музеях Беларусі распаўсюджанымі з'яўляюцца экспазіцыі, якія дэманструюць гаспадарчую дзейнасць беларускага сялянства пярэдняга XIX – пачатку XX ст. У большасці музеяў дадзеная тэма раскрываецца ў сукупнасці з побытавай сферай і існуе пад агульнымі назвамі, нахштальт: «Сялянская хата», «Сялянская сядзіба XIX стагоддзя» альбо проста «Этнаграфія» ці «Этнаграфія краю» [2]. Гэта абумоўлена тым, што раней побытавая і гаспадарчая сферы жыцця беларусаў былі непарыўна звязаны паміж сабой. У дадзеным выпадку найбольш запатрабаванымі становяцца этнаграфічныя прадметы, звязаныя з такімі гаспадарчымі заняткамі, як ткацтва і земляробства.

Таксама на Беларусі існуюць музеі, у экспазіцыі якіх назіраецца больш дакладны падзел этнаграфічных калекцый. У такіх музеях ёсць тэматычныя экспазіцыі, прысвечаныя асобным гаспадарчым заняткам і вынікам з іх. Напрыклад, экспазіцыя «Рака і чалавек» Клічаўскага краязнаўчага музея дэманструе такія гаспадарчы заняткі, як рыбалоўства, а экспазіцыя Гарадоцкага раённага краязнаўчага музея пад назвай «Жаночыя рамёствы» прадстаўляе жаночыя гаспадарчыя заняткі – ткацтва і вязанне [2].

Найбольш удала адлюстраванне побытавай і гаспадарчай сфер дзейнасці адбываецца ў музеях тыпу скансэн. Яскравы прыклад такога музея – Беларускі дзяржаўны музей архітэктуры і побыту.

Калі рэгіён, вёска або горад славіцца нейкім унікальным рамяством, характэрным менавіта для гэтага рэгіёна, то тады прадметы этнаграфіі выкарыстоўваюцца як сродак дэманстрацыі вытворчай сферы. Напрыклад, можна згадаць экспазіцыю «Шапавальства» Дрыбінскага раённага гісторыка-этнаграфічнага музея, экспазіцыю «Народныя майстры» Мастоўскага

дзяржаўнага музея, «Лес і чалавек» альбо раздзел «Спартры» ў экспазіцыі «Этнаграфія края ў XIX–XX ст.» Глускага раённага гісторыка-краязнаўчага музея. У склад такіх экспазіцый уваходзяць спецыялізаваныя прылады працы і прыстасаванні, якія дэманструюць тэхналагічны працэс вырабу, а таксама прадметы, якія з’яўляюцца прадуктамі той ці іншай вытворчасці [1, с. 42].

Найменш распаўсюджаным у музейнай галіне з’яўляецца паказ рэлігійнага жыцця беларусаў пры дапамозе этнаграфічных прадметаў. Рэлігійная сфера раскрываецца пры дапамозе этнаграфіі перш-наперш у народных абрадах і каляндарных святах. Адлюстроўваюцца ў падобных экспазіцыях паганства, хрысціянства, юдаізм. Грунтуюцца такія экспазіцыі на традыцыйных беларускіх звычаях, звязаных з жыллем, жывёлагадоўляй, харчаваннем, раслінаводствам і г. д. Этнаграфічныя калекцыі дапамагаюць наглядна прадэманстраваць наведвальніку, як адзначалася «Масленіца», «Купалле», якія побытавыя рэчы выкарыстоўваліся ў якасці абярога і г. д.

Такім чынам, этнаграфічныя калекцыі ў беларускіх музеях дэманструюць асноўныя традыцыйныя сферы дзейнасці беларусаў. Найбольш рэпрэзентатыўна яны прадстаўляюць побыт і гаспадарку беларускага сялянства пярэдняга XIX – пачатку XX ст. Асноўны метады пабудовы экспазіцый – ансамблевы. Найменш распаўсюджаным з’яўляецца паказ рэлігійнай сферы.

Літаратура

1. Каткова, Л. А. Музейная справа Беларусі: сучасны стан і праблемы развіцця / Л. А. Каткова, З. М. Камароўская, І. Ю. Варанкова [і інш]. – Мінск : БелДПІК, 2004. – 87 с.
2. Музеі [сайт]. – URL: <https://kultura.gov.by/organizatsii/muzei/> (date of access: 06.03.2025).

Деятельность Молодежного совета (парламента) при Национальном собрании Республики Беларусь в вопросах повышения правовой грамотности молодежи

*Ницименко Е. С., асп. І к. БГУ, Лебединская Я. А.,
вып. Акад. упр. при Президенте Республики Беларусь,
науч. рук. проф. Антанович Н. А., д-р полит. наук, проф.*

Молодежь является самой активной прослойкой любого общества, и в Республике Беларусь на постоянной основе уделяется особое внимание молодым людям. В Республике Беларусь проживает 1 628 339 человек в возрасте от 14 до 31 года или 17,8 % от общей численности населения нашей страны [1, с. 419]. Для вовлечения молодежи в общественную жизнь создаются различные молодежные общественные объединения и структуры. Еще

во времена СССР активной работой с молодежью занимался Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи. ВЛКСМ готовил серьезную базу молодых управленцев, которые затем становились членами КПСС, приходили на руководящие должности в государственные органы и в реальный сектор экономики.

После распада СССР и ряда процессов правопреемником комсомола в нашей стране стал Белорусский республиканский союз молодежи, в одно из направлений деятельности которого входит патриотическое воспитание молодежи и проведение просветительской работы, однако это не единственная структура, на которую возложена данная функция.

Молодежный парламент при Национальном собрании Республики Беларусь создан 2 июля 2020 года и является консультативно-совещательным органом, осуществляющим свою деятельность на общественных началах и избирающийся на 2 года. 28 октября 2024 года свою работу начал третий созыв Молодежного парламента.

Целью Молодежного парламента является содействие деятельности Национального собрания Республики Беларусь в области законодательного регулирования прав и законных интересов молодежи. Одной из ключевых задач Молодежного парламента является приобщение молодежи к парламентской деятельности, формирование правовой и политической культуры молодежи [2].

Именно с этой целью проводятся встречи с молодежью, посвященные важным событиям в нашей стране, а также разработаны и уже внедрены в практику проекты просветительской направленности.

Лидерская платформа «Команда Будущего». Целью проекта является поиск, развитие и поддержка перспективных лидеров, обладающих высоким уровнем личностных качеств и управленческих компетенций. Задачами проекта являются: формирование у участников компетенций в сфере управления через прохождение обучения и получение обратной связи от экспертов; создание коммуникационной площадки для обмена опытом между участниками; содействие их дальнейшему развитию и распространению лучших практик.

Деловая игра «Голос лидера». В сентябре 2023 года Молодежным парламентом был запущен новый проект – деловая игра «Голос Лидера», цель которой заключается в развитии у молодежи критического мышления, необходимых коммуникативных компетенций для профессиональной деятельности, умения применять свои знания в культуре спора, а также расширение кругозора с позиции анализа актуальных международных, политических и экономических вопросов.

Совместный проект Молодежного парламента и Совета молодых адвокатов «Молодежь в праве». Проект направлен на повышение политической

и правовой грамотности белорусской молодежи, защиту ее законных прав через встречи по актуальным правовым тематикам. Его основная цель – информирование молодежи и предупреждение преступлений в сфере киберпреступности, экстремизма, незаконного оборота наркотиков, реабилитации нацизма и т. п.

Повышение правовой грамотности способствует не только профилактике правонарушений в молодежной среде, но также активизирует участие молодежи в общественной жизни Республики Беларусь. К молодежи приходит понимание того, что будущее страны находится в руках молодых, а также осознание того, что они являются неотделимым элементом общества, на который возложена ответственная задача. Молодежный парламент самостоятельно, а также совместно с другими общественными объединениями и структурами проделывает колоссальную работу по повышению правовой грамотности молодежи нашей страны, используя различные форматы, и, как следствие, уровень интереса молодежи к общественной работе и жизни страны растет с каждым годом.

Литература

1. Нищименко, Е. С. Молодежный парламентаризм как один из факторов развития гражданского общества в Республике Беларусь / Е. С. Нищименко, Я. А. Лебединская // Современная политическая наука о траекториях развития государства, бизнеса и гражданского общества : сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 13 дек. 2024 г. / Белорус. гос. экон. ун-т ; редкол.: О. Г. Казак (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГЭУ, 2025. – С. 418–422.

2. Положение о Молодежном совете (парламенте) при Национальном собрании Республики Беларусь // Офиц. интернет-портал Молодежного парламента при Национальном собрании Республики Беларусь. – URL: <https://mpns.by/wp-content/uploads/2021/03/POSITION.pdf> (дата обращения: 05.04.2025).

«Нация без государства»: польский вопрос в контексте европейской политики (конец XVIII в. – 1935 г.)

*Островский Н. С., студ. IV к. БГУ,
науч. рук. проф. Свилас С. Ф., д-р ист. наук, доц.*

Польский вопрос представляет собой уникальный феномен в истории международных отношений, отразивший конфликт между идеей национального самоопределения и интересами крупных держав. С конца XVIII в., когда Польша в результате трех разделов утратила государственность, и вплоть до середины XX в. проблема восстановления польской государственности оставалась предметом серьезных дипломатических, военных и политических

дискуссий в Европе. Формально не существуя на политической карте, Польша сохранила свою культурную и историческую идентичность [1, с. 47].

Разделы Речи Посполитой в 1772, 1793 и 1795 гг., произведенные Россией, Пруссией и Австрией, положили начало более чем столетнему периоду отсутствия польского государства на карте Европы. Эти действия стали возможны благодаря как внутреннему кризису самой Речи Посполитой, так и общей геополитической ситуации, допускавшей перекройку границ без учета воли народов. Как отмечали российские и польские историки, распад польской государственности был воспринят многими европейскими элитами как «естественный» исход слабости политических институтов Речи Посполитой и ее неспособности противостоять внешнему давлению [2, с. 423].

В XIX в. польский вопрос неоднократно становился предметом обсуждения на международных конгрессах и в дипломатических переговорах. Наполеон Бонапарт, используя польскую идею в качестве инструмента противостояния с Россией и Пруссией, учредил Герцогство Варшавское (1807–1815 гг.) – квазигосударственное образование, символизировавшее возможность возрождения Польши. Венский конгресс 1815 г. привел к перераспределению бывших польских земель в пользу Российской империи. Восстания 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг. демонстрировали устойчивое стремление польского народа к независимости, но каждая неудача укрепляла контроль держав и усиливала репрессии. Идея восстановления Польши сохранялась в европейском политическом сознании [3, с. 43].

Особое значение польский вопрос приобрел в начале XX в., когда в контексте кризиса империй и Первой мировой войны идея восстановления национальных государств получила новое звучание. Польша, находившаяся в эпицентре Восточного фронта, вновь стала объектом геополитического соперничества. Германия и Австро-Венгрия в 1916 г. провозгласили создание независимого Польского Королевства, рассчитывая привлечь поляков на свою сторону. Однако окончательное признание независимости Польши стало возможным лишь после поражения Центральных держав и благодаря позиции Антанты, в частности – президента США В. Вильсона, включившего польский вопрос в число «Четырнадцати пунктов» [4, с. 379].

Межвоенный период сопровождался не только консолидацией польского государства, но и новыми вызовами, связанными с определением границ. Восточные рубежи Польши стали ареной вооруженных конфликтов, включая советско-польскую войну 1919–1921 гг., завершившуюся Рижским миром. Кроме того, Польша вела борьбу за признание своих интересов в международной системе, сталкиваясь с угрозами со стороны Германии и СССР. Политическая нестабильность и авторитаризация режима усиливали уязвимость Польши на международной арене, несмотря на усилия

Ю. Пилсудского укрепить государственные институты и выстроить сбалансированную внешнюю политику [5, с. 387].

Польский вопрос с конца XVIII в. до середины XX в. был неотъемлемой частью европейской политики, отражая как внутренние трансформации региона, так и эволюцию международного права, подходов к суверенитету и балансу сил. Его изучение позволяет глубже понять процессы, лежащие в основе современных территориальных конфликтов и национальных движений.

Литература

1. Норман, Д. Сердце Европы / Д. Норман // Коллегиум Восточной Европы им. Яна Новака. – М. : Вроцлав : Летний сад, 2010. – 527 с.
2. Павленко, Н. И. История России с древнейших времен до 1861 года / Н. И. Павленко, И. Л. Андреев, В. А. Федоров. – М. : Высш. шк., 2004. – 536 с.
3. Погодин, А. Л. Очерк истории Польши / А. Л. Погодин // История Польши. – М. : Монолит-Евролинц-Традиция, 2002. – С. 5–91.
4. Тымовский, М. История Польши / М. Тымовский, Я. Кеневич, Е. Хольцер. – М. : Весь мир, 2004. – 546 с.
5. Davies, N. Boże igrzysko: historia Polski / N. Davies. – Kraków : Znak, 2002. – 1184 s.
6. Biskupski, M. B. The History of Poland / M. B. Biskupski. – Westport : Greenwood Publishing Group, 2000. – 236 p.

Пересмотр внешнеполитического курса Филиппин при Р. Дутерте (2016–2022)

*Потоцкая У. А., студ. I к. БГУ,
науч. рук. Саллум Ф. С., канд. ист. наук, доц.*

Историческое развитие внешней политики Филиппин после обретения независимости в 1946 году демонстрирует сложную динамику взаимоотношений с традиционными и новыми центрами силы. Сформировавшийся в колониальный период особый характер отношений с Соединенными Штатами на протяжении десятилетий определял основные векторы внешнеполитического курса страны. Заключенные в послевоенный период соглашения о взаимной обороне (1947) и военной помощи (1951) заложили институциональные основы стратегического партнерства, которое сохраняло свою актуальность несмотря на периодические кризисы, такие как вывод американских военных баз в 1991 году.

Период президентства Бениньо Акино III (2010–2016) ознаменовался новым этапом углубления американо-филиппинского сотрудничества.

Подписание «Соглашения о расширенном оборонном сотрудничестве» (Enhanced Defence Cooperation Agreement или EDCA) в 2014 году и инициирование арбитражного процесса по вопросу Южно-Китайского моря в 2013 году свидетельствовали о стратегическом выборе в пользу тесной координации с Вашингтоном [1]. Однако именно эта политика создала предпосылки для последующей коррекции курса, которая стала характерной чертой внешней политики администрации Родриго Дутерте.

Период президентства Родриго Дутерте (2016–2022) ознаменовался существенной трансформацией внешнеполитического курса Филиппин, характеризующейся заметным изменением тональности и содержания международных отношений страны. Стиль политического руководства Р. Дутерте, сформировавшийся еще в ходе предвыборной кампании, отличался резкостью формулировок и провокационными заявлениями, что в значительной степени определяло восприятие его внешней политики на международной арене.

Одним из наиболее спорных аспектов внутренней политики Р. Дутерте стала жесткая кампания по борьбе с наркоторговлей, сопровождавшаяся значительным числом внесудебных расправ. Эти действия вызвали волну международной критики, особенно со стороны ООН, США и стран ЕС, которые указывали на систематические нарушения прав человека. В ответ филиппинский лидер занял конфронтационную позицию, используя резкую риторику в адрес критиков, включая личные выпады против американского руководства. Данная линия поведения отражала стремление Р. Дутерте подчеркнуть суверенитет Филиппин в вопросах внутренней политики.

Важнейшей особенностью внешнеполитической стратегии Р. Дутерте стало последовательное дистанцирование от традиционного союзника в лице Соединенных Штатов. Принятое в 2020 году решение о приостановке действия Соглашения о посещающих силах (Visiting Forces Agreement или VFA), которое ограничивало возможности американского военного присутствия в стране [2], представляло собой наиболее существенный шаг в этом направлении, который потенциально угрожал всей системе американо-филиппинского военного сотрудничества. Однако анализ практических аспектов двусторонних отношений показывает значительный разрыв между риторикой и реальной политикой. Фактическое сохранение объемов военной помощи и продолжение ключевых программ сотрудничества свидетельствовали о сохранении стратегической значимости альянса для обеих сторон.

Одновременно с дистанцированием от США администрация Дутерте инициировала пересмотр отношений с Китаем, что нашло наиболее яркое выражение в ходе официального визита президента в Пекин в октябре 2016 года. В рамках этого визита были достигнуты договоренности о предоставлении Филиппинам китайских кредитов на сумму 24 млрд долларов

США, что рассматривалось как прорыв в двусторонних отношениях [3, с. 95]. Однако последующая реализация этих соглашений столкнулась с существенными трудностями – фактические объемы китайских инвестиций оказались значительно ниже заявленных, а рост торгового дефицита с КНР создавал дополнительные экономические проблемы. Особенно показательным стало решение Дутерте в апреле 2017 года об усилении военного присутствия на спорных островах архипелага Спратли, которое продемонстрировало принципиальные ограничения политики сближения с Пекином [Там же]. Эти действия, с одной стороны, подчеркивали прагматичный характер внешнеполитического курса филиппинского руководства, а с другой – наглядно показывали, что территориальные споры в Южно-Китайском море продолжают оставаться непреодолимым препятствием для полноценного стратегического партнерства между двумя странами.

Проведенный анализ позволяет сделать ряд важных выводов относительно внешнеполитического курса Филиппин в рассматриваемый период. Геополитическое положение Филиппин как ключевого элемента системы региональной безопасности предопределяло сложный характер внешнеполитического маневрирования страны. Ограниченные возможности национальной оборонной промышленности и сохраняющаяся зависимость от внешних поставок вооружений существенно сужали пространство для самостоятельной политики. В этих условиях стратегия администрации Р. Дутерте, сочетавшая конфронтационную риторику с прагматичным сохранением ключевых элементов сотрудничества с традиционными партнерами, отражала попытку найти баланс между декларируемой независимостью и реальными возможностями среднего государства в условиях обострения глобальной конкуренции.

Литература

1. Enhanced Defense Cooperation Agreement between the Philippines and the United States: [concluded in Manila 28.04.2014] // Official Gazette of the Republic of the Philippines. – URL: <https://www.officialgazette.gov.ph/2014/04/29/document-enhanced-defense-cooperation-agreement/> (date of access: 13.04.2025).

2. Agreement between the Government of the Republic of the Philippines and the Government of the United States of America Regarding the Treatment of United States Armed Forces Visiting the Philippines // The Supreme Court of the Philippines. – URL: <http://sc.judiciary.gov.ph/jurisprudence/2000/oct2000/138570.htm> (date of access: 26.07.2009).

3. Новосельцев, С. В. Конфликт в Южно-Китайском море в XXI веке: эволюция позиций участников / С. В. Новосельцев // Сравнительная политика. – 2018. – № 3. – С. 88–100.

Проблемы зеленой энергетики ЮАР

*Прудникова В. Ю., студ. III к. БГУ,
науч. рук. Жилинская И. В., канд. ист. наук, доц.*

Климатические изменения уже оказывают влияние на местную экосистему и хозяйство. Прежде всего, это выражается в растущем количестве засух и перебоях с подачей воды в отдельных регионах.

Южно-Африканская Республика занимает особое положение среди африканских государств, демонстрируя наиболее развитую экономику, и является третьей по величине на континенте после экономик Нигерии и Египта. Актуальность темы зеленой энергетики в ЮАР обусловлена необходимостью уменьшения зависимости от ископаемых видов топлива и снижения уровня выбросов парниковых газов для борьбы с изменением климата. В условиях энергетического кризиса и необходимости обеспечения устойчивого развития, развитие возобновляемых источников энергии становится приоритетом для обеспечения энергетической безопасности страны.

Характерной особенностью экономики ЮАР является наличие развитой тяжелой промышленности, что подразумевает высокую энергоемкость (одну из самых высоких в мире). В стране существует мощный энергетический сектор, который является одной из системообразующих отраслей южноафриканской экономики.

Основным энергетическим сырьем является уголь, что связано со значительными его запасами в стране. Так, ЮАР по объемам добычи и потребления угля занимает 7-е место в мире, при этом не менее 80 % вырабатываемой энергии получается путем сжигания именно этого вида топлива.

Вклад возобновляемых источников энергии в ЮАР, включая гидроэлектростанции, по итогам 2022 г. составляет всего лишь около 13,7 % (6,2 ГВт мощности). Оставшиеся 6,3 % распределяются между дизельным топливом (1,6 %) и ядерной энергией (4,6 %), получаемой на единственной в стране АЭС Куберг [1].

При сравнительно небольшом (в глобальном измерении) размере экономики, ЮАР занимает далеко не последнее место в мире среди государств, ответственных за крупные объемы выбросов парниковых газов в атмосферу. Согласно статистике за 2019 г., выбросы ЮАР составляли до 433,6 млн т (12-е место в мире). Более того, в глобальном рейтинге загрязнения воздуха за 2024 г. из 138 стран ЮАР занимала 47 место.

В ЮАР имеется довольно влиятельное «зеленое» лобби, благодаря которому это государство состоит в ряде международных организаций, борющихся с глобальными изменениями климата. В частности, ЮАР является членом BASIC, «Коалиции стран влажного тропического леса» (англ. сокр. CFRN), участницей Парижского соглашения по климату, в рамках которого

в сентябре 2015 г. она приняла обязательства приложить долгосрочные усилия по снижению негативного влияния своей экономики на планетарный климат и других.

Южноафриканское правительство в 2010 г. разработало первый в истории страны всеобъемлющий план развития национальной энергетики – Комплексный ресурсный план (англ. Integrated Resource Plan, сокр. IRP), рассчитанный на период до 2030 г. В 2019 г. была принята вторая, ныне действующая редакция IRP. Согласно новой редакции, реализация IRP призвана достичь к 2030 г. ряда целей, среди которых основные: снизить выбросы парниковых газов и диверсифицировать национальный энергетический баланс. Согласно этой стратегии, ЮАР взяла на себя обязательство снизить к 2030 г. эмиссию парниковых газов до 350–420 млн т CO₂ – экв.

К 2030 г. ЮАР должна располагать действующими объектами угольной генерации совокупной мощностью в 34 ГВт (по сравнению с 39 ГВт в 2018 г.), а к 2050 г. планируется оставить в эксплуатации угольные электростанции общей мощностью в 12 ГВт, то есть меньше трети от уровня 2018 г. [2].

В то же время, по словам Г. Манташе, главы Министерства минеральных ресурсов и энергетики ЮАР, пропагандируемые в настоящее время на международном уровне борьба с климатическими изменениями и вытекающая из нее необходимость декарбонизации экономики входят в противоречие с такими жизненно важными приоритетами Африканского континента, как преодоление энергетической бедности, повышение жизненного уровня населения, индустриализация и технологическое развитие. Характеризуя подход правительства республики к энергопереходу, Г. Манташе подчеркнул, что движение в сторону низкоэмиссионной экономики в стране будет производиться осторожными и выверенными шагами. По его словам, особенно-сти энергоперехода в ЮАР будут определяться «национальной спецификой и практическими возможностями».

Таким образом, несмотря на прилагаемые Южной Африкой усилия, в ее распоряжении не имеется достаточно ресурсов для необходимого роста генерирующих мощностей возобновляемой энергетики. ЮАР остается зависимой от загрязняющего атмосферу ископаемого энергетического сырья – угля, самого распространенного и дешевого источника энергии на территории страны. Южно-Африканская Республика в конечном итоге может оказаться не в состоянии выполнить взятые на себя обязательства по снижению выбросов в атмосферу, если развитые страны не предоставят им финансового и технологического содействия при реализации энергетического перехода.

Літэратура

1. The South African Energy Sector Report 2021 // Department of Mineral Resources and Energy, Republic of South Africa. – URL: <https://www.energy.gov.za/files/media/expained/2021-South-African-Energy-Sector-Report.pdf> (date of access: 13.04.2025).
2. The Carbon Brief Profile: South Africa // Carbon Brief/ Clear on Climate. – URL: <https://www.carbonbrief.org/the-carbon-brief-profile-south-africa/> (date of access: 13.04.2025).

Работнікі прамысловых прадпрыемстваў на тэрыторыі Беларусі ў другой палове XIX ст.: сацыяльны склад і ўмовы працы

*Прышчэпа М. Д., студ. III к. БДУ,
наук. кір. Маскевіч Г. І., канд. гіст. навук, дац.*

У другой палове XIX ст., атрымаўшы стымулюючы імпульс у выглядзе буржуазных рэформ, фабрычна-заводская вытворчасць Беларусі працягнула развівацца, але былі фактары, якія заміналі яе хуткаму росту, у прыватнасці, недахоп працоўных рук і вузкасць унутранага рынку працы.

Першапачаткова ў фабрычна-заводскай вытворчасці выкарыстоўвалася пераважна праца сялян. Гэта было звязана з тым, што пасля адмены прыгоннага права сяляне, якія атрымалі асабістую волю, мелі магчымасць самастойна выбіраць месца працы. На дваранскіх прадпрыемствах прыгонныя амаль нічога не зараблялі, таму пасля атрымання волі масава ішлі на заробкі ў гарады. Такая з’ява, калі сяляне пакідалі працу на зямлі ды йшлі працаваць у больш буйныя населеныя пункты – гарады ці мястэчкі, атрымала назву “адыходніцтва”, а прышлыя ў гарадское асяроддзе сяляне называліся “адыходнікі” [5, с. 43]. Паступовы працэс адрыву сялян ад землеўладання і адыход на прамысловыя прадпрыемствы з’явіўся падмуркам фарміравання прамысловага пралетарыяту Беларусі. Фактычна, адыходніцтва фарміравала унутраны рынак працы. Сыходзячы на фабрыкі і заводы, адыходнікі адмаўляліся ад сельскай гаспадаркі і пераўтвараліся ў прамысловых работнікаў. Сувязь з вёскай захоўвалася праз перасылку грошай у валасную ўправу для працягу тэрміну адлучкі. Пры адсутнасці адукацыі ў сялянскіх дзяцей, апошнія ішлі па слядах сваіх бацькоў – працаваць на фабрыкі і заводы. Так, на гарбарным заводзе ў Мазырскім павеце эксплуатаваліся 10-гадовыя дзеці, а на Добрушскай папяровай фабрыцы працавалі 25 дзяцей ва ўзросце ад 12 да 15 гадоў [4, с. 146–147].

Умовы працы на прамысловых прадпрыемствах былі кепскія. Тэхніка бяспекі на прадпрыемствах не выконвалася. Заводскія памяшканні – так

звання цэхі – знаходзіліся не ў лепшым стане. Часу пад'есці не было, рабочыя сілкаваліся наўпрост на сваім працоўным месцы. Медыцынская дапамога не аказвалася, бальнічных лістоў не давалі. Грашовых кампенсаций за траўмы або страту працаздольнасці не існавала. Колькасць працоўных гадзін залежала ад жадання работадаўцы, таму працаваць маглі і па 18 гадзін у суткі. Фабрычнае заканадаўства пачало афармляцца з 1882 г., але фабрыканты і заводчыкі пастаянна парушалі законы, таму працоўны дзень цягнуўся столькі, колькі таго жадаў гаспадар. У 1885 г. на запалкавых фабрыках беларускіх губерняў рабочыя працавалі прыкладна па 14 гадзін, на суконных – ад 10 да 14 гадзін, на гарбарных, шкляных і чугуналіцейных заводах па 12 гадзін, на лесапільных і ганчарных заводах – па 11 гадзін, на некаторых броварах – да 16 гадзін [2, с. 76].

Умовы пражывання работнікаў розных прадпрыемстваў адрозніваліся, але ўсё адно не былі задавальняючымі. Большасць прамысловых работнікаў жыла на гарадскіх ускрайках, у так званых рабочих кварталах, якія складаліся з драўляных дамоў і фабрычных баракаў [1, с. 99]. Некаторыя работнікі жылі ў фабрычна-заводскіх памяшканнях. Работнікі даволі часта арэндавалі памяшканне або кут на кароткі тэрмін, пасля сканчэння арэнды прыходзілі новыя людзі. Пакоі, знятыя на нейкі час, мелі антысанітарныя ўмовы, што выклікала распаўсюджанне розных хвароб. Калі становішча было вельмі цяжкае і грошай увогуле не было, то людзі здымалі падвальныя памяшканні (склеп).

Кемлівыя і энергічныя адыходнікі, якія былі незадаволены ўмовамі працы на мясцовых прадпрыемствах, спрабавалі шукаць лепшай долі ў іншых раёнах Расійскай імперыі і за мяжой – у ЗША, Канадзе, Германіі і іншых краінах. Такім чынам, адбываўся адток працоўнай сілы. Эміграцыя беларускіх рабочих у краіны Захаду складала 600–800 тыс. чалавек, а з улікам эміграцыі яўрэяў – 1300 тыс. жыхароў Беларусі [3, с. 125]. Агенты-вярбоўшчыкі таемна перапраўлялі людзей праз парты Германіі. У замежжы прыезджых адыходнікаў мясцовыя прадпрыемальнікі разглядалі як нізкааплатава тавар, які не ведаў мовы краіны і таму мог няшчадна эксплуатавацца, таму з задавальненнем бралі мігрантаў на працу. Умовы працы і пражывання за мяжой былі яшчэ горшыя. Калі мігранты вярталіся дадому і зноў прадавалі сябе на працоўным рынку, то пасля такой замежнай «практыкі» патэнцыяльныя работадаўцы разглядалі іх як больш-менш кваліфікаваных рабочих, таму іх праца цанілася вышэй: такому работніку плацілі прыкладна як двум звычайным рабочым. З такой рэтраспектывы міграцыю можна разглядаць у якасці фабрычнай школы.

У другой палове XIX ст. мадэрнізацыйныя працэсы ўплывалі на развіццё прамысловасці, мянялі сацыяльны стан грамадства. Фарміравалася новая культура вытворчасці і новы менталітэт, якія адпавядалі часу – індустрыяльнаму

грамадству. У былых прыгонных павышаўся ўзровень пісьменнасці і сама-свядомасці, адначасова рос і духоўны запыт. Прамысловыя рабочыя, былыя сяляне, пазнаёміліся з жыццём гараджан, набылі рознага кшталту новыя звычкі, погляды, перакананні. Іх светапогляд становіўся больш «гарадскім»: важнае значэнне надавалася працы на прамысловых прадпрыемствах, а сельская гаспадарка для іх паступова адыходзіла на другі план, і з цягам часу такія сяляне пачалі лічыць сябе прамысловымі рабочымі.

Літаратура

1. Алексашина, Г. В. Наемные работники в городах Беларуси: состав, правовое и экономическое положение (1890–1913 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Г. В. Алексашина. – Минск, 2019. – 222 л.
2. Бурачонак, А. В. Развіццё прадпрымальніцтва ў фабрычна-заводскай вытворчасці Беларусі (1861–1914 гг.) : дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / А. В. Бурачонак. – Мінск, 2012. – 151 л.
3. Каханоўскі, А. Г. Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861–1914 гг.) : дыс. ... док. гіст. навук : 07.00.02 / А. Г. Каханоўскі. – Мінск, 2014. – 340 л.
4. Липинский, Л. П. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Белоруссии (II половина XIX в.) / Л. П. Липинский. – Минск : Наука и техника, 1971. – 252 с.
5. Панютин, В. П. Из истории формирования пролетариата Белоруссии (1861–1914 гг.) / В. П. Панютин. – Минск : Издательство «Наука и техника», 1969. – 192 с.

Шлосберг Яфім Паўлавіч: навуковая ніва і доля

*Савасцюк Ц. С., студ. II к. БДУ,
навук. кір. праф. Яноўскі А. А., канд. гіст. навук*

Першая палова XX стагоддзя для Беларусі характарызуецца цяжкасцю з-за праходзячых важных сушветных і рэгіянальных падзей. Жыццё змянілася ва ўсяго насельніцтва, у тым ліку ў навуковым асяроддзі. Адзін з людзей, што сваёй біяграфіяй дэманструе гэты цяжкі час з нечаканымі зменамі, – Шлосберг Яфім Паўлавіч.

Будучы вучоны нарадзіўся ў Вільні, у 1928 г. скончыў педагагічны факультэт Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта і працягваў займацца навукай. З 1937 г. займаў пасаду загадчыка кафедры гісторыі ў Мінскім вышэйшым педагагічным інстытуце, дзе працаваў да самага пачатку Вялікай Айчыннай вайны [1, с. 345–346]. Некаторыя крыніцы акцэнтуюць увагу на нацыянальнасці Яфіма Паўлавіча – яўрэй [2].

23 чэрвеня 1941 г., знаходзячыся ў Мінску, ён быў прызваны ў савецкую армію, ужо паспеўшы стаць кандыдатам гістарычных навук. Змагаўся за айчыну

разам з іншымі калегамі-вучонымі, такімі як Дзяніс Дудкоў, і аспірантамі – Адамам Залескім, Зіновіем Капыскім і іншымі [3, с. 3]. Яфім Паўлавіч быў прызваны і служыў у 207-й стралковай дывізіі, таксама быў звязаны з 79-м стралковым корпусам і 3-й ударнай арміяй. За гераізм і самааданасць Радзіме быў узнагароджаны ордэнам Айчыннай вайны I ступені, ордэнамі Чырвонай Зоркі і Чырвонага Сцяга, медалямі «За абарону Масквы», «За перамогу ў Вялікай Айчыннай вайне 1941–1945 гг.», «За вызваленне Варшавы», «За ўзяцце Берліна». Я. П. Шлосберг удзельчаў у баях за такія гарады, як Чарнігаў, Смаленск, Віцебск, Быдгашч, Шчэцін. Скончыў свой баявы шлях у званні маёра [4].

Вучоны даследаваў сацыяльна-эканамічную гісторыю беларускіх зямель XVIII–XIX стст., і яго працы нават сёння выкарыстоўваюцца профільнымі навукоўцамі. Напрыклад, пры разгляданні асноўных форм рэнты, вучоны выказваў меркаванне, што толькі паншчына была распаўсюджана на тэрыторыі Беларусі, што выклікала пратэст сярод іншых вучоных [5, с. 177–178]. Пільна разглядаліся інвентары, якія паказвалі эвалюцыю феадальнага спосабу вытворчасці і распад феадальна-прыгонніцкай сістэмы. Сучасныя даследчыкі, аналізуючы тэксты Я. П. Шлосберга звяртаюць увагу і на тое, якую вялікую каштоўнасць маюць артыкулы ў галіне сацыяльнай гісторыі, а дэмаграфічныя даныя як раз не з’яўляюцца асноўнай крыніцай [6, с. 146].

Пасля вайны навуковец змог працягнуць сваю працу. У 1948 г. Інстытут гісторыі Акадэміі навук БССР надрукаваў працу «Аб асноўных пытаннях гісторыі БССР», складальнікамі якой былі Яфім Шлосберг, Мікалай Нікольскі, Уладзімір Перцаў, Аляксей П’ялкоў, Канстанцін Шабуня, Канстанцін Палікарповіч. Апублікаваная праца павінна была дапамагчы сістэматызаваць пытанні па складанні гісторыі Беларусі [3, с. 3].

У тым жа годзе на кар’еры дзеяча мог быць пастаўлены крыж. 6 лістапада 1948 г., падчас кампаніі па барацьбе з касмапалітызмам, ён быў арыштаваны Міністэрствам дзяржаўнай бяспекі БССР. У наступным годзе яму прысудзілі 10 гадоў лагераў, адбываў пакаранне ў Іркуцкай вобласці. У 1955 г. Судовая калегія Вярхоўнага суда БССР тэрмін знаходжання пад арыштам зменшыла да 7 гадоў. Ужо на 9 мая 1956 г. быў рэабілітаваны, з таго часу да 1964 г., нягледзячы на дрэнны стан здароўя пасля высылкі, працаваў у Інстытуце гісторыі [1, с. 345–346]. Яфім Паўлавіч пасля вяртання ў навуку, удзельнічаў у складанні выдання АН БССР «Истории Белорусской ССР» у двух тамах. З’яўляўся складальнікам супольна з такімі выбітнымі навукоўцамі, як Лаўрэнцій Абэцэдарскі, Майсей Грынблат, Эдуард Загарульскі і іншыя [7].

Яфім Паўлавіч Шлосберг сваімі старонкамі біяграфіі, апублікаванымі працамі і сваёй асабай ілюструе мадэль таго чалавека, што прайшоў цяжкія дзесяцігоддзі развіцця, гвалту, а потым і рэабілітацыі. Шанаванне ўніверсітэцкіх і акадэмічных працаўнікоў застаецца важнай ступенню для разумення працэсаў ў любы перыяд гісторыі.

Літаратура

1. Рэпрэсаваныя літаратары, навукоўцы, работнікі асветы, грамадскія і культурныя дзеячы Беларусі. 1794–1991 : энцыклапедычны даведнік : у 3 т. – Т. 2 : Лавіцкі – Ятаўт. – Мінск, 2003. – 380 с.
2. Шлосберг Ефим Павлович // Бессмертный барак. – URL: <https://bessmertnybarak.ru/books/person/326436/> (дата обращения: 01.03.2025).
3. Навіцкі, У. Цэнтр гістарычнай думкі / У. Навіцкі // Голас Радзімы. – 1999. – 3 ліст. – С. 3, 10.
4. Шлосберг Ефим Павлович // Память народа. – URL: <https://goo.su/BTvblag> (дата обращения: 01.03.2025).
5. Люты, А. М. Сялянская гаспадарка ў Беларусі ў другой палове XVIII – першай палове XIX ст. / А. М. Люты, А. Э. Лютая // Европа: актуальныя праблемы этнокультуры : сб. науч. ст. / Белорус. гос. пед. ун-т ; редкол. : В. В. Тугай (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2013. – С. 177–179.
6. Беларускі археаграфічны штогоднік. – Вып. 12. – Мінск : БелНДІДАС, 2011. – 298 с.
7. История Белорусской ССР : в 2 т. – 2-е изд. – Минск : Издательство Академии наук БССР, 1961.

Культурный туризм как инструмент «мягкой силы» Вьетнама

*Сапоненко А. А., Смальцер В. С., студ. I к. БГУ,
науч. рук. Миксюк А. С., канд. ист. наук, доц.*

В эпоху глобализации и интенсивного международного взаимодействия культура может рассматриваться в качестве важного инструмента «мягкой силы», способствуя динамичному и стабильному развитию государства, расширению и укреплению его международных связей. «“Мягкая сила” во вьетнамской культуре является важным элементом, который обеспечивает синергию и повышает национальную конкурентоспособность» [1]. Материальные объекты и нематериальные ценности культурного наследия, а также культурная самобытность, природа Вьетнама стали основой его «мягкой силы», ресурсом и движущей силой развития страны.

«Мягкая сила», в отличие от жестких методов воздействия, опирается на улучшение имиджа страны, способность вызвать у людей интерес и симпатию. У путешественников, посещающих исторические места Вьетнама, участвующих в традиционных праздниках и пробуящих национальную кухню, складывается позитивный образ страны, который они распространяют за границами Вьетнама.

Культурный туризм – вид туризма, который развивается благодаря эксплуатации страной культурных ценностей и способствует популяризации

и сохранению существующих и созданию новых культурных ценностей. Ресурсами культурного туризма могут стать историко-культурные объекты, уникальные народные ремесла, фестивали, различные формы проведения досуга и другое.

Рост внимания правительства Вьетнама к культурному богатству и его возможностям для развития туризма особенно заметен на протяжении последних десятилетий. Существует множество форматов культурного туризма, многие из которых успешно развиваются во Вьетнаме. Так, к одному из форматов относятся традиционные и народные фестивали, которых в стране существует около восьми тысяч [2, с. 220]. Самые известные среди них – вьетнамский Новый год (Тет) и Фестиваль середины осени.

Важное место в культурном туризме занимают, несомненно, объекты Всемирного наследия ЮНЕСКО: Комплекс памятников древней столицы Хюэ, древний город Хойан, императорская цитадель Тханг Лонг, комплекс памятников Мишон народности чам, цитадель династии Хо, ансамбль Бухта Ха-Лонг – Архипелаг Катба, Национальный парк Фонгня-Кебанг, ландшафтный комплекс Транг Ан [3].

Еще одним мощным инструментом «мягкой силы» и элементом культурного туризма стала вьетнамская кухня. Такие блюда, как фо, бань ми, спринг-роллы, обрели мировую популярность. За пределами страны вьетнамские рестораны становятся «культурными посольствами», после посещения которых у многих людей может возникнуть желание поехать во Вьетнам. Таким образом, кухня выполняет и экономическую, и имиджевую функцию, укрепляя «мягкую силу» Вьетнама [4, с. 21].

Политика Вьетнама по развитию и популяризации туризма дает свои результаты: в 2019 году поток туристов составлял 18 млн человек, потом произошел спад из-за пандемии, но за первые 9 месяцев 2023 года с туристическими целями Вьетнам посетили 8,9 млн человек. В 2024 году, по данным Всемирной туристской организации (ЮНВТО), поток туристов увеличился до 17,5 млн человек [5].

Таким образом, создание и продвижение «мягкой силы» важно не только в целях укрепления позиции страны на международной арене, но и для более эффективного экономического развития. Посредством развития культурного туризма (посещение объектов ЮНЕСКО, участие в праздниках, знакомство с национальной кухней) Вьетнам формирует привлекательный образ, который положительно влияет на его международный авторитет. Богатое культурное наследие Вьетнама позволяет называть его страной с большим потенциалом развития культурного туризма.

Литература

1. Развитие мягкой силы во вьетнамской культуре // Nhân Dân. – URL: <https://ru.nhandan.vn/razvitie-mjagkoi-sili-vo-v-etnamskoi-kul-ture-post47489.html>. (дата обращения: 04.04.2025).
2. Меркулова, Е. Е. Развитие культурного туризма во Вьетнаме / Е. Е. Меркулова // Молодежь. Наука. Инновации. – 2024. – Т. 2. – С. 219–224.
3. World Heritage List // UNESCO World Heritage Convention. – URL: <https://whc.unesco.org/ru/list/> (date of access: 11.04.2025).
4. Hoang, N. V. Examining Satisfaction Factors among Young Vietnamese Tourists: A Study of Traditional Cuisine in Hue City, Vietnam / N. V. Hoang, D. T. T. Ninh, Ph. Do. V. Trung // South Asian Journal of Tourism and Hospitality. – 2024. – Vol. 3, №. 2. – P. 1–34.
5. Global and regional tourism performance // UNWTO. – URL: <https://www.unwto.org/tourism-data/global-and-regional-tourism-performance> (date of access: 11.04.2025).

Международное сотрудничество Турции в борьбе с терроризмом

*Ташчы Ф., магистрант II к. БГУ,
науч. рук. Ковяко И. И., канд. ист. наук, доц.*

Латинское слово «терроризм» означает «незаконное применение насилия и запугивания, особенно против гражданского населения, в погоне за политическими целями, стремление терроризировать людей» [1]. Однако из-за неопределенных границ политических целей государств, борьбы за независимость и права на самоопределение у Организации Объединенных Наций (ООН) нет общего определения терроризма [2]. На данном этапе Турция, играющая ключевую роль в международной политике и вопросах безопасности, благодаря своему геополитическому положению, историческим и культурным связям, стремится поддерживать глобальную безопасность и стабильность, сотрудничая как на национальном, так и на международном уровнях.

Турция играет активную роль в разработке универсальной правовой основы в рамках системы Организации Объединенных Наций (ООН). В этом контексте Турция является участником инструментов ООН по борьбе с терроризмом. Она решительно поддерживает Глобальную стратегию и настойчиво выполняет резолюции Совета Безопасности ООН [3]. Турция также вместе с США инициировала создание Глобального форума по борьбе с терроризмом (ГФБТ) и с сентября 2011 г. по апрель 2016 г. сопредседательствовала в этом органе. Турция совместно с Европейским Союзом также

является сопредседателем Рабочей группы по Африканскому Рогу в рамках ГФБТ [3; 5]. В рамках Органа по борьбе с финансированием терроризма, известного как Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (FATF), Турция совместно с США на основании постановления Кабинета Министров от 30 сентября 2013 г. № 5428, признала ИГИЛ (Исламское государство Ирака и Леванта) террористической организацией и в 2015 г. подготовила доклад о его финансировании [4]. В сфере борьбы с терроризмом Турция заключила двусторонние соглашения с более чем 70 странами мира, которые обеспечивают правовую основу для сотрудничества против незаконных формирований, включая террористические организации, и обмена информацией между аналогичными учреждениями [4; 5]. В рамках международного сотрудничества одним из самых важных международных начинаний Турции, России и Ирана являлся Астанинский процесс, начатый в 2017 г. для урегулирования гражданской войны в Сирии. Его целью является разработка политических решений для борьбы с такими террористическими группировками, как PYD (Отряды народной самообороны), и создание гуманитарных коридоров. В рамках Астанинского процесса были созданы безопасные зоны в Идлибе, Хаме, Латакии и Алеппо, что значительно сократило количество гражданских жертв [6].

Таким образом, Турция выделяется не только как национальный актор в борьбе с терроризмом, но и как активный участник международного сотрудничества. Меры, принимаемые против региональных и глобальных угроз, заключенные соглашения и осуществляемые дипломатические инициативы демонстрируют решимость и эффективность Турции в борьбе с терроризмом. Однако трудности, встречающиеся в этом процессе, и разногласия с некоторыми странами подчеркивают важность международного сотрудничества.

Литература

1. Характерные признаки современного терроризма // Управление по делам ГО и ЧС города Кургана. – URL: https://www.kurgan-city.ru/about/defence/files/safety_abc/antiterror/ (дата обращения: 08.03.2025).
2. Kışla, S. N. The Role of the United Nations Security Council in the Fight against International Terrorism in the Context of the Problem of Defining Terrorism / S. N. Kışla // *Electronic Journal of Social Sciences*. – 2022. – № 2. – С. 581–634.
3. Aslan, M. Türkiye'nin Terörizm ile Mücadelesi // *Uluslararası Haber Ajansı*. – 03.07.2023. – URL: <https://www.uhahaberajansi.com/kitap-turkiyenin-terorizm-ile-mucadelesi-kavram-surec-ve-yontem/> (date of access: 08.03.2025).
4. Terörizmle Mücadele Küresel Forumu Koordinasyon Komitesi İkinci Toplantısı // Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı Dışişleri. – URL: <https://www.mfa.gov.tr/terorizmle-mucadele-kuresel-forumu-koordinasyon-komitesi-ikinci-toplantisi.tr.mfa> (date of access: 08.03.2025).

5. Aslan, M. Türkiye'nin Terörle Mücadele Süreci: An ve Sonrası / M. Aslan // Siyaset, Ekonomi ve Toplum Dergisi. – 2023. – № 84. – С. 48–51.

6. İran, Rusya ve Türkiye Temsilcileri Tarafından Yapılan Astana Formatındaki Suriye Konulu 22. Yüksek Düzeyli Toplantı'ya İlişkin Ortak Bildiri // Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı Dışişleri. – URL: <https://www.mfa.gov.tr/iran-rusya-ve-turkiye-temsilcileri-tarafindan-yapilan-astana-formatindaki-suriye-konulu-22-yuksek-duzeyli-toplanti-ya-iliskin-ortak-bildiri-11-12-kasim-2024.tr.mfa> (date of access: 10.03.2025).

Азиатско-Тихоокеанский регион в Стратегиях национальной безопасности США в XXI веке

*Фёдоров Я. И., студ. IV к. БГУ,
науч. рук. проф. Свилас С. Ф., д-р ист. наук, доц.*

На протяжении последних двадцати лет стратегия США в отношении Азиатско-Тихоокеанского региона претерпела значительные изменения, сделав этот регион центральным элементом их внешнеполитической деятельности. АТР играл важную роль в американской стратегии во время «холодной войны». Несмотря на то что ситуация изменилась после окончания советско-американского противостояния, наличие американских войск и продолжение военно-политических соглашений Вашингтона с азиатскими партнерами свидетельствуют о предельном внимании к этому региону.

Соединенные Штаты, чтобы оказывать давление на Китай и укреплять свое влияние в регионе, поддерживают двусторонние военно-политические отношения с такими странами, как Южная Корея, Япония, Филиппины, Таиланд. Более того, США создали собственную архитектуру безопасности в регионе посредством таких альянсов, как QUAD, AUKUS, UKUSA («Пять глаз»), PBR и CHIN4.

После почти десятилетия военных операций на Ближнем Востоке президент Барак Обама в мае 2010 года представил свою первую Стратегию национальной безопасности, акцентировав внимание на активизации американского участия в АТР. Эта стратегия, известная как «перебалансировка», была направлена на модернизацию военных союзов с азиатскими странами и усиление участия в многосторонних форумах. Администрация Обамы стремилась к более тесному сотрудничеству с военными партнерами, особенно с Японией, и предлагала взаимодействие с Китаем и Индией. В Юго-Восточной Азии приоритетом стало сотрудничество с союзниками через многосторонние платформы, такие как АСЕАН и Восточноазиатский саммит [1].

Вторая Стратегия национальной безопасности администрации Обамы, представленная в феврале 2015 года, была направлена на обеспечение

морской безопасности в АТР из-за растущей нестабильности, вызванной напряженностью в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Вашингтон призвал использовать международное право для разрешения конфликтов между Китаем и его соседями. Несмотря на обеспокоенность по поводу роста военной мощи Китая, администрация Обамы стремилась развивать конструктивные отношения с Пекином через высокоуровневые переговоры [2].

Стратегия национальной безопасности, разработанная президентом Дональдом Трампом, кардинально изменила подход США к Китаю, который был признан одним из главных «вызовов» для Америки. Пекин характеризовался как «ревизионистская держава», стремящаяся изменить региональный баланс сил, поэтому усилия Вашингтона направлялись на укрепление военных альянсов. Трамп также акцентировал внимание на многостороннем оборонном сотрудничестве, особенно через возобновленный в декабре 2017 года Quad [3].

Стратегия национальной безопасности администрации Джо Байдена стала продолжением курса его предшественника, акцентируя внимание на соперничестве с Китаем. Д. Байден подчеркивал важность создания его администрацией собственной архитектуры безопасности. Были учреждены альянсы: AUKUS, UKUSA, PBP и CHIN4 [4].

Таким образом, эволюция внешней политики США в сфере безопасности на азиатско-тихоокеанском векторе в значительной степени обусловлена растущими опасениями относительно экономических и военных успехов Китая. Несмотря на то что Вашингтон поддерживает свое глобальное присутствие через военные союзы и базы, где находятся более 80 тыс. военнослужащих, на данный момент в регионе установилась ситуация «двойного лидерства», идут торговая война и постоянные «стычки» в ЮКМ между Китаем и Филиппинами.

Литература

1. The White House (2010). National Security Strategy // The United States. – URL: https://www.airandspaceforces.com/PDF/DocumentFile/Documents/2010/NSS_2010.pdf (date of access: 10.04.2025).
2. The White House (2015). National Security Strategy // The United States. – URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf (date of access: 10.04.2025).
3. The White House (2017). National Security Strategy // The United States. – URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (date of access: 10.04.2025).
4. The White House (2022). National Security Strategy // The United States. – URL: <https://nps.edu/documents/115559645/121916825/2022+Dist+A+National+Security+Strategy.pdf> (date of access: 10.04.2025).

Конфликт между ДРК и Руандой: причины, заинтересованные стороны, внешние факторы, перспективы разрешения

*Филатов Я. Н., студ. 1 к. БГУ,
науч. рук. проф. Фрольцов В. В., д-р ист. наук, проф.*

Вооруженный конфликт в Демократической Республике Конго, берущий свое начало в трагических событиях руандийского геноцида 1994 г., представляет собой сложный многослойный кризис, в котором переплелись этнические противоречия, борьба за ресурсы и геополитические интересы соседних государств. Этот конфликт, пройдя через несколько фаз эскалации, превратился в один из самых затяжных и разрушительных в современной истории Африки [3].

Истоки нынешней ситуации восходят к массовому исходу участников геноцида в Руанде, которые нашли убежище в восточных районах тогдашнего Заира. Образование военизированных группировок, таких как Демократические силы освобождения Руанды (ДСОР), создало постоянный источник напряженности в регионе. Ответные действия Руанды, сначала в форме поддержки повстанцев Лорана-Дезире Кабилы в 1996 г., а затем прямого военного вмешательства после разрыва с ним в 1998 г., привели к так называемой Африканской мировой войне – конфликту невиданного масштаба, унесшему жизни более пяти миллионов (5,4) человек к 2003 г. [6].

Особенностью постконфликтной ситуации стало превращение восточных провинций ДРК, особенно Северного и Южного Киву, в зону перманентной нестабильности. Местные вооруженные формирования, изначально создававшиеся как силы самообороны (например, майи-майи), постепенно деградировали в криминальные структуры, контролирующие добычу и незаконный оборот полезных ископаемых. Параллельно сохраняла активность ДСОР, что давало Руанде повод для продолжения вмешательства во внутренние дела ДРК [4].

Новую фазу конфликта ознаменовало появление в 2012 г. движения М23, которое, позиционируя себя как защитника интересов конголезских тутси, на практике применяло те же методы насилия и экономической эксплуатации, что и другие вооруженные группировки. После временного поражения в 2013 г. [5], М23 неожиданно возродились в 2021–2022 гг., демонстрируя беспрецедентную военную эффективность и захватывая стратегически важные территории при явной поддержке Руанды, что вызвало серьезный дипломатический кризис между двумя странами.

К началу 2025 г. гуманитарные последствия конфликта достигли катастрофических масштабов: более 6,7 млн внутренне перемещенных лиц, около 520 тыс. беженцев на территории ДРК и 1,1 млн конголезских беженцев за рубежом [1]. В осажденных городах, таких как Гома и Букаву, отмечались

вспышки холеры и острая нехватка продовольствия из-за блокады гуманитарных коридоров. Но уже в январе 2025 г. повстанцы М23 захватили Гому, столицу Северного Киву, перекрыв жизненно важные маршруты снабжения и захватив 2 млн гражданских лиц в условиях вспышек холеры и нехватки продовольствия (УКГД, февраль 2025 г.). К февралю 2025 г. они захватили Букаву – столицу Южного Киву, еще больше изолировав конголезские силы. Спутниковые снимки и перехваченные сообщения подтверждают, что М23 пользуется военной поддержкой Руанды, несмотря на опровержения.

Миссия ООН (МООНСДРК), несмотря на масштабное присутствие, оказалась неспособной эффективно противостоять эскалации насилия. Ограниченный мандат, разрешавший лишь действия по защите гражданского населения, но не активные наступательные операции против вооруженных группировок, существенно снижал эффективность миротворцев [2]. Это привело к массовым протестам местного населения, разочарованного неспособностью ООН обеспечить безопасность.

Многочисленные доклады экспертов ООН, подкрепленные спутниковыми данными и свидетельствами перебежчиков, не оставляют сомнений в прямой поддержке М23 со стороны Руанды [4]. Однако международное сообщество продолжает демонстрировать очевидную нерешительность в принятии эффективных мер по урегулированию кризиса, что позволяет конфликту сохранять свою разрушительную динамику.

Современная ситуация в ДРК представляет собой наглядный пример того, как последствия исторической трагедии – геноцида в Руанде, сочетаясь с экономическими интересами различных внешних акторов и слабостью государственных институтов, могут породить затяжной кризис, не поддающийся традиционным методам урегулирования. Отсутствие консолидированной позиции международного сообщества и нежелание ключевых игроков отказаться от практики использования прокси-групп для достижения своих интересов оставляют мало надежд на скорое разрешение этого многолетнего конфликта.

Литература

1. Violence in the Democratic Republic of Congo // Council on Foreign Relations. – URL: <https://www.cfr.org/global-conflict-tracker/conflict/violence-democratic-republic-congo> (дата обращения: 13.04.2025).

2. Democratic Republic of the Congo – March 2025 Monthly Forecast // Security Council Report. – URL: <https://www.securitycouncilreport.org/monthly-forecast/2025-03/democratic-republic-of-the-congo-29.php> (дата обращения: 13.04.2025).

3. Prunier, G. The Rwanda Crisis: History of a Genocide / G. Prunier. – New York : Columbia University Press, 1995. – 424 p.

4. Доклад Группы экспертов ООН по ДПК (S/2001/357). – 11 p.
5. The Resurgence of the M23: Regional Rivalries, Donor Policy, and a Stalled Peace Process // eButeli. – URL: <https://www.ebuteli.org/publications/rapports/the-resurgence-of-the-m23-regional-rivalries-donor-policy-and-a-stalled-peace-process> (дата обращения: 13.04.2025).
6. Crisis Caused 5.4 Million Deaths in Congo, Report Says // CBC News. – URL: <https://www.cbc.ca/news/world/crisis-caused-5-4-million-deaths-in-congo-report-says-1.730463> (дата обращения: 13.04.2025).
7. Humanitarian Community in DRC Calls for \$2.54 Billion to Provide Lifesaving Assistance to 11 Million People Affected by Crises // UN OCHA. – URL: <https://www.unocha.org/publications/report/democratic-republic-congo/humanitarian-community-drc-calls-254-billion-provide-lifesaving-assistance-11-million-people-affected-crises> (дата обращения: 13.04.2025).
8. Humanitarian Community in DRC Calls for \$2.54 Billion to Provide Lifesaving Assistance to 11 Million People Affected by Crises // UN OCHA. – URL: <https://www.unocha.org/publications/report/democratic-republic-congo/humanitarian-community-drc-calls-254-billion-provide-lifesaving-assistance-11-million-people-affected-crises> (дата обращения: 13.04.2025).

Вопросы развития высшего образования в документах Коммунистической партии Китая (1992–2021)

*Хань Ваньчэнь, асп. БГУ,
науч. рук. проф. Свилас С. Ф., д-р ист. наук*

Съезды Коммунистической партии Китая (далее – КПК) играют важную роль в разработке и реализации государственной образовательной политики. В рассматриваемый период китайское высшее образование прошло путь от масштабного расширения до улучшения качества. Съезды КПК через законодательство и политику способствуют модернизации высшего образования и развитию международного сотрудничества, создавая основы для «образования в новую эпоху».

Основы развития и законодательные гарантии. На церемонии открытия Национальной научно-технической конференции председатель КНР (1992) Цзян Цзэминь впервые четко выдвинул стратегию «возрождения страны посредством науки и образования», подчеркнув важнейшую роль научных и технологических инноваций, а также образования в национальном развитии [1]. 15-й съезд КПК (1997) акцентировал внимание на необходимости «ускорения реформы образования и всестороннего внедрения качественного образования», что способствовало массовой и диверсификации высшего образования [2]. Образовательная политика, предложенная на 16-м съезде КПК (2002),

заклучалась в том, чтобы «неустанно содействовать образованию, служащему социалистической модернизации и служению народу». Она определяет основные направления и цели образования, отражая стратегическое видение партии относительно роли образования в развитии страны [3].

Повышение качества образования и оптимизация структуры. На 17-м съезде КПК (2007) было предложено «повышение качества высшего образования, ускорение строительства университетов мирового класса и университетов высокого уровня». Высший партийный форум поддержал реализацию таких ключевых проектов, как «Проект 985», «Проект 211», способствовал их переходу к системе «Двойного первого уровня» [4]. На 18-м съезде (2012) было заявлено, что необходимо «способствовать развитию содержания высшего образования»; высшее образование должно служить государственной стратегии развития, готовить прикладных и инновационных специалистов [5].

После 19-го съезда КПК (2017) также активно продвигались такие важные политические документы в области высшего образования, как «Модернизация образования Китая до 2035 года» (опубликована ЦК КПК в феврале 2019 г.) [6] и «14-я пятилетняя программа народнохозяйственного и социального развития КНР» (принята на 5-м пленуме ЦК КПК 19-го созыва в октябре 2020 г.) [7]. В соответствии с этими документами китайское высшее образование реформируется в таких областях, как институциональные инновации, повышение качества, образовательная справедливость и международное влияние. Важным и перспективным направлением становится интеграция цифрового образования и искусственного интеллекта с высшим образованием.

Расширение международного обмена и сотрудничества. С 17-го съезда КПК государство начало уделять больше внимания международному обмену и сотрудничеству в области образования. На 18-м и 19-м съездах были выдвинуты идеи «расширения образовательной открытости», что обеспечило правовую основу для «выхода» китайского высшего образования на международный рынок в рамках инициативы «Один пояс, один путь» [8; 9].

Председатель КНР Си Цзиньпин не раз подчеркивал, что «образование – это важнейший вопрос для государства и партии», и призвал к «ускорению создания высококачественной образовательной системы». 19-й съезд призвал «реализовать фундаментальную задачу воспитания личности, продвигать образовательную справедливость и развивать качественное образование», что стало основой для дальнейшего развития высшего образования в «новой эпохе» [8]. Председатель КНР Си Цзиньпин подчеркнул, что необходимо сосредоточиться на подготовке «новых поколений, способных нести ответственность за возрождение нации», и призвал ускорить формирование современной системы высшего образования, содействовать его качественно-му и устойчивому развитию [10].

Таким образом, в 1992–2021 гг. высшее образование оставалось одним из приоритетных направлений национального развития. Продвижение китайского высшего образования в области нормативной базы, политического регулирования и интернационализации создало важные возможности для китайско-украинского сотрудничества в этой сфере. По мере углубления интернационализации китайского образования, Китай и Украина укрепляли двусторонние обмены, способствуя общему развитию в области качества и международной конкурентоспособности образования.

Литература

1. 江泽民在中国共产党第十四次全国代表大会上的报告. 1992年10月12日 // 中华人民共和国中央人民政府 = Доклад Цзянь Цзэминь на 14-м съезде КПК. 12 июля 1992 г. // Центральное народное правительство КНР. – URL: https://www.gov.cn/test/2008-07/04/content_1035850_5.htm (дата обращения: 28.12.2023).
2. 江泽民在中国共产党第十五次全国代表大会上的报告. 1997年9月12日 // 中华人民共和国中央人民政府 = Доклад Цзянь Цзэминь на 15-м съезде КПК. 12 сентября 1997 г. // Центральное народное правительство КНР. – URL: https://www.gov.cn/test/2008-07/11/content_1042080_4.htm (дата обращения: 28.12.2023).
3. 江泽民在中国共产党第十六次全国代表大会上的报告. 2002年11月8日 // 中华人民共和国中央人民政府 = Доклад Цзянь Цзэминь на 16-м съезде КПК. 8 ноября 2002 г. // Центральное народное правительство КНР. – URL: https://www.gov.cn/test/2008-08/01/content_1061490_3.htm (дата обращения: 28.12.2023).
4. 胡锦涛在党的十七大上的报告. 2007年10月15日 // 中国人大网 = Доклад Ху Цзиньтао на 17-м съезде КПК. 15 октября 2007 г. // Сеть Всекитайского собрания народных представителей. – URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/zggcddsbcqgdbdh/2012-11/06/content_1742192.htm (дата обращения: 28.12.2023).
5. 胡锦涛在党的十八大上的报告. 2012年11月8日 // 中华人民共和国中央人民政府 = Доклад Ху Цзиньтао на 18-м съезде КПК. 8 ноября 2012 г. // Центральное народное правительство КНР. – URL: https://www.gov.cn/ldhd/2012-11/17/content_2268826_7.htm (дата обращения: 28.12.2023).
6. 中共中央印发《中国教育现代化2035》. 2019年2月23日 // 中华人民共和国教育部 = ЦК КПК опубликовал «Модернизацию образования Китая 2035». 23 февраля 2019 г. // Министерство образования КНР. – URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/201902/t20190223_370857.html (дата обращения: 12.04.2025).
7. 中华人民共和国国民经济和社会发展第十四个五年规划. 2021年3月13日 // 中华人民共和国中央人民政府 = 14-я пятилетняя программа народно-хозяйственного и социального развития КНР. 13 марта 2021 г. // Центральное народное правительство КНР. – URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm (дата обращения: 12.04.2025).

8.胡锦涛在党的十八大上的报告. 2012年11月8日 // 中华人民共和国中央人民政府 = Доклад Ху Цзиньтао на 18-м съезде КПК. 8 ноября 2012 г. // Центральное народное правительство КНР. – URL: https://www.gov.cn/ldhd/2012-11/17/content_2268826_7.htm (дата обращения: 28.12.2023).

9.习近平在党的十九大上的报告. 2017年10月18日 // 中华人民共和国中央人民政府 = Доклад Си Цзиньпин на 19-м съезде КПК. 18 октября 2017 г. // Центральное народное правительство КНР. – URL: https://www.gov.cn/zhuanti/2017-10/27/content_5234876.htm (дата обращения: 28.12.2023).

10.习近平出席全国教育大会并发表重要讲话. 2018年9月10日 // 中华人民共和国中央人民政府 = Си Цзиньпин присутствовал на Национальном заседании по образованию и выступил с важной речью. 10 сентября 2018 г. // Центральное народное правительство КНР. – URL: https://www.gov.cn/xinwen/2018-09/10/content_5320835.htm?tdsourcetag=s_pctim_aiomsg (дата обращения: 02.02.2023).

Политика Египта в отношении палестино-израильского конфликта в 1979–2010 гг.

*И. А. Т. С. Хемеда, асп. II к. БГУ,
науч. рук. проф. Русакович А. В., д-р ист. наук*

В центре внимания египетской дипломатии традиционно находится регион Ближнего Востока. Ряд факторов, таких как узел геополитических проблем региона, стремление Каира стать лидером среди мусульманских стран, привели к тому, что Египет стал активным участником дипломатического урегулирования палестино-израильского конфликта. В 1970-е гг. произошли серьезные изменения в подходах египетской дипломатии к решению палестино-израильского конфликта. Это было связано с тем, что Каир уже долгое время был истощен Шестидневной войной 1967 г. и войной в октябре 1973 г. Египет пересмотрел свое отношение к существовавшим возможностям урегулирования палестино-израильского конфликта и свою позицию к Израилю. Важным результатом этого периода является начало переговорного процесса между Египтом и Израилем с поддержкой американского президента Дж. Картера. Результатом стало подписание 26 марта 1979 г. в Вашингтоне Кэмп-Дэвидских соглашений. Участие в подписании договора приняли египетский президент А. Садат и премьер-министр Израиля М. Бегин. Мирный договор положил окончание войны Египта и Израиля, определил границы между Египтом и Израилем и другие политические, экономические вопросы сосуществования. Представители Палестины негативно восприняли подписание Кэмп-Дэвидских соглашений [3, с. 163].

На фоне потепления отношений Египта с Израилем в первой половине 1980-х гг., египетско-палестинские отношения переживали серьезный

кризис. Наладить отношения с ООП Египет смог после углубления палестино-сирийского конфликта в 1983 г. Каир смог взять под защиту палестинцев, что помогло наладить утраченные контакты.

Несмотря на негативное отношение других стран региона к Кэмп-Дэвидскому процессу, переосмысление Египтом проблемы палестино-израильского конфликта, заключение Кэмп-Дэвидского соглашения положило начало переговорному процессу между Израилем и арабским миром. Открытым продолжал оставаться вопрос образования независимого арабского государства на палестинской территории. Это и положило начало палестино-израильскому переговорному процессу 1990-х гг., так называемых секретных переговоров в Осло между представителями ООП и Израилем. В результате переговорного процесса удалось достичь важных результатов. В 1994 г. в Каире Палестина и Израиль заключили соглашение Газа-Иерихон, свидетелями выступили Египет, Россия и США. Подписание данного соглашения привело к серьезному расколу в арабском сообществе. В 1995 г. между израильским премьер-министром И. Рабином и представителем Палестинской Национальной Автономии (ПНА) Я. Арафатом состоялось подписание Промежуточного соглашения, свидетелями подписания которого стали американский лидер Б. Клинтон и президент Египта Х. Мубарак, король Иордании Хусейн, представители России, ЕС и Норвегии [1, с. 31]. Начавшийся переговорный процесс трансформировал роль Египта в арабском мире. Вскоре после их подписания, соглашения в Осло пошатнулись, что было связано с ростом терроризма, политическим процессом в Израиле и другими факторами.

Переговорный процесс в начале XXI в. был прерван начавшейся интифадой Аль-Аксы, которая продолжалась с 2000 по 2005 г. и серьезно подорвала систему региональной безопасности. Египет выступил участником переговорного процесса между арабами Палестины и Израилем в первой половине 2000-х гг. [2, с. 17]. Благодаря дипломатической деятельности египетского лидера Х. Мубарака в Шарм-эль-Шейхе состоялась встреча израильского премьер-министра А. Шарона и главы ПНА М. Аббаса, в результате которой стороны возобновили контакты и смогли договориться о прекращении насилия. Начиная со встречи в Шарм-эль-Шейхе, между сторонами конфликта продолжался активный диалог, который был прерван в 2010 г., что было вызвано серьезными разногласиями сторон. События и последствия «арабской весны» серьезно подорвали дипломатические усилия Каира.

Таким образом, палестино-израильский конфликт, в который вовлечены в разной степени все страны Ближнего Востока, продолжает оставаться одним из самых противоречивых и затяжных конфликтов в современной истории. Балансирование на грани войны и мира привело египетское руководство к необходимости пересмотреть свою дипломатическую миссию в данном вопросе. Благодаря изменению подходов египетского руководства

к урегулированию палестино-израильского конфликта в 1970-е гг. был запущен переговорный процесс на рубеже XX–XXI вв., результатами которого стали Кэмп-Дэвидский договор, Декларация о принципах мира, Декларация о принципах мирного урегулирования Ближневосточного конфликта и др.

Литература

1. Абрамов, С. М. Израиль и Палестина: испытание переговорным процессом (на примере «Осло-1» и «Осло-2») / С. М. Абрамов // Историческая и социально-образовательная мысль. – № 4/1. – 2016. – С. 29–41.

2. Эпштейн, А. Д. Израильяне и палестинцы: от конфронтации – к переговорам и обратно / А. Д. Эпштейн. – Москва : Институт Ближнего Востока, 2009. – 191 с.

3. Ушаков, В. А. Иран и мусульманский мир / В. А. Ушаков. – Москва : Институт Востоковедения РАН, 1999. – 210 с.

Интеграция интеграций на примере ЕАЭС

*Шабуня Е. Д., студ. III к. БГУ,
науч. рук. преп. Ярмошук К. И., канд. полит. наук*

Евразийский экономический союз (ЕАЭС), созданный в 2015 году, представляет собой уникальный интеграционный проект, направленный на формирование общего рынка товаров, услуг, капитала и рабочей силы на пространстве Евразии. В условиях глобальной фрагментации и санкционного давления роль ЕАЭС как стабилизирующего фактора для экономик стран-участниц возрастает.

Председательство Беларуси в ЕАЭС приобретает особое значение на фоне геополитических вызовов. Этот статус позволяет Минску не только продвигать национальные интересы, но и влиять на формирование повестки Союза, усиливая свою роль как медиатора между странами-членами. В условиях санкционного давления со стороны ЕС и США председательство становится инструментом поиска альтернативных экономических и политических союзов, что делает его изучение критически важным для понимания современных тенденций евразийской интеграции.

Современные исследования региональной интеграции всё чаще обращаются к концепциям, объясняющим взаимодействие множественных объединений, в которых участвуют одни и те же государства. Ключевой теоретической рамкой выступает концепция «перекрывающихся регионализмов»: теория, разработанная для анализа Азиатско-Тихоокеанского региона, объясняющая, как государства участвуют в конкурирующих или дополняющих интеграционных проектах [1].

Итак, к числу МПО (межправительственных организаций), с которыми ЕАЭС выстраивает системный диалог, в документах последних лет устойчиво относятся: Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Африканский союз (АС), Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ).

Диалог с ШОС, инициированный подписанием Меморандума о взаимопонимании (2018), фокусируется на цифровизации, логистике и «зеленой» экономике. Интеграция китайской инициативы «Пояс и путь» с транзитными возможностями ЕАЭС, включая создание Электронной платформы ШОС – ЕАЭС для упрощения таможенных процедур, способствовала росту товарооборота до \$230 млрд в 2022 г. [2, с. 52]. Однако взаимодействие осложняется конкуренцией интересов: доминирование Китая в ШОС ограничивает автономию ЕАЭС в формировании экономической повестки.

Отношения с АСЕАН демонстрируют попытку ЕАЭС диверсифицировать экономические связи, смещая фокус с европейского направления. Переговоры о ЗСТ ЕАЭС – АСЕАН, стартовавшие в 2019 г., столкнулись с проблемой гармонизации стандартов, несмотря на прогресс в рамках рабочих групп по агросектору и фармацевтике. Ежегодные Евразийско-АСЕАНовские бизнес-форумы (начиная с 2017 г.) способствовали росту товарооборота на 27 % за 2020–2022 гг., достигнув \$ 24 млрд [2, с. 57]. При этом Вьетнам, с которым было достигнуто соглашение о ЗСТ, стал ключевым хабом для проникновения компаний ЕАЭС на рынки Юго-Восточной Азии.

Кооперация с Африканским союзом (АС) активизировалась после подписания рамочного соглашения (2021), нацеленного на обмен опытом в сельском хозяйстве и цифровизации. Проекты, такие как поставки белорусской сельхозтехники (МТЗ) в Нигерию и участие российского «Росатома» в энергетических проектах Египта, привели к росту торговли на 40 % за 2021–2023 гг., хотя абсолютные показатели остаются низкими (\$ 18 млрд в 2023 г.) [2, с. 61]. Заинтересованность в развитии данного направления воплощается рабочими визитами в Зимбабве, Кению, Экваториальную Гвинею. Интерес к АС также подтверждается продолжающейся работой по заключению соглашения о ЗСТ с Египтом.

Сотрудничество Евразийского экономического союза (ЕАЭС) с *Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ)* представляет собой стратегически значимое направление, ориентированное на укрепление экономических и инвестиционных связей с одним из наиболее динамично развивающихся регионов мира. В 2022 г. ЕАЭС и ССАГПЗ инициировали предварительные консультации о создании ЗСТ, фокусируясь на снижении тарифных барьеров для товаров двойного назначения, сельхозпродукции и высокотехнологичных услуг. Важным стимулом стала заинтересованность стран Залива в импорте российского зерна, белорусских калийных удобрений и казахстанского урана [2, с. 65].

Основываясь на динамике внешней политики Беларуси, можно предположить, что во время председательства Республики в ЕАЭС наиболее активным вектором будет углубление сотрудничества со странами АС и ШОС [3].

Литература

1. Hettne B., Söderbaum F. Theorising the Rise of Regionness / B. Hettne // *New Political Economy*. – 2000. – Vol. 5. – № 3. – P. 457–472. – URL: <https://doi.org/10.1080/713687778> (date of access: 15.02.2025).

2. Евразийская экономическая комиссия. Индикаторы интеграции – 2019. – М. : Евразийская экономическая комиссия, 2019. – 83 с.

3. Приоритетные направления внешней политики Республики Беларусь // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – URL: http://www.mfa.gov.by/foreign_policy/priorities/ (дата обращения: 16.02.2025).

Концепция кибербезопасности на пространстве СНГ

*Шабуня Е. Д., студ. III к. БГУ,
науч. рук. преп. Ярмошук К. И., канд. полит. наук*

Кибербезопасность на пространстве Содружества Независимых Государств (СНГ) формируется под влиянием общих исторических, инфраструктурных и геополитических факторов. Страны Содружества сталкиваются с аналогичными угрозами, например киберпреступность, государственный шпионаж, атаки на критическую инфраструктуру и гибридные операции, сочетающие цифровые атаки с дезинформацией. Однако различия в уровне технологического развития, политические противоречия и влияние внешних игроков осложняют выработку единой стратегии. Несмотря на это, регион демонстрирует попытки консолидации, опираясь на нормативно-правовую базу, институциональные механизмы и инициативы в области цифрового суверенитета.

Основой регионального сотрудничества стало Соглашение о сотрудничестве в области информационной безопасности 2021 года [1], которое закрепило принципы взаимодействия стран СНГ в борьбе с киберугрозами, включая обмен данными, совместные учения и гармонизацию законодательства. Важную роль играют положения «Об информационной безопасности», рекомендуемые государствам-членам унифицировать подходы к защите критической инфраструктуры и персональных данных [1]. Институциональным ядром сотрудничества выступает Координационный центр компьютерных инцидентов (КЦКИ), созданный в 2020 году для оперативного реагирования на кибератаки. Дополняет эту структуру Рабочая группа по кибербезопасности при Исполкоме СНГ, занимающаяся разработкой общих стандартов

и организацией учений, таких как «Киберщит СНГ», – серия имитаций атак на финансовый сектор и транспортные узлы [1].

Россия, как технологический лидер СНГ, играет ключевую роль в формировании региональной повестки. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации [2] стала образцом для национальных стратегий Армении и Беларуси, сделав акцент на защите от «деструктивного внешнего влияния». Инициатива «Суверенный Рунет», предполагающая техническую изоляцию интернет-трафика, стимулировала партнеров по СНГ внедрять аналогичные механизмы контроля. Например, Казахстан в 2021 году запустил систему «национального сегмента интернета», а Узбекистан начал тестировать резервные DNS-серверы. Однако зависимость от российских технологий имеет и обратную сторону [1]. Санкции против России, введенные после 2022 года, осложнили доступ стран СНГ к международным платежным системам и облачным сервисам, что вынудило их ускоренно развивать собственные аналоги.

Беларусь, будучи союзником России, адаптирует ее подходы к кибербезопасности, но с учетом собственных ограничений. Концепция кибербезопасности Республики Беларусь 2019 года акцентирует защиту критической инфраструктуры, особенно энергетики и транспорта, однако реализация страдает из-за нехватки финансирования и кадров. Беларусь также интегрируется с российскими системами в рамках Союзного государства, например, создается единая система киберзащиты, а в 2023 году Минск присоединился к российским учениям по отражению «киберагрессии НАТО» [3].

Стратегические приоритеты СНГ сосредоточены на защите критической инфраструктуры, борьбе с киберпреступностью и цифровом суверенитете. В сфере энергетики и транспорта внедряются системы мониторинга, как это произошло после атаки на нефтепровод «Дружба» в 2021 году, когда группа XENOTIME нарушила работу системы управления, вызвав остановку поставок. Этот инцидент ускорил создание единой платформы для отслеживания угроз в энергетическом секторе СНГ. В борьбе с киберпреступностью страны Содружества делают ставку на совместные операции [1].

Цифровой суверенитет остается сложной задачей из-за технологического неравенства внутри СНГ. Россия, Казахстан и Беларусь обладают относительно развитой киберинфраструктурой. Например, Казахстан внедрил систему KZ-CERT после серии атак на банки в 2020 году, а Беларусь создала национальную команду реагирования на киберинциденты в 2021 году. В то же время Таджикистан и Кыргызстан зависимы от иностранной помощи – до 70 % их телекоммуникационного оборудования поставляется китайской компанией Huawei, что создает риски «цифрового колониализма» [1].

Таким образом, концепция кибербезопасности СНГ находится в процессе формирования. Несмотря на фрагментацию, регион демонстрирует потенциал для консолидации, особенно в условиях растущих внешних вызовов.

Литература

1. Соглашение о сотрудничестве в области информационной безопасности государств-участников СНГ (2021). Сайт исполнительного комитета СНГ. – URL: <https://cis.minsk.by/page/7536/soglasenie-o-sotrudnicestve-v-oblasti-informacii> (дата обращения: 07.04.2025).

2. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ, 5 декабря 2016 г. – Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 50. – ст. 7074.

3. О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь : постановление Совета Безопасности Республики Беларусь, 18 марта 2019 г., № 1 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 2019. – № 7. – 7/4227.

Глобальный Юг как инструмент обеспечения экономической безопасности Союзного государства

*Щербачевич С. Д., Алексютенко А. А., студ. 1 к. БГУ,
науч. рук. Ярмошук К. И., канд. полит. наук*

В конце февраля 2022 г. со стороны ряда Западных стран были введены первые пакеты санкций в отношении Союзного государства. К 2025 г. известно, что в отношении Российской Федерации и Республики Беларусь были введены санкции со стороны более чем 60 стран, самое большое количество санкций ввел ЕС – 16 пакетов [1].

В результате введенных ограничений для России и Беларуси возникла необходимость выходить на другие внешнеторговые рынки и искать новых партнеров. Ключевыми партнерами для Союзного государства являются КНР и страны Африканского союза. Это заметно по статистическим данным, которые свидетельствуют о том, что российский экспорт в Азию за 2023 г. вырос на 5,6 %, импорт – на 29,2 %, также увеличились объемы торговли России с Африкой: за 2023 г. экспорт вырос на 42,9 %, а импорт – на 8,6 % [2].

Самым значимым торговым партнером Союзного государства является Китай. Положительная динамика развития торговых отношений между КНР и Россией прослеживается в следующих данных: с 2021 до 2024 г. товарооборот вырос более чем в 2 раза: с \$ 107,8 млрд в 2020 г. до \$ 220 млрд в 2024 г. [3]. Российская Федерация поставляет в Китай нефть, природный газ, отдельные виды металлов, уголь, химическую продукцию, древесину, калийные удобрения и некоторые виды сельскохозяйственных товаров, а КНР, в свою очередь, обеспечивает Россию промышленной продукцией, электроникой и запасными частями. Также стоит отметить, что китайские

предприниматели сейчас являются самыми многочисленными реальными инвесторами в российскую экономику.

С 2020 г. Китай является вторым крупнейшим торговым партнером Республики Беларусь. С каждым годом китайские инвестиции в Республику Беларусь растут, а Пекин рассматривает Минск как стратегического партнера в рамках инициативы «Один пояс – один путь». Также ярким примером сотрудничества является развитие китайско-белорусского индустриального парка «Великий камень» [4].

Ранее товары российского экспорта в Африку шли через глобальных трейдеров, которые брали на себя ряд обязательств, однако в феврале 2022 г. они отказались работать с Российской Федерацией, что стало толчком к выстраиванию прямых долгосрочных отношений с контрагентами в Африке, именно поэтому в последние годы товарооборот с африканскими странами существенно возрос, например, в 2023 г. он составлял \$ 24,6 млрд, а к 2024 г. он увеличился на 13 % и достиг \$ 27,8 млрд [5]. Наибольшее число товаров ежегодно Россия экспортирует в Египет, Алжир, Сенегал и Марокко, в основном это продукция машиностроения, зерно, нефть и углеродное топливо. Также Российская Федерация продолжает активно инвестировать в страны Африканского союза [6].

Положительную динамику торговых отношений Республики Беларусь и стран Африканского союза можно заметить в следующих данных: товарооборот между странами в январе – ноябре 2024 г. увеличился по сравнению с предыдущим годом в 3,6 раза, основными экспортируемыми товарами является белорусская техника и материалы [7]. Также Беларусь выражает желание поставлять африканским партнерам не только товары, но и делиться своими знаниями и технологиями. Таким образом, белорусская сторона видит в странах Африканского Союза перспективного и долгосрочного партнера.

В заключение следует отметить успешную адаптацию Республики Беларусь и Российской Федерации к условиям санкционного давления. Странам удалось не только компенсировать негативные последствия, но и нарастить торговый оборот, а также укрепить сотрудничество со странами Глобального Юга. Данные усилия способствуют обеспечению экономической безопасности Союзного государства.

Литература

1. Все санкции против России за 2 года // КонтурФокус. – 19.04.2024. – URL: https://focus.kontur.ru/site/news/50868-vse_sankcii_protiv_rossii_za_2_goda (дата обращения: 09.04.2025).

2. ФТС назвала главных торговых партнеров России в 2023 году // Национальная ассоциация нефтегазового сервиса. – 12.02.2024. – URL: <https://nangs.org/news/economics/fts-nazvala-glavnykh-torgovykh-partnerov-rossii-v-2023-godu> (дата обращения: 09.04.2025).

3. Кутепова, П. Товарооборот между Россией и Китаем достиг рекордной отметки / П. Кутепова // RGRU. – 24.01.2025. – URL: https://rg.ru/2025/01/24/tovarooborot-mezhdu-rossiej-i-kitaem-dostig-rekordnoj-otmetki.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.alt.ru%2F (дата обращения: 09.04.2025).

4. Большой приход Китая в Беларусь: как отношения вышли на восходящую траекторию развития // Посольство Республики Беларусь в Китайской Народной Республике. – 29.01.2025. – URL: <https://china.mfa.gov.by/ru/embassy/news/de366361de98f986.html> (дата обращения: 09.04.2025).

5. Сотрудничество России и стран Африки // Tadviser. – 05.03.2025. – URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%A1%D0%BE%D1%82%D1%80%D1%83%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8_%D0%B8_%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD_%D0%90%D1%84%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%B8 (дата обращения: 09.04.2025).

6. Гасымов, Н. Россия и Африка установили рекорд по товарообороту / Н. Гасымов // Ведомости. – 11.11.2024. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/11/11/1074078-rossiya-i-afrika-ustanovili-rekord-po-tovarooborotu> (дата обращения: 09.04.2025).

7. Ярмолук, Д. Ю. International cooperation // Д. Ю. Ярмолук / Информационный бюллетень Беларускай гандлёва-прамысловай палаты. – 2025. – № 1. – URL: <https://www.cci.by/en/byulleten-merkury/publikatsii/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/afrikanskie-gorizonty-dlya-belorusskogo-biznesa/> (дата обращения 09.04.2025).

Французская Полинезия в постколониальной политике Франции

*Щербицкий И. М., студ. 1 к. БГУ,
науч. рук. проф. Фрольцов В. В., д-р ист. наук, проф.*

Французская Полинезия, будучи одной из самых отдаленных и крупных заморских территорий, Французская Полинезия обладает обширной морской акваторией (2,5 млн км²) и исключительной экономической зоной (5,5 млн км²), составляющей более половины морских владений Франции. Расположенная в центральной части южной акватории Тихого океана, она насчитывает 118 островов, из которых 75 заселены. Географические, исторические, культурные и лингвистические особенности делают полинезийцев народом, сложно интегрируемым в конституционную концепцию «французской нации». При этом само понятие «полинезийцы» объединяет различные группы: таитяне, маркизцы, паумоту и другие, сформировавшиеся под влиянием колониального правления, во время которого была образована Французская Полинезия и начала формироваться общеполинезийская идентичность.

Институциональная и юридическая система Франции учитывала различия между метрополией и заморскими владениями, создавая сложные и дифференцированные правовые статусы, подверженные регулярному пересмотру. Ключевым этапом в расширении автономии стал Органический закон 2004 г. После его принятия Французская Полинезия приобрела полномочия практически во всех сферах, за исключением тех, которые явно закреплены за французским государством. Среди нововведений можно выделить включение Французской Полинезии в текст Конституции Франции; ее статус, определенный органическим законом, который делает ее особым территориальным образованием, обладающим наибольшей автономией в рамках Республики; возможность участия Французской Полинезии под контролем французского государства и в соответствии с правилами, установленными органическим законом, в реализации некоторых прерогатив, закрепленных за французским государством [1].

Французская Полинезия наряду с Новой Каледонией является ярким примером исторического и политического процесса усиления территориальной автономии. Сегодня она представляет собой особую структуру, оставаясь, несмотря на принадлежность к Французской Республике, во многих отношениях отдельной территорией. К примеру, она не входит в Европейский союз и не подчиняется европейскому законодательству, имея статус заморской страны и территории (ЗСТ), «ассоциированной» с Европой, а не являясь ее внешним регионом (ВР). Это позволяет отступать от правил, действующих между государствами ЕС, например, в международной торговле, применяя таможенные пошлины к европейскому импорту [2].

Франция декларирует нацеленность на содействие прогрессу Французской Полинезии, поддерживая крупные проекты развития и оказывая содействие в их воплощении. Финансовые транши из Франции достигают около 2 млрд евро в год, что составляет 30 % ВВП территории. Франция также поддерживает интеграцию Французской Полинезии в региональное и глобальное сообщество, о чем свидетельствует ее вступление в Международную организацию франкоязычных стран, где Полинезия получила статус наблюдателя 5 октября 2023 г. [2].

Вместе с тем, большая часть французов выступает категорически против независимости Французской Полинезии, а ее народ еще сам не нашел путь своего развития. С одной стороны, в регионе наблюдается постоянный рост националистических настроений. Начиная с 1980 г. проводилось множество митингов и местных референдумов, результат которых Франция не признавала. Свою роль сыграла и Генеральная Ассамблея ООН, которая в 2013 г. включила заморское сообщество в список самоуправляющихся территорий. Это стало мощным толчком к получению независимости, однако Франция с того момента продолжает сопротивляться полной деколонизации

региона. С другой стороны, сам президент Французской Полинезии Мозэ-таи Бразерсон заявлял: «На сегодняшний день практически все население Полинезии – это люди, рожденные в автономной французской Полинезии, они никогда не знали другого. А опасаться неизвестного – свойство человеческой природы... Я считаю, что, если бы мы провели референдум о независимости завтра, большинство проголосовало бы против. Население пока не готово». И правда, если посмотреть на долю финансирования Франции, то на сегодняшний день метрополия наполовину содержит экономику Полинезии. Имея подобную реальность, жители Полинезии задаются вопросом: если завтра мы обретем независимость, кто заменит для нас эту половину бюджета? Именно по этим причинам вопрос о независимости Французской Полинезии остается открытым по сей день [3].

Таким образом, Французская Полинезия – уникальная территория, которая занимает особое место в политике Франции. Она демонстрирует эволюцию от колониального владения к автономному территориальному образованию, сохраняющему тесные связи с метрополией. Дальнейшее развитие этого уникального партнерства будет во многом определять будущее Французской Полинезии и ее роль в мире. Основным вопросом на данный момент является перспектива получения независимости заморским сообществом. В ближайшем будущем мы, возможно, увидим кардинальные изменения на политической карте мира.

Литература

1. Le statut de l'autonomie et la répartition des compétences // HAUT-COMMISSARIAT DE LA RÉPUBLIQUE EN POLYNÉSIE-FRANÇAISE. – URL: <https://www.polynesie-francaise.pref.gouv.fr/Actions-de-l-Etat/Partenariat-Etat-Polynesie-francaise/Autonomie-et-repartition-des-competences> (date d'accès: 08.04.2025).

2. Le statut de la Polynésie française permet aux Polynésiens d'exprimer leurs ambitions et leurs particularités // MISSION PERMANENTE DE LA FRANCE AUPRÈS DES NATIONS UNIES À NEW YORK. – URL: <https://onu.delegfrance.org/le-statut-de-la-polynesie-francaise-permet-aux-polynesiens-d-exprimer-leurs> (date d'accès: 08.04.2025).

3. «Макрон – менеджер по стилю и характеру». Президент Французской Полинезии – о независимости, отношениях с Россией и влиянии США // RTVI. – URL: <https://rtvi.com/news/makron-menedzher-po-stilyu-i-harakteru-prezident-francuzskoj-polinezii-o-nezavisimosti-otnosheniyah-s-rossiej-i-vliyanii-ssha/> (дата обращения: 08.04.2025).

Послевоенные выборы Японии как результат борьбы доктрин политических партий

*Яроцук М. А., студ. IV к. БГУ,
науч. рук. преп. Шевцов Ю. В.*

Первые парламентские выборы после войны состоялись в 1946 году, в круг лидирующих партий вошли Либеральная и Прогрессивная партия [1, с. 298]. Партии с помощью провозглашения своих доктрин стремились попасть в парламент, изначально партии по своей силе и влиянию не были равны. Прогрессивная партия и Либеральная были наиболее влиятельными, им уступала Социалистическая, а остальные относились к малым партиям (ЛПЯ – 140 мест, Прогрессивная – 94, Социалистическая – 92, Коммунистическая – 5).

Интересным феноменом является КПЯ. Относя себя к малым партиям за счет количества мест в парламенте, общей поддержке и других факторов, она оставалась причиной многих опасений со стороны ЛПЯ, которая, в свою очередь, наблюдая за распространением коммунизма в мире, с осторожностью относилась к КПЯ, остерегаясь революции.

Эти опасения усилились в основном после 1950-х годов, когда КПЯ изменила программу партии, создав «Программу 1951 года», которая отвергает возможность осуществления мирного пути дальнейшего развития страны, принимая только во внимание необходимость революции и переворота.

В результате борьбы доктрин политических партий на парламентских выборах в 1947 году наибольшей популярностью пользовалась Социалистическая партия [Социалистическая – 143 места (+51), Либеральная – 131 (-9), Демократическая – 124, Коммунистическая – 4 (-1)], которая обещала выход из кризиса, преодоление инфляции, национализацию промышленности. На тот момент это был колоссальный результат Социалистической партии. Оккупационных властей также устраивали результаты выборов, поскольку они могли с помощью партии социалистов применять свою экономическую политику.

В результате победы СПЯ, начался контроль над ценами: стало еще хуже, чем в довоенный период, налоги повысились, а уровень инфляции продолжал расти. Обещанная доктрина экономического развития не была воплощена в жизнь, а в последующих выборах Социалистическая партия Японии потеряла 95 мандатных мест в парламент [1, с. 299–300].

Результаты успеха доктрины Ёсида стабильно отражались на выборах в парламент. Консервативные партии во главе с Ёсидом и последователями его политики получали большинство голосов в парламенте.

Уникальным в борьбе политических доктрин, являются выборы 1949 года, на которых коммунисты получили 31 место в парламенте (35 всего), Демократическая партия – всего 69 (потеряв при этом 55). Демократическо-либеральная

партия во главе с Ёсида набрала большинство голосов (264 места). Ёсида продолжил высказывать опасения насчет резкого роста коммунистической партии и обозначил, что отныне одной из важнейших задач его будет предотвращение деятельности КПЯ.

Причиной такого роста КПЯ, помимо революции в Китае, являлась и доктрина «спасения народа от катастрофы» [2, с. 119].

Успех в выборах 1949 года КПЯ больше не смогла повторить, поскольку их доктрины больше не были актуальными для японских трудящихся, а репрессии сделали ситуацию еще пагубнее. С 1952 до 1960 года количество мест для КПЯ в парламенте варьировалось от 1 до 3, тем самым КПЯ и ее доктрина развития Японии как «независимого от США государства» была неактуальна.

Коммунистическая партия Японии допустила ошибку в том, что рассматривала ультралевый курс, полностью игнорируя многие национальные особенности японского общества, обстановку в стране и положение некоторых вещей, из-за чего осуществление революции в 1951 году КПЯ стало невозможным. Еще не отошедший от военного периода японский народ не мог так быстро принять факт нового, хоть и явно намного меньшего, вооруженного сражения, которое предлагала КПЯ: отряды самообороны, горные и лесные военные базы, осуществление террора не нашло поддержки избирателей. В этом отношении наиболее привлекательна была позиция Либеральной партии, которая, хоть и полагалась в своих программах на США, предлагала максимально миролюбивый путь правления.

Фактически, с того момента доктрина Ёсида окончательно укрепила свои позиции, находясь под руководством Либерально-демократической партии. Если ранее эта доктрина подвергалась спорам, то после поражения КПЯ борьба доктрин закончилась. Решающим элементом межпартийной борьбы стало объединение в 1955 году Либеральной и Демократической партии, поскольку это позволило занять консерваторам практически беспроблемную позицию, а поддержка США только укрепила устоявшийся концепт.

Таким образом, можно проследить динамику популярности политических партий Японии в послевоенное время. Конкуренция политических интересов партий спровоцировала своего рода конкуренцию доктрин партий, а появление той или иной доктрины влияло на исход выборов в парламент.

Литература

1. Кузнецов, Ю. Д. История Японии / Ю. Д. Кузнецов, Г. Б. Навлицкая, И. М. Сырицын. – М. : Высшая школа, 1988. – 432 с.
2. Сенаторов, А. И. Политические партии Японии: сравнительный анализ программ, организации и парламентской деятельности (1945–1992) / А. И. Сенаторов. – М. : «Восточная литература» РАН, 1995. – 352 с.

«Мягкая сила» Сингапура

*Ясонова Е. С., студ. II к. БГУ,
науч. рук. Авласенко И. М., канд. ист. наук, доц.*

Сингапурский подход к «мягкой силе» представляет собой уникальный феномен в международных отношениях, демонстрирующий, как малое государство может достигать непропорционально большого влияния на мировой арене. В отличие от традиционных моделей «мягкой силы», которые часто ограничиваются культурным обменом и образовательными программами, Сингапур разработал всеобъемлющую систему влияния, интегрирующую экономические, технологические, образовательные и культурные аспекты в единую стратегию национального брендинга.

Образовательные учреждения, такие как Национальный университет Сингапура и Наньянский технологический университет, стали центрами притяжения для десятков тысяч иностранных студентов. Через стипендиальные программы и научное сотрудничество страна формирует сеть лояльных профессионалов, которые в дальнейшем способствуют продвижению ее интересов. Особого внимания заслуживает программа Singapore Scholarship, которая предоставляет полные стипендии перспективным студентам из развивающихся стран Азии. Этот инструмент позволяет формировать просингапурски настроенную элиту в соседних государствах, создавая долгосрочные связи на уровне будущих политических и экономических лидеров [1].

Одновременно Сингапур позиционирует себя как глобальный технологический хаб, организуя масштабные мероприятия вроде Singapore FinTech Festival и реализуя инициативы вроде Smart Nation, которые демонстрируют его лидерство в цифровой трансформации [2].

Сингапур эффективно использует культурные инструменты для укрепления своего глобального имиджа. Знаковым достижением стало включение традиционной уличной кухни хаукеров в список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО, что подчеркивает уникальность местной гастрономической культуры [3].

Особое внимание уделяется архитектурным проектам, которые стали визитной карточкой страны. Такие инновационные комплексы, как Gardens by the Bay и Jewel Changi Airport, мастерски сочетают современные технологические решения с художественной выразительностью, демонстрируя сингапурский подход к урбанистике.

Развитие креативных индустрий через международные мероприятия, такие как Singapore Design Week, способствует позиционированию Сингапура как центра дизайна и инноваций в Азии. Особенностью является концепция «мягкой урбанистики» – использование городской среды как инструмента публичной дипломатии. Ревитализация этнических кварталов (Кампонг Глам,

Маленькая Индия, Чайнатаун) демонстрирует успешную модель межкультурного диалога и становится живой иллюстрацией сингапурского подхода к мультикультурализму [4].

Финансовая составляющая обеспечивается через крупные государственные инвестиционные компании, включая Temasek и GIC. Эти структуры не только предоставляют необходимые ресурсы, но и помогают выстраивать долгосрочную инвестиционную политику, направленную на поддержку ключевых проектов в сфере «мягкой силы».

Операционную реализацию большинства инициатив берут на себя ведущие частные компании, такие как Singapore Airlines и CapitalLand. Их участие обеспечивает профессиональный подход к исполнению проектов, а также помогает адаптировать государственные инициативы к требованиям рынка и международным стандартам.

Эффективность этой модели обеспечивается слаженным взаимодействием государства, инвестиционных фондов и частного бизнеса. Результат – растущий поток туристов и студентов, а также признание технологического лидерства. В перспективе Сингапур намерен усиливать цифровую дипломатию, экологические инициативы и культурную интеграцию, что позволит ему сохранять непропорционально высокое влияние на мировой арене [5].

Этот опыт особенно ценен для других малых и средних государств: он демонстрирует, как стратегическое планирование, межсекторальное сотрудничество и акцент на инновации могут создать непропорционально большое международное влияние. Сингапурский подход предлагает альтернативу традиционным западным моделям «мягкой силы», сочетая азиатские культурные традиции с современными технологиями и системным управлением.

Литература

1. National University of Singapore. – URL: <https://www.nus.edu.sg/about> (date of access: 01.04.2025).
2. Singapore FinTech Festival. – URL: <https://www.fintechfestival.sg> (date of access: 03.04.2025).
3. Hawker culture in Singapore, community dining and culinary practices in a multicultural urban context. // UNESCO Intangible Cultural Heritage. – URL: <https://ich.unesco.org/en/RL/hawker-culture-in-singapore-01568> (date of access: 01.04.2025).
4. Design Singapore Council. – URL: <https://designsingapore.org> (date of access: 03.04.2025).
5. Ministry of Culture, Community and Youth. – URL: <https://www.mccy.gov.sg> (date of access: 04.04.2025).

The United States Diplomacy: The Era of the War on Terror

*Mirashnichenka L. A., graduate student, Qingdao University,
Scientific supervisor, Han Qingna, Vice Dean, Doctor of Law, Prof.*

The Global War on Terror (GWOT) was a worldwide military campaign initiated by the United States after the terrorist attacks on September 11, 2001, aiming to combat international terrorism. It involved not only military operations but also extensive political, economic, intelligence, and legal measures [1]. The GWOT consisted of three main military operations, the first of which was the fight against Al-Qaeda.

After the September 11 terrorist attacks, Al-Qaeda was identified as the primary enemy and publicly admitted responsibility for the attacks. Then U.S. President George Bush demanded that the Taliban, which controlled Afghanistan at the time, immediately hand over Al-Qaeda leader Osama bin Laden, who was hiding in the country. However, the Taliban refused to comply, stating that the USA have not provided sufficient evidence to prove Osama bin Laden's guilt. That prompted the USA and its allies to launch Operation «Enduring Freedom» on October 7, 2001, aimed at overthrowing the Taliban regime and targeting Al-Qaeda [1].

By the end of 2001, the Taliban had been expelled from most parts of Afghanistan, but insurgents adopted guerrilla warfare tactics, prolonging the conflict for years. In July 2011, the U.S. began a gradual troop withdrawal, eventually completing the withdrawal on August 31, 2021. This war became the longest-running military operation in history of the USA, and the withdrawal date is seen as the official end of the Global War on Terror. Beyond Afghanistan, the USA also conducted military operations against Al-Qaeda and the Taliban in Pakistan, the Philippines, Somalia, Yemen, Kenya, and Western Sahara [2].

The next phase of the Global War on Terror is generally considered the U.S. military operation in Iraq, known as Operation «Iraqi Freedom» (2003 – 2011). The operation began on March 20, 2003. The official reasons for the war included: the possession of weapons of mass destruction by Iraq, and programs to develop such weapons, links between Saddam Hussein's regime and terrorist organizations (especially Al-Qaeda) and plans to transfer weapons of mass destruction to terrorists' organizations, and severe human rights violations [3].

However, post-war investigations revealed that intelligence provided by U.S. Secretary of State Colin Powell contained significant errors, with some evidence even being fabricated. This caused the legitimacy of the invasion to be widely questioned, leading to a major diplomatic scandal [4]. Although Hussein was overthrown and a transitional government was established, anti-U.S. armed groups continued their resistance. On December 15, 2011, Washington officially announced the end of its military operations in Iraq [3].

After the downfall of the Hussein regime, Sunni Arabs of Iraq fear that Shi'ite Arabs and Kurds will unite against them and oppress them in revenge for past

injures. They also afraid loss of their Sunni identity in an Iraq they no longer dominate. The insurgency also originated among Ba'athist remnants, especially the ruling family and its enforcers, who could expect to find no place in the new Iraq [5]. The resulting Sunni uprising and increased regional instability led to the rise of the Islamic State (Islamic State of Iraq and al-Sham, IS or ISIS). The rapid expansion of territories controlled by terrorists, large-scale executions, and a series of terrorist acts have prompted other countries to take decisive action.

In September 22, 2014, the USA led the formation of the Global Coalition to Defeat ISIS, consisting of more than 80 countries, and launched Operation «Inherent Resolve» [6]. Key U.S. victories in this war included, for example, the liberation of Mosul, the second largest city in Iraq, in July 2017; the capture of ISIS's self-proclaimed capital, Raqqa, Syria, in October 2017 and the killing of IS leader Abu Bakr al-Baghdadi in October 2019 [7]. Although ISIS lost all its occupied territories, its terrorist network still persists. In December 2021, the U.S. declared the end of combat operations against ISIS in Iraq but retained around 2,500 troops to assist local security forces and continue targeting IS militants [8].

Over the 24 years of that the Global War on Terror has been going on, it has had a huge impact on international relations and American diplomacy. Some early successes of the War on Terror included preventing new large-scale terrorist attacks on U.S. territory, capturing or killing many Al-Qaeda leaders, and strengthening international cooperation in counterterrorism [2]. However, it is widely believed that the failures of the USA counterterrorism efforts outweighed their successes.

The Global War on Terror cost over \$8 trillion, with limited tangible results [9]. The war in Afghanistan decentralized the Al-Qaeda network, leading to the formation of numerous localized terrorist groups, making terrorism more fragmented and harder to eliminate. American military operations in Afghanistan and Iraq also fueled widespread anti-American sentiment in the Muslim world. The aftermath also showed limited success: the Taliban regained control of Afghanistan in 2021, terrorist organizations continued to recruit globally, and terrorist attacks persisted in Western countries. American invasions of Afghanistan and Iraq not only failed to bring stability but also exacerbated chaos in the Middle East. The number of war refugees and displaced persons from the U.S.-led wars in Afghanistan, Iraq, Yemen, Libya, and Syria is estimated at over 38 million [10].

Furthermore, the War on Terror significantly damaged the U.S.'s international reputation, casting doubt on its credibility as a reliable partner and raising widespread skepticism about the accuracy of U.S. intelligence. American government was also repeatedly accused of using torture and unlawfully detaining innocent individuals during the War on Terror, with the Guantanamo Bay detention camp becoming a notorious symbol of U.S. misconduct [11].

Literature

1. Global War on Terror // George W. Bush Presidential Library. – URL: <https://www.georgewbushlibrary.gov/research/topic-guides/global-war-terror#additional-resources-anchor> (date of access: 10.03.2023).
2. Progress Report on the Global War on Terrorism // The White House Archive – URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/homeland/progress/full.html> (date of access: 10.03.2023).
3. The Iraq War (2003–2011) // Council of Foreign Relations. – URL: <https://www.cfr.org/timeline/iraq-war> (date of access: 10.03.2023).
4. North, D. February 5, 2003: Colin Powell and the lie that sanctioned the invasion of Iraq / D. North // World Socialist Web Site. – URL: <https://www.wsws.org/en/articles/2023/02/06/wbij-f06.html> (date of access: 10.03.2023).
5. Pirnie, B. R., O’Connell, E. Armed Groups in Iraq / B. R. Pirnie, E. O’Connell // Counterinsurgency in Iraq (2003–2006): RAND Counterinsurgency Study. – Vol. 2 // B. R. Pirnie, E. O’Connell. – Santa Monica, 2008. – Chap. 2. – P. 21–34.
6. Liao Chengmei. A Study on the Infiltration and Influence of «Islamic State-Khorasan» in Afghanistan / Liao Chengmei, Chen Longxiao, Chen Min // Journal of Jiangnan Institute of Social Studies. – 2021. – Vol. 26, iss. 2. – P. 53–58. (Chinese).
7. History of Operation «Inherent Resolve» // Operation «Inherent Resolve» Official Website. – URL: <https://www.inherentresolve.mil/WHO-WE-ARE/History/> (date of access: 10.03.2023).
8. U.S.-Iraq Higher Military Commission Continues Talks on Security Cooperation // U.S. Department of Defense. – URL: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/3900019/us-iraq-higher-military-commission-continues-talks-on-security-cooperation/> (date of access: 10.03.2023).
9. Estimate of U.S. Post-9/11 War Spending, in \$ Billions FY2001-FY2022 // Watson Institute for International and Public Affairs. – URL: <https://watson.brown.edu/costsofwar/figures/2021/BudgetaryCosts> (date of access: 10.03.2023).
10. Refugees & Health // Watson Institute for International and Public Affairs. – URL: <https://watson.brown.edu/costsofwar/costs/human/refugees#> (date of access: 10.03.2023).
11. Pearlman, S. Human Rights Violations at Guantánamo Bay: How the United States Has Avoided Enforcement of International Norms / S. Pearlman // The Seattle University Law Review. – 2015. – Vol. 38, iss. 3. – P. 1109–1138.

РАЗДЕЛ 2

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО. ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Соотношение биометрических персональных данных и права на образ гражданина

*Ананич А. А., асп. БГУ,
науч. рук. Лосев С. С., канд. юр. наук, доц.*

Примерный перечень нематериальных благ, подлежащих защите согласно законодательству Республики Беларусь, приводится в п. 1 ст. 151 Гражданского кодекса Республики Беларусь: жизнь, здоровье, достоинство, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т.д. [1].

Традиционно в законодательстве и науке говорят об изображении гражданина в контексте нематериальных благ, защита которых осуществляется действующим законодательством. Данное понятие охватывает как само изображение гражданина (например, в виде фотографий), так и видеозаписи или произведения изобразительного искусства, в которых он изображен.

В условиях современного технического прогресса говорить о защите именно изображения гражданина уже недостаточно. Формулирование защиты образа гражданина, а не только его изображения позволит выработать действенные комплексы мер по защите и восстановлению права гражданина на образ. Содержание права гражданина на образ укладывается в систему нематериальных благ, защита которых обеспечивается действующим законодательством, и соответствует отличительным признакам неимущественных отношений в полной мере. Таким образом, право гражданина на образ может органично заменить право гражданина на изображение, охватывая его и дополняя новыми аспектами.

Содержание права гражданина на образ неминуемо пересекается с понятием биометрических персональных данных, появившемся в законодательстве Республики Беларусь недавно.

Биометрические персональные данные в ст. 1 Закона «О защите персональных данных» (далее – Закон) определяются как информация, характеризующая физиологические и биологические особенности человека, которая используется для его уникальной идентификации (отпечатки пальцев рук, ладоней, радужная оболочка глаза, характеристики лица и его изображение и другое) [3].

Действительно, закрепленное в законодательстве определение биометрических персональных данных охватывает часть содержания права гражданина

на образ. Однако важно отметить те правовые отношения, в которых применяется определение биометрических персональных данных.

Так, Закон регулирует отношения, связанные с защитой персональных данных при их обработке, осуществляемой с использованием средств автоматизации либо без использования средств автоматизации, если при этом обеспечиваются поиск персональных данных и (или) доступ к ним по определенным критериям (картотеки, списки, базы данных, журналы и др.) [3].

В данном случае речь идет о том, что биометрические персональные данные в рамках регулирования защиты персональных данных подлежат защите как таковой в силу содержания этой информации, когда она получена законными способами. Получение и передача такой информации незаконными способами может вести к административной ответственности (ст. 23.7, 23.9 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях) [3].

Однако защита права на образ гражданина охватывает более широкие общественные отношения, складывающиеся не только по правовому режиму персональных данных, но и по использованию и защите образа гражданина при генерации и обработке цифрового контента с помощью искусственного интеллекта, нейросетей и т.д., что не охватывается правовым регулированием биометрических персональных данных в полной мере.

Соотнося содержание нематериального права гражданина на образ и сферу регулирования Закона, полагаем, что их можно рассматривать как общее и частное. Биометрические персональные данные в таком случае можно рассматривать как объективно выраженную информацию об облике гражданина.

Литература

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь : 7 дек. 1998 г., № 218-З : прин. Палат. представит. 28 окт. 1998 г. : одобр. Сов. Респ. 19 нояб. 1998 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

2. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : 6 января 2021 г., № 91-З : прин. Палат. Представит. 18 дек. 2020 г. : одобр. Сов. Респ. 18 дек. 2020 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

3. О защите персональных данных : Закон Респ. Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

Сравнительная характеристика политико-правовых взглядов Георгия Конисского, Франциска Скорины и Андрея Волана

*Антоненко С. Б., асп. III к. БГУ,
науч. рук. Лясков А. Я., канд. юр. наук*

Правовые и политические воззрения Г. Конисского соответствуют идеям эпохи Просвещения. Основа – простота понятий и обоснование теоретических положений с помощью практической деятельности. Так, по мнению П. С. Шкуринова, сильное влияние на формирование мировоззрения и научную деятельность Г. Конисского оказали идеи таких белорусских мыслителей, как Ф. Скорина и А. Волан, в учении которых он почерпнул гуманистическую интерпретацию Священного Писания и понимание свободомыслия [4, с. 154]. Идеи Просвещения нашли отражение в трудах белорусских мыслителей еще в XVII в., что, безусловно, говорит о передовом характере белорусской политической мысли. Сегодня мы имеем все основания полагать, что Г. Конисский как человек образованный был знаком с трудами белорусских философов.

Известно, что Ф. Скорина обосновывал необходимость верховенства права в государстве, справедливость во всех сферах общественных отношений, особенно в сфере правосудия. Он писал: «Да судят людей судом справедливым, и да не уклонятся ни на жадную старану, ни да не зрят на лица и не принимают даров... Не справовали суть их, яко цари или властители, вышнии силу имеющие над ними, но яки ровнии и товариши, раду им даючи и справедливость меж ими чинячи» [2, с. 69]. В свою очередь, Г. Конисский писал: «Сколь таких, как... все милости... обращают в выгоды самим себе; ...власть – в наглость, защищение – в разбой, судьи правоту – в лихоимство...» [3, с. 44]. Обличая власть имущих, Г. Конисский высказывает схожие с Ф. Скориной идеи о том, что должностное лицо должно быть человеком справедливым, независимым и действовать только на основании закона. Подобную мысль Г. Конисский излагает также в одном из эпизодов своей драмы «Воскресение мертвых». Ф. Скорина представлял государство как организацию людей для общей пользы и согласия [5, с. 265]. Данная идея в полной мере соответствует естественно-правовой теории. Это нашло отражение в работах Г. Конисского, который писал, что в принципе вся жизнь человека, в том числе и в государстве, должна быть для общей пользы и согласия.

Говоря о влиянии белорусских мыслителей на позицию Г. Конисского, стоит обратить внимание на общественно-политические идеи деятеля XVI в. А. Волана. Он утверждал, что лучшая форма правления – та, которая способна поддерживать социальный мир и гармонию, поэтому считал просвещенную монархию, компетенции которой ограничиваются исполнительными

функциями, политическим идеалом. А. Волян говорил о том, что «...никакие добрые и гуманные намерения правителя не могут защитить человека от произвола правителя. Любая власть неизбежно перерастет в тиранию, если не будет существовать совершенного законодательства, которое будет регламентировать и ограничивать ее деятельность». «Государство образуется с той целью, чтобы люди могли счастливо и благословенно проводить свою жизнь», – писал А. Волян [1, с. 66]. Философ также отмечал приоритет справедливости перед всеми остальными добродетелями. Подобные взгляды можно обнаружить и у Г. Конисского, что в определенной мере свидетельствует о его знакомстве с работами белорусских мыслителей, чьи идеи были широко известны в Киево-Могилянской академии. Важным также является и то, что академия имела тесные связи с белорусской землей, которая входила в одно восточноевропейское образовательное пространство.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: становлению Г. Конисского как ученого поспособствовали не только мыслители из Западной Европы и России, но и белорусские просветители. Особенно четко прослеживается влияние на его взгляды естественно-правовой теории. Именно с такими понятиями, как свобода и счастье человека, он связывал гармоничное развитие общества. Особое место в становлении политической и правовой мысли Г. Конисского имели А. Волян и Ф. Скорина. Их идеи были восприняты Г. Конисским ввиду понятности, что обусловлено единым геокультурным пространством, которое в XVIII в. составляли земли Гетманщины и территория современной Беларуси. Формирование взглядов, основанных на свободе развития каждого человека, позволили Г. Конисскому стать поистине уникальным мыслителем своего времени.

Литература

1. Доўнар, Т. І. Андрэй Волян – беларускі філосаф і правазнаўца XVI стагоддзя / Т. І. Доўнар // Юстыцыя Беларусі. – 2012. – № 8. – С. 75–77.
2. Довнар, Т. И. Основания и результаты систематизации законодательства в Великом Княжестве Литовском в XVI в. / Т. И. Довнар // Актуальные проблемы гражданского права : сб. науч. тр. / Междунар. ун-т «МИТСО», Центр конституционных исследований. Науч.-исслед. ин-та трудовых и соц. отношений. – Минск, 2013. – Вып. 2. – С. 65–99.
3. Кашуба, М. В. Георгий Конисский / М. В. Кашуба. – М. : Мысль, 1979. – 173 с.
4. Шкуринов, П. С. Философия России XVIII века : учеб. пособие / П. С. Шкуринов. – М. : Высш. шк., 1992. – 256 с.
5. Старажытная беларуская літаратура : зборнік / уклад. : Л. С. Курбека, У. А. Марук. – Мінск : Юнацтва, 1996. – 463 с.

Упрощенная система налогообложения в Республике Беларусь: основные изменения в законодательстве

*Бегенина К. А., студ. II к. БГУ,
науч. рук. ст. преп. Ходакова А. А.*

Упрощенная система налогообложения (далее – УСН) предусматривает упрощенный порядок налогообложения валовой выручки без учета стоимости затрат. УСН входит в число особых режимов налогообложения в Республике Беларусь. В настоящее время плательщиками налога при УСН могут быть только организации. Порядок исчисления и уплаты налога при УСН установлен главой 32 Налогового кодекса Республики Беларусь (далее – НК). Однако в связи с принятием Закона Республики Беларусь от 13 декабря 2024 г. № 47-З «Об изменении законов» в 2025 г. произошли некоторые изменения в применении УСН.

Прежде всего, организации, планирующей перейти на УСН, необходимо установить, вправе ли она применять упрощенный режим налогообложения. Для этого необходимо ознакомиться с ограничениями, установленными в НК для применения УСН. В случае если организация примет решение перейти на УСН в соответствии с п. 2 ст. 327 НК, для сравнения с критерием валовой выручки за 9 месяцев года, будут использоваться показатели выручки и внереализационного дохода, уже определенных организацией для целей исчисления налога на прибыль в период применения общей системы налогообложения (а в случае применения единого налога для производителей сельскохозяйственной продукции – сумма, являющаяся для организации налоговой базой единого налога для производителей сельскохозяйственной продукции в таком периоде) [1].

Одним из ключевых изменений в использовании УСН с 1 января 2025 г. является увеличение критериев валовой выручки для целей применения УСН с 2 311 250 бел. руб. до 3 500 000 бел. руб. (нарастающим итогом в течение календарного года на основании подп. 6.4 ст. 327 НК), а также для перехода на УСН с 1 января 2026 г. – с 1 733 440 бел. руб. до 2 625 000 бел. руб. (за первые 9 месяцев года, предшествующего календарному году, в котором претендуют на начало применения УСН на основании ч. 1 п. 2 ст. 327 НК). При этом независимо от увеличения критерия организации, являвшиеся в 2024 г. плательщиками налога при УСН, не вправе применять эту систему в 2025 г., если их валовая выручка за 2024-й превысила 2 311 250 бел. руб. В НК также определен перечень случаев, когда получение денежных средств, не составляющих валовую выручку организации, являющейся плательщиком налога при УСН, не лишает ее права применения УСН на основании ч. 1 п. 2.1.6 ст. 324 НК [2].

Таким образом, для сохранения права применения УСН валовая выручка нарастающим итогом в течение календарного года не должна превышать 2 436 060 бел. руб. (в 2024 г. – 2 311 250 бел. руб.). Однако организации, являвшиеся в 2024 г. плательщиками УСН, валовая выручка которых нарастающим итогом за 2024 г. превысит 2 311 250 бел. руб., не вправе будут применять УСН в 2025 г.

Кроме того, с 2025 г. на основании подп. 2.1.3 ст. 324 НК установлены ограничения на применение УСН в отношении организаций, имеющих обособленные подразделения, зарегистрированные в качестве плательщиков налогов иностранного государства. Также ограничения коснутся и организаций, осуществляющих операции (деятельность), связанные с отчуждением (приобретением) цифровых знаков (токенов) за белорусские рубли, иностранную валюту, и (или) получающих денежные средства в белорусских рублях и иностранной валюте, если такое получение обусловлено операциями с токенами либо их наличием у организации.

Таким образом, организации, которые ранее могли использовать УСН, теперь могут потерять эту возможность, если их деятельность связана с отчуждением (приобретением) цифровых знаков (токенов). Это может привести к увеличению налоговой нагрузки, так как переход на общую систему налогообложения может означать более высокие ставки налогов и более сложные процедуры отчетности. Кроме того, это может потребовать дополнительных затрат на обучение сотрудников или привлечение специалистов для правильного оформления налоговых документов.

В соответствии с подп. 2.7 ст. 324 НК с января 2025 г. не смогут применять УСН организации, созданные в результате реорганизации в форме слияния, разделения или выделения, если:

- валовая выручка нарастающим итогом за период применения ею УСН в календарном году, на который приходится дата реорганизации, превысила предельную величину, действующую в таком году для применения УСН;
- валовая выручка реорганизованной организации, являвшейся плательщиком на 31 декабря налогового периода, предшествовавшего календарному году, на который приходится дата реорганизации, нарастающим итогом за этот налоговый период превысила предельную величину, действующую в таком налоговом периоде для применения УСН.

Также установлен порядок отражения выручки для целей определения налоговой базы налога при УСН при уступке организацией права (требования), в том числе по договорам купли-продажи имущественного права. Так, согласно п. 3-1 ст. 328 НК при уступке организацией права (требования), в том числе по договорам купли-продажи имущественного права, выручка от реализации имущественных прав для целей определения налоговой базы отражается в том числе:

- при уступке приобретенного у третьих лиц денежного требования;
- при уступке права требования (кроме денежного требования), как возникшего из договоров, направленных на реализацию (приобретение) товаров (работ, услуг), других имущественных прав, так и приобретенного у третьих лиц;
- не отражается при уступке денежного требования, возникшего из договоров, направленных на реализацию (приобретение) товаров (работ, услуг), других имущественных прав.

В свою очередь, данное изменение может упростить процесс бухгалтерского учета и налоговой отчетности. Организации смогут более точно и быстро рассчитывать свою налоговую базу, что снизит вероятность возникновения ошибок. Также возможность отражения выручки от уступки прав, приобретенных у третьих лиц, может стимулировать организации к активному использованию таких сделок.

Таким образом, основные изменения в применении УСН в 2025 г. согласно НК касаются нескольких аспектов. Увеличение критериев валовой выручки может быть воспринято как положительное для большинства организаций, поскольку оно обеспечивает более высокие пороги для применения упрощенной системы. Введение ограничений на применение УСН для организаций, созданных в результате реорганизации в форме слияния, разделения или выделения, позволит улучшить контроль над соблюдением налогового законодательства. Некоторые организации могут быть вынуждены пересмотреть свои бизнес-модели, чтобы избежать потери права на применение УСН. Для организаций, работающих с цифровыми активами, новые ограничения могут создать дополнительные сложности и увеличить налоговую нагрузку. Кроме того, изменения в порядке отражения выручки при уступке прав могут как создать новые возможности для бизнеса, так и потребовать от организаций адаптации к новым условиям для минимизации рисков и оптимизации налоговых процессов.

Литература

1. Что меняется в применении упрощенной системы налогообложения в 2025 году, рассказали в МНС // Министерство по налогам и сборам Республики Беларусь. – URL: <https://nalog.gov.by/projects/publications/29067/> (дата обращения: 08.04.2025).

2. Налоговый кодекс Республики Беларусь (Особенная часть) : 29 дек. 2009 г. № 71-З : принят Палатой представителей 11 дек. 2009 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2009 г. : ред. Закона Респ. Беларусь от 13 декабря 2024 г. № 47-3 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 08.04.2025).

Досудебный порядок урегулирования инвестиционных споров в Республике Беларусь

*Бидюк Е. В., Остроух А. А., студ. IV к. БГУ,
науч. рук. доц. Куницкая О. М., канд. юр. наук, доц.*

Досудебный порядок урегулирования инвестиционных споров является важным правовым инструментом, позволяющим избежать длительных судебных процессов, найти взаимовыгодное решение конфликта, а также сохранить деловые отношения.

В настоящий момент досудебный порядок регулируется постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 26 июля 2024 г. № 547 «Об урегулировании споров (разногласий), возникших между инвесторами и Республикой Беларусь и связанных с осуществлением инвестиций» (далее – Постановление № 547). По сравнению с ранее действующим постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 14 февраля 2012 г. № 146 «Об утверждении положения о досудебном урегулировании споров (разногласий), связанных с осуществлением инвестиций» (далее – Постановление № 146), отметим упрощение процедуры определения компетентного органа для рассмотрения спора. Так, в настоящий момент предложения об урегулировании спора, подаваемые инвестором либо уполномоченным им лицом (далее – заявитель), направляются в:

1. Государственный орган, подписавший договор, или облисполком, на территории которого принято решение о включении инвестиционного проекта в перечень преференциальных инвестиционных проектов, в случае, если спор связан с условиями договора либо реализацией преференциального инвестиционного проекта;

2. Министерство экономики – в иных случаях в целях организации заседания постоянной рабочей группы для определения ответственного органа [1].

В ранее действующем Постановлении № 146 была строго дифференцирована компетенция органов в зависимости от типа спора. Так, в государственный орган, подписавший договор, можно было подать предложения при наличии спора (разногласий), связанного с неисполнением (ненадлежащим исполнением) договора (соглашения), если иное не предусмотрено договором (соглашением), а в Министерство экономики – при наличии спора, связанного с нарушением прав и законных интересов инвестора, согласно заключенным Республикой Беларусь международным договорам о содействии осуществлению и защите инвестиций [2].

Ранее срок рассмотрения поступившего предложения об урегулировании спора составлял три месяца [2], в настоящий момент данный срок составляет шесть месяцев [1]. В то же время следует отметить, что Постановление

№ 547 закрепляет в целях определения государственного органа, осуществляющего урегулирование спора в досудебном порядке и (или) организующего работу по защите и представлению национальных интересов в ходе разбирательства, создается постоянная межведомственная рабочая группа по инвестиционным спорам (далее – постоянная рабочая группа), чего ранее не было предусмотрено. В случае направления заявителем предложений об урегулировании спора с нарушением подведомственности данный государственный орган направляет данное предложение об урегулировании спора в Министерство экономики в целях организации заседания постоянной рабочей группы для определения ответственного органа [1].

Следует отметить, что в действующем Постановлении № 547 определена форма итогов рассмотрения предложения об урегулировании спора: протокол об урегулировании спора в досудебном порядке либо отчет о невозможности его разрешения приемлемым способом [1]. Постановление № 146 закрепляло положение, согласно которому уполномоченный государственный орган о результатах рассмотрения письменного предложения информирует инвестора, а порядок информирования четко не был урегулирован. При невозможности урегулирования спора приемлемым способом уполномоченный государственный орган должен был составить отчет о рассмотрении письменного предложения с указанием причин, по которым было невозможно их принятие [2].

Таким образом, в случае недостижения согласия в ходе переговоров по договорным условиям инвесторы будут применять положения Постановления № 547. Внедрение данного нормативного акта представляет собой важный этап совершенствования механизма урегулирования инвестиционных споров.

Литература

1. Об урегулировании споров (разногласий), возникших между инвесторами и Республикой Беларусь и связанных с осуществлением инвестиций : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 26 июля 2024 г. № 547 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

2. Об утверждении положения о досудебном урегулировании споров (разногласий), связанных с осуществлением инвестиций : постановление Совет Министров Респ. Беларусь от 14 фев. 2012 г. № 146 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

Правовая природа инвестиционного договора с предоставлением льгот и (или) преференций

*Бурнашева А. А., Грабинский В. Ю., студ. IV к. БГУ,
науч. рук. доц. Куницкая О. М., канд. юр. наук, доц.*

В настоящее время не выработано единообразного подхода к определению правовой природы инвестиционного договора с предоставлением льгот и (или) преференций (далее – инвестиционный договор). Легальное определение инвестиционного договора закреплено в п. 2 ст. 1 Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-З «Об инвестициях» (далее – Закон «Об инвестициях»), согласно которому инвестиционный договор – это зарегистрированное в Государственном реестре инвестиционных договоров письменное соглашение о реализации инвестиционного проекта с предоставлением льгот и (или) преференций, предусмотренных данным Законом.

О. М. Куницкая отмечает, что в Республике Беларусь инвестиционный договор с Республикой Беларусь и концессионный договор относятся к инвестиционным договорам с участием государства [1, с. 77]. О. В. Цегельник приводит множество теорий, которые рассматривают инвестиционные соглашения как договоры, имеющие международно-правовой статус, регулируемые исключительно международным правом, как административный договор, как институт международного частного права, как гражданско-правовой договор [2, с. 59].

Специальному регулированию инвестиционного договора посвящена глава 4 Закона «Об инвестициях», в которой регламентированы вопросы предмета, сторон, заключения, изменения, прекращения, существенных условий, языка договора, прав и обязанностей, ответственности сторон. Более детальное регулирование предусмотрено Положением о порядке заключения, изменения и прекращения инвестиционных договоров, утвержденным Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 4 сентября 2024 г. № 650 «О мерах по реализации Закона Республики Беларусь от 8 января 2024 г. № 350-З «Об изменении Закона Республики Беларусь «Об инвестициях».

Полагаем, инвестиционному договору присущи как частно-правовые, так и публично-правовые признаки. К частно-правовым признакам можно отнести имущественные эквивалентно-возмездные отношения, юридическое равенство и гражданско-правовая ответственность сторон. О публично-правовых признаках свидетельствуют: властный акт (решение о заключении договора) как предпосылка возникновения договорных правоотношений (п. 5 ст. 21 Закона «Об инвестициях»); осуществление обязательной юридической экспертизы договора (ст. 23 Закона «Об инвестициях»); стороной договора выступает субъект с властными полномочиями – Республика Беларусь в лице уполномоченного органа.

О. В. Цегельник пишет, что инвестиционный договор с государством является самостоятельным типом гражданско-правового договора [2, с. 63].

В литературе встречаются и противоположные мнения. Так, Я. И. Функ отмечает, что в силу белорусского законодательства инвестиционный договор «не имеет чистой гражданско-правовой природы», то есть не является «в чистом виде» типом гражданско-правового обязательства [3].

О. М. Куницкая придерживается мнения о рамочном характере данного договора. «Инвестиционный договор с Республикой Беларусь определяет общие условия обязательственных взаимоотношений сторон, которые могут быть конкретизированы и уточнены сторонами при заключении отдельных договоров на основании или во исполнение инвестиционного договора. Это может характеризовать инвестиционный договор с Республикой Беларусь как организационный» [1, с. 81]. По мнению автора, определить место инвестиционного договора с Республикой Беларусь в системе гражданско-правовых договоров по «принципу направленности результата» затруднительно [1, с. 82].

Таким образом, инвестиционный договор является самостоятельным поименованным договором, содержащим частно-правовые и публично-правовые элементы.

По нашему мнению, само название данного договора показывает возможность установления инвестору льгот, преференций и иных мер государственной поддержки в самом договоре, что свойственно исключительно нормативным правовым предписаниям. Тем самым данному договору придается нормативный характер. Также данный договор можно рассматривать как организационный (рамочный).

Литература

1. Куницкая, О. М. Общая характеристика форм (средств) государственно-частного партнерства в Республике Беларусь / О. М. Куницкая // Ученые записки Таврического университета им. В. И. Вернадского. Серия «Юридические науки». – 2014. – № 4. – С. 74–86.

2. Цегельник, О. В. Инвестиционный договор с государством (Республикой Беларусь или административно-территориальной единицей) / О. В. Цегельник // Промышленное и торговое право. – 2006. – № 3. – С. 58–72. – URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/119630> (дата обращения: 28.03.2025).

3. Функ, Я. И. О правовой природе инвестиционного договора по праву Республики Беларусь / Я. И. Функ // 2019. – URL: https://etalonline.by/document/?regnum=u01900396&q_id=0 (дата обращения: 28.03.2025).

Особенности международных инвестиционных споров: регулирование в Республике Беларусь

*Глухотаренко А. А., Кадыш О. С., студ. IV к. БГУ,
науч. рук. доц. Куницкая О. М., канд. юр. наук, доц.*

Международные инвестиционные споры занимают особое место в правовой системе международных отношений. Такая обусловленность сложилась в связи с тем, что осуществление инвестиций является распространенной деятельностью, которой занимаются как физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели, так и юридические лица, однако эти отношения могут выступать в качестве источника конфликта, что приводит к возникновению международных правовых споров. Основные проблемы в инвестиционных спорах связаны с вопросами защиты прав инвесторов, выполнения международных соглашений, а также соблюдения стандартов справедливого и равноправного обращения.

Понятие международного инвестиционного спора в настоящее время четко не определено и вместе с этим рассматривается как в широком, так и узком смысле. В широком смысле под международными инвестиционными спорами понимаются споры, связанные с осуществлением инвестиций как между государствами, так и между государствами и иностранными частными инвесторами. На основании узкого подхода такой спор представляет собой разногласия между государством и инвестором, связанные с осуществлением иностранными частными лицами инвестиций.

По мнению Л. И. Воловой, инвестиционный спор – это спор со смешанным субъектным составом. Практика показывает, что обычно истцом при возникновении такого спора является частный иностранный инвестор, а статус ответчика остается за государством, на территории которого иностранный инвестор осуществляет инвестиции [1, с. 82].

Статьей 19 Закона Республики от 12.07.2013 № 53-З «Об инвестициях» (далее – Закон «Об инвестициях») закреплено понятие «спор между инвестором и Республикой Беларусь, возникающий при осуществлении инвестиций», при этом не используется термин «международный инвестиционный спор» [3]. В рамках настоящей работы научный интерес представляют международные инвестиционные споры.

Исходя из вышеупомянутой статьи Закона «Об инвестициях», полагаем, возможно, сделать следующий вывод: белорусский законодатель не разделяет инвестиционные споры на национальные и международные. Вместе с тем определяет два ключевых признака инвестиционного спора. Во-первых, сторонами спора должны выступать Республика Беларусь и национальный либо иностранный инвестор; во-вторых, спор возникает непосредственно из отношений, связанных с осуществлением инвестиций.

Такой подход установлен в Вашингтонской конвенции 1965 г. «О порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами» (далее – Конвенция), согласно которой в ст. 25 международный инвестиционный спор – это спор между государством и иностранным частным лицом, возникающий непосредственно из отношений, связанных с инвестициями [2].

Практика рассмотрения инвестиционных споров показывает, что международные инвестиционные споры возникают между государствами и иностранными инвесторами по причине неисполнения либо ненадлежащего исполнения обязательств, взятых государством на себя перед инвесторами.

Статья 19 Закона «Об инвестициях» устанавливает шестимесячный срок для урегулирования международного инвестиционного спора в досудебном порядке, при недостижении согласия спор разрешается в судебном порядке в соответствии с законодательством Республики Беларусь. В случае если споры не относятся к исключительной компетенции белорусских судов, то такие споры по выбору инвестора могут быть разрешены арбитражным судом либо Международным центром по урегулированию инвестиционных споров (далее – МЦУИС) [3].

Так, международные инвестиционные споры являются отражением усложненных отношений между государством и иностранным инвестором. В таких спорах важно учитывать как интересы властно-публичной стороны – государства, так и частной – инвестора. Арбитражные суды являются эффективным средством при разрешении споров, однако не стоит забывать, что государство обладает судебным суверенитетом, что в определенной степени усиливает властный характер государства как стороны спора. Преамбулой Конвенции установлено, что такие инвестиционные споры могут быть переданы в арбитражные суды лишь при достижении сторонами соглашения о применении такого средства разрешения спора в порядке арбитража [3].

Литература

1. Волова, Л. И. Механизм разрешения международных инвестиционных споров / Л. И. Волова // Пространство экономики. – 2010. – № 1. – С. 80–86.
2. Вашингтонская конвенция о порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами : принята в г. Вашингтоне 18.03.1965 // Эл. фонд прав. и нормат.-техн. док. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902243?section=text> (дата обращения: 30.03.2025).
3. Об инвестициях: Закон Респ. Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-З : в ред. от 8 янв. 2024 г. № 350-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 29.03.2025).

Сравнительный анализ системы гарантий прав инвесторов в странах Евразийского экономического союза

*Евстратенко А. А., Шалайда И. О., студ. IV к. БГУ,
науч. рук. доц. Куницкая О. М., канд. юр. наук, доц.*

Инвестиционная деятельность является одним из ключевых факторов экономического роста и интеграции стран Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС). Гарантии прав инвесторов играют важную роль в создании благоприятного инвестиционного климата. Договор о ЕАЭС и двусторонние соглашения между странами-участницами формируют правовую основу для защиты инвестиций.

В соответствии с п. 76 Протокола о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций, закреплённого в Приложении № 16 к Договору о Евразийском экономическом союзе (далее – Приложение № 16), каждое государство-член гарантирует и обеспечивает в соответствии со своим законодательством защиту на своей территории инвестиций инвесторов других государств-членов [1]. Это обеспечивается в том числе благодаря наличию системы гарантий прав инвесторов. Так, Приложение № 16 закрепляет право инвесторов на возмещение ущерба, нанесённого их инвестициям в результате гражданских беспорядков, военных действий, революции, мятежа, введения чрезвычайного положения или иных подобных обстоятельств на территории государства-члена (п. 77); гарантии прав инвесторов при экспроприации, национализации, а также иных мерах, равносильных указанным по последствиям (п. 79).

В соответствии с п. 75 инвесторам после выполнения ими обязательств гарантируется право использовать и распоряжаться полученными доходами в любых целях, не запрещённых законодательством государства-реципиента, и право беспрепятственно осуществлять в любую страну по усмотрению инвестора переводы денежных средств и платежей, связанных с инвестициями. Кроме того, в п. 82 Приложения № 16 указывается, что «государство-член или уполномоченный им орган, которые произвели платеж инвестору своего государства на основе гарантии защиты от некоммерческих рисков в связи с инвестициями такого инвестора на территории государства-реципиента, могут осуществлять в порядке суброгации права инвестора в том же объеме, что и сам инвестор» [1]. Пункты 84–87 Приложения № 16 закрепляют особый порядок разрешения инвестиционных споров: если в течение шестимесячного срока не удалось урегулировать спор в досудебном порядке, то право выбора суда принадлежит инвестору.

Также следует указать, что Республика Беларусь является стороной 70 двусторонних соглашений о защите инвестиций, многие из которых заключены

с государствами-членами ЕАЭС. Так, указанные договоры заключены с Кыргызстаном и Арменией и отсутствуют с Казахстаном и Россией. Гарантии прав инвесторов, отличные от указанных в Приложении № 16, в двусторонних договорах с Кыргызстаном [2] и Арменией [3] отсутствуют.

Подпункт 2.2 ст. 34 Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-З «Об инвестициях» (далее – Закон об инвестициях) устанавливает пятилетний срок гарантии от неблагоприятного изменения налогового законодательства со дня вступления в силу инвестиционного договора [4]. В то же время Федеральный закон от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» в ст. 9 устанавливает семилетний срок гарантии от неблагоприятного изменения для иностранного инвестора и коммерческой организации с иностранными инвестициями законодательства Российской Федерации [5]. Ст. 289 Предпринимательского кодекса Республики Казахстан от 29 октября 2015 г. № 375-V ЗРК гарантирует инвесторам бессрочную стабильность при изменении налогового законодательства и законодательства о занятости населения в сфере привлечения иностранной рабочей силы [6]. Полагаем целесообразным закрепление в Законе об инвестициях более длительного срока применения гарантии от неблагоприятного изменения налогового законодательства, что повысит инвестиционную привлекательность и создаст более благоприятный инвестиционный климат. Также видится целесообразным по данному вопросу привести к единству законодательство стран-участниц ЕАЭС.

Литература

1. Договор о Евразийском экономическом союзе : подписан в г. Астане 29 мая 2014 г. // Евразийский экономический союз. – URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0043610/itia_05062014 (дата обращения: 04.04.2025).

2. Соглашение между Правительством Кыргызской Республики и Правительством Республики Беларусь о содействии осуществлению и взаимной защите инвестиций : заключено в г. Минске 30.03.1999 г. // СоюзПравоИнформ. – Минск, 2025.

3. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Армения о содействии осуществлению и взаимной защите инвестиций : заключено в г. Ереване 26.05.2001 г. // СоюзПравоИнформ. – Минск, 2025.

4. Об инвестициях : Закон Респ. Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-З // Pravo.by. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11300053> (дата обращения: 04.04.2025).

5. Об иностранных инвестициях в Российской Федерации : Федер. закон от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16283/?ysclid=m92n4jzdx655635304 (дата обращения: 04.04.2025).

6. Предпринимательский кодекс Республики Казахстан : принят Межлисом 29 окт. 2015 г. № 375-V ЗРК // Әділет. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000375> (дата обращения: 04.04.2025).

Правовые механизмы регулирования инвестиционных споров на евразийском пространстве

*Койфман М. А., студ. IV к. БГУ,
науч. рук. доц. Куницкая О. М., канд. юр. наук, доц.*

В условиях углубляющейся экономической интеграции между странами Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) вопросы защиты прав инвесторов приобретают особую значимость. Эффективная судебная защита является не только ключевым фактором инвестиционной привлекательности государств-участников, но и важным элементом устойчивости их экономических систем.

Правовые механизмы защиты инвесторов в странах ЕАЭС основаны на сочетании национальных норм, международных договоров и решений наднациональных органов, а также на принципах защиты. Данные принципы либо прямо закреплены в национальном инвестиционном законодательстве (Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-З «Об инвестициях» [5]), либо вытекают из него (Закон Кыргызской Республики от 27 марта 2003 г. № 66 «Об инвестициях в Кыргызской Республике» [1]). К ним относятся: принцип равенства инвесторов, принцип сотрудничества государства и инвестора, принцип недопустимости произвольного вмешательства в частные дела, принцип обеспечения восстановления нарушенных прав и законных интересов, их судебной защиты, принцип защиты от незаконной экспроприации, принцип свободы перевода капитала и доходов, принцип правовой определенности и стабильности и др.

Так как легальное закрепление принципов защиты прав инвесторов в странах ЕАЭС определяет вектор правовой защиты инвесторов, то, на наш взгляд, можно утверждать, что национальное инвестиционное законодательство стран ЕАЭС является одним из ключевых механизмов гарантий правовой защиты инвесторов.

К источникам национального инвестиционного законодательства относятся Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-З «Об инвестициях», Закон Республики Армения от 31 июля 1994 г. № ЗР 115 «Об иностранных инвестициях» [2], Предпринимательский кодекс Республики Казахстан от 29 октября 2015 г. № 375-V ЗРК [3], Закон Кыргызской Республики от 27 марта 2003 г. № 66 «Об инвестициях в Кыргызской Республике», Федеральный закон от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности, осуществляемой в форме капитальных вложений» [4].

Договор о ЕАЭС от 29 мая 2014 г. также закрепляет принципы и гарантии защиты прав инвесторов. Особое место в регулировании защиты прав инвесторов в международных договорах занимают органы ЕАЭС: Высший Евразийский экономический совет (далее – Высший совет); Евразийский межправительственный совет (далее – Межправительственный совет); Евразийская экономическая комиссия (далее – ЕЭК) и Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд ЕАЭС).

Роль Высшего совета и Межправительственного совета сводится к принятию ключевых политических решений, которые регулируют инвестиционное законодательство стран-участников ЕАЭС, или принятию рекомендаций по улучшению инвестиционного климата.

ЕЭК принимает акты, которые должны гармонизировать законодательство стран-участниц, обеспечивая одинаковые условия для инвесторов на территории ЕАЭС, ведет контроль за соблюдением соглашений, следит за тем, чтобы страны-участницы соблюдали правила, установленные в рамках ЕАЭС, в том числе касающиеся правовой защиты инвесторов. ЕЭК может выступать посредником в разрешении споров между государствами-членами по вопросам защиты прав инвесторов.

Суд ЕАЭС участвует в разрешении споров между государствами-участниками. Если одно из государств-участников нарушает обязательства, связанные с инвестициями (например, дискриминирует инвесторов из других стран), инвесторы могут обратиться через свои государства для разрешения таких споров. Суд ЕАЭС также занимается толкованием норм. В его полномочия входит принятие решений по вопросам, связанным с единым правовым регулированием в области инвестиций.

В настоящее время отсутствует какой-либо специализированный евразийский судебный орган и стандартизированные действия по рассмотрению и разрешению инвестиционных диспутов, подобно отсутствию единого и применимого права в этой сфере.

Механизм урегулирования инвестиционных диспутов на евразийском пространстве основывается на положениях раздела 7 части 6 Протокола о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций, выбор которого осуществляется инвестором: 1) суд государства-реципиента, санкционированный принимать к производству надлежащие диспуты; 2) всемирный третейский суд при торгово-промышленной палате фактически каждого государства; 3) суд *ad hoc*, в случае несогласия сторон спора на иное, должен парировать согласно Арбитражному регламенту Комиссии ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ); 4) МЦУИС, учрежденный в рамках Вашингтонской конвенции для урегулирования диспутов согласно ее положениям, при этом, для обеих сторон спора конвенция должна вступить в законную силу [6].

Таким образом, можно отметить, что правовые механизмы гарантий судебной защиты прав инвесторов в ЕАЭС продолжают развиваться в рамках гармонизации национальных законодательств и международного сотрудничества. Для повышения уровня защиты инвесторов необходимо усиление роли Судебной коллегии ЕАЭС в разрешении инвестиционных споров, в том числе путем создания специализированного судебного органа, рассматривающего инвестиционные споры [7]. Это будет способствовать созданию более предсказуемой и стабильной инвестиционной среды и привлечению долгосрочных инвестиций в евразийский регион.

Литература

1. Об инвестициях : Закон Кыргызской Республики от 27 марта 2003 г. № 66 / Законодательство стран СНГ : [сайт]. – URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=3560 (дата обращения: 30.03.2025).
2. Об иностранных инвестициях : Закон Республики Армения от 31 июля 1994 г. № 3Р 115 / Законодательство стран СНГ : [сайт]. – URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=2954 (дата обращения: 30.03.2025).
3. Предпринимательский кодекс Республики Казахстан от 29 октября 2015 г. № 375-V РК / Законодательство стран СНГ : [сайт]. – URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=80123 (дата обращения: 30.03.2025).
4. Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений : Федеральный закон Российской Федерации от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ / Законодательство стран СНГ : [сайт]. – URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwxrgn=3560 (дата обращения: 30.03.2025).
5. Об инвестициях : Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/guid=3871&p0=H11300053> (дата обращения: 01.04.2025).
6. Юлов, Д. В. Договор о Евразийском экономическом союзе как система гарантий прав иностранных инвесторов / Д. В. Юлов // *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. – 2019. – № 6. – 85 с.
7. Доронина, Н. Г. Правовое регулирование иностранных инвестиций в России и за рубежом / Н. Г. Доронина, Н. Г. Семилютина. – М. : Финстатинформ, 1993. – 128 с.

Опционная сделка как инструмент осуществления инвестиций

*Ксензова А. М., Коваль А. М., студ. IV к. БГУ,
науч. рук. доц. Куницкая О. М., канд. юр. наук, доц.*

Регулирование опционных сделок в Республике Беларусь было введено 21 декабря 2017 г. Декретом Президента Республики Беларусь № 8 «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет № 8). Декрет № 8 предоставил резидентам Парка высоких технологий право заключать между собой или с третьими лицами соглашение о предоставлении опциона на заключение договора и опционный договор [1]. На данный момент опционные сделки нашли свое закрепление также в Гражданском кодексе Республики Беларусь (далее – ГК) [2]. Нормы, регламентирующие опционный договор и опцион на заключение договора, вступили в силу 19 ноября 2024 г. Закон «О хозяйственных обществах» закрепляет возможность предоставления опционов работниками некоторым другим лицам для любых хозяйственных обществ [3].

Опционная сделка – это соглашение, по которому одна сторона приобретает право заключить договор купли-продажи определенного соглашением предмета в будущем по твердо установленной в момент достижения соглашения цене, за что уплачивает другой стороне определенную денежную сумму – премию, размер которой определяется соглашением сторон» [4, с. 21].

Опцион на заключение договора, опционный договор может быть интересен для: наращивания доли инвестора (предоставляет инвестору срок для определения целесообразности дальнейшего инвестирования в юридическое лицо); стимулирования участников юридического лица в достижении установленных показателей (выкуп доли инвестором при определенном уровне капитализации, релизе ПО и т.д.).

В случае использования опциона у инвестора всегда есть два пути: исполнить опцион при выгодном для него стечении обстоятельств или в случае возникновения рисков не использовать опцион. В данном случае потери ограничатся исключительно стоимостью опциона (опционной премией).

Нормы Декрета № 8 создают возможность применения опционных программ для мотивации сотрудников: компании устанавливают для сотрудников возможность получить долю (пакет акций) в компании на безвозмездной основе в случае достижения определенного результата. Если в течение определенного срока этот результат достигается, то участники данной программы получают оговоренное вознаграждение [5, с. 112].

Закон «О хозяйственных обществах» содержит в себе одно важное право: в течение срока действия опционного договора хозяйственное общество не несет обязанности по уменьшению уставного фонда на величину стоимости доли (части доли) в его уставном фонде, приобретенной самим обществом,

в отношении которой (которых) заключены соответствующие договоры, и не вправе отчуждать такую долю (часть доли) иным лицам, если иное не установлено договором [3]. В Декрете № 8 такое положение отсутствует, кроме того, оно не было перенесено в ГК. То есть ГК не меняет максимально возможный срок нахождения доли ООО (акций АО) в распоряжении у самого ООО (АО) – он по-прежнему равен одному году. По истечении одного года компания должна либо распределить эту долю между всеми участниками или продать ее в порядке осуществления преимущественного права, либо – если было принято решение передать (продать) долю управомоченному лицу – передать (продать) эту долю такому лицу [2].

Нормы закона «О хозяйственных обществах» (ч. 6 ст. 77, ч. 1, 4 ст. 100) носят императивный характер. И если толковать ст. 399-1 и 399-2 ГК буквально, то это может повлечь нарушения принципа свободы хозяйственной деятельности.

Таким образом, закрепление опционных сделок в ГК расширило круг субъектов, которые могут их заключать, что создало больше возможностей для инвесторов. Правовой коллизией является отсутствие в ГК положений, которые закреплены в Законе «О хозяйственных обществах» об отсутствии обязанности по уменьшению уставного фонда общества на величину стоимости доли (части доли) в его уставном фонде, приобретенной самим обществом. Используя расширительное толкование, которое вытекает из ст. 2 ГК (принцип свободы договора), этот вопрос может быть решен.

Литература

1. О развитии цифровой экономики : Декрет Президента Респ. Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 11.04.2025).
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 дек. 1998 г. № 218-3 : принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одобрен Советом Респ. 19 ноября 1998 г. : ред. Закона Респ. Беларусь от 01.04.2024 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 11.04.2025).
3. О хозяйственных обществах : Закон Респ. Беларусь от 9 декабря 1992 г. № 2020-ХП : ред. от 23 июля 2023 г. № 197-3 : с изм. и доп. От 8 июля 2024 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 11.04.2025).
4. Жуков, Д. А. Правовое регулирование срочных сделок на фондовом рынке : автореф. дис. ... канд. юр. наук : 12.00.03 / Д. А. Жуков; Моск. акад. экономики и права. – М., 2006. – 25 с.
5. Селивановский, А. С. Правовое регулирование рынка производных финансовых инструментов : учебник / А. С. Селивановский. – М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2022. – 374 с.

Инвестиционный потенциал агроэкотуризма в Республике Беларусь

*Кулешова А. А., студ. IV к. БГУ,
науч. рук. доц. Куницкая О. М., канд. юр. наук, доц.*

Согласно данным Всемирной туристской организации (UNWTO), туристическая отрасль является третьим по величине экспорта сектором мировой экономики, создающим каждое десятое рабочее место. Для Республики Беларусь сфера туриндустрии является значимой с точки зрения ее вклада в экономику страны в виде создания валовой добавленной стоимости, в частности, формирования туристического потребления, предложения товаров и услуг в сфере туризма, а также обеспечения занятости в сфере туризма. При этом значительный вклад туристический сектор вносит в совокупную занятость: в сфере отдыха и туризма насчитывается свыше 250 тыс. рабочих мест. Кроме того, по итогам 2024 г. экспорт туристических услуг достиг примерно 270 млн долларов США [3].

4 октября 2022 г. Президент Республики Беларусь в целях создания благоприятных условий для развития агроэкотуризма, улучшения условий жизни граждан в сельской местности, малых городских поселениях, а также совершенствования сельской инфраструктуры подписал Указ № 351 «О развитии агроэкотуризма» (далее – Указ).

В соответствии с п. 1 Единой классификации видов туризма, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 сентября 2022 г. № 584, агроэкотуризм – это туристическое путешествие в целях ознакомления с природным, сельскохозяйственным и культурным потенциалом Республики Беларусь, ее регионов, местностей, национальными традициями в процессе отдыха, оздоровления, временного пребывания в агроэкоусадебках, а также деятельность физических лиц и сельскохозяйственных организаций, указанных в ч. 1. п. 1. Указа, по организации этого туристического путешествия.

По нашему мнению, для достижения целей, определенных в Указе, эффективного развития агроэкотуризма, совершенствования сельской инфраструктуры (такой как дороги, общественный транспорт, объекты обслуживания и т.д.) субъектам агроэкотуризма необходимо привлекать инвестиции. Однако в соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 13 июня 2024 г. № 417 «О приоритетных видах деятельности для осуществления инвестиций» вид деятельности, связанный с осуществлением услуг в сфере туризма, к приоритетным не относится, ввиду чего потенциальный инвестор не сможет реализовать преференциальный инвестиционный проект без заключения инвестиционного договора с предоставлением льгот и (или) преференций, предусмотренных Законом Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-З «Об инвестициях».

На наш взгляд, в целях создания действительно благоприятных условий для развития агроэкотуризма, а также привлечения инвестиций в данную сферу национальному белорусскому законодателю стоит обратить внимание на государственную политику в сфере сельского туризма в Китайской Народной Республике (далее – КНР). В КНР к сельскому туризму относятся и расположенные за городом санатории, и жилые дома, и реставрация в деревнях и малых городах исторических достопримечательностей. Поскольку государство определило данную отрасль туризма как приоритетную, в развитие туристической инфраструктуры в кратчайшие сроки были привлечены инвестиции [1].

Сама модель сельского туризма КНР, продвигаемая правительством, относится к использованию местными властями прямых субсидий, а также предусматривает возможность госорганам, иностранным инвесторам, сельским коллективным организациям осуществлять непосредственное инвестирование в данную сферу [2].

Ввиду вышеизложенного мы полагаем, что для достижения целей, определенных в Указе, раскрытия инвестиционного потенциала агроэкотуризма в Республике Беларусь национальному белорусскому законодателю следует перенять опыт сельского туризма КНР и определить агроэкотуризм в качестве приоритетного вида деятельности для осуществления инвестиций, а также закрепить в Указе, что агроэкотуризм – это не только туристическое путешествие в целях ознакомления с природным, сельскохозяйственным и культурным потенциалом Республики Беларусь, ее регионов, местностей, национальными традициями в процессе отдыха, оздоровления, временного пребывания в агроэкоусадьбе, но и инфраструктура (информационные центры, подъездные дороги и т.д.), которая также может стать объектом для инвестирования.

Литература

1. Агроэкотуризм в период современных вызовов: национальный опыт : материалы XII Нац. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Респ. Беларусь, Минск, 25 нояб. 2021 г. / Беларус. гос. ун-т ; редкол.: Л. М. Гайдукевич (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2021. – С. 90–99.
2. Банковский бизнес и финансовая экономика: глобальные тренды и перспективы развития : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых, магистрантов и аспирантов, Минск, 20 мая 2022 г. / Беларус. гос. ун-т ; редкол.: А. А. Королева (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2022. – С. 7–11.
3. Туристический сектор Беларуси // Национальное агентство инвестиций и приватизации : [сайт]. – URL: <https://goo.su/iqGQdr> (дата обращения: 10.04.2025).

Особенности правового режима осуществления инвестиций в сферу высоких и новых технологий

*Кульша Е. Ю., Лунева Ю. И., студ. IV к. БГУ,
науч. рук. доц. Куницкая О. М., канд. юр. наук, доц.*

Деятельность Парка высоких технологий (далее – ПВТ) нацелена на разработку в Республике Беларусь программного обеспечения, информационно-коммуникационных, иных новых и высоких технологий, направленных на повышение конкурентоспособности национальной экономики. Одним из направлений деятельности ПВТ является содействие привлечению инвестиций в развитие сферы новых и высоких технологий [3].

Осуществление инвестирования в развитие сферы новых и высоких технологий характеризуется рядом особенностей, обусловленных особым правовым режимом. По мнению В. В. Кваниной, под правовым режимом следует понимать закрепленный на нормативном уровне и обеспеченный государством особый порядок правового регулирования, направленный на конкретные виды общественных отношений. Такой режим выражается в особом сочетании способов воздействия и юридических средств, конечным результатом применения которых является создание для субъектов права в различной степени благоприятных или неблагоприятных для них условий [1, с. 235].

На территории ПВТ распространяется действие преференциального правового режима осуществления инвестиций на основании следующего:

1) ПВТ не является свободной экономической зоной, вследствие чего исключается распространение специального правового режима осуществления инвестиций;

2) в отношении ПВТ установлены преференциальные изъятия из общего режима. Действующая система стимулов в большей мере реализуется в форме налоговых и таможенных льгот и имеет фискальный характер [3].

Программой социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 гг. установлено, что центром притяжения инвестиций и новых технологий станут территории с преференциальными режимами [4]. Преференциальный правовой режим в рамках ПВТ был установлен с целью создания благоприятных условий для осуществления широкого перечня видов деятельности, направленных на развитие новых и высоких технологий. Основным преимуществом установления такого режима является следующее: льготы и преференции по налогам, предусматривающие применение минимальных налоговых ставок либо освобождение от их уплаты, льготы в сфере таможенных и земельных отношений.

Основной характеристикой инвестиций в ПВТ является их инновационная направленность. Зачастую инвестиции в ПВТ преследуют цель поддержки организаций, занимающихся разработкой новых технологий.

Следовательно, можно говорить о том, что значительная часть инвестиций в ПВТ является прямыми инвестициями в высокотехнологичные проекты, обеспечивающие производство новых технологий, обладающих высоким потенциалом развития.

Инвестиции в ПВТ носят долгосрочный характер и рассчитаны на вложение инвесторами денежных средств в реализацию продуктов, которые будут обеспечивать получение им выгод в течение длительного периода времени. Так как объектом инвестиций выступают проекты по созданию новых продуктов и технологий, которые ранее не существовали, инвесторы несут высокий уровень риска, вследствие чего инвестиции в ПВТ являются высокорискованными. Но вместе с тем стоит учитывать, что они могут принести владельцу вкладываемых средств сравнительно высокую прибыль [2, с. 14].

Таким образом, преференциальный режим осуществления инвестиций в сферу высоких и новых технологий является правовым режимом, характеризующимся льготным порядком осуществления различного перечня видов деятельности, направленных на повышение конкурентоспособности, создающим благоприятные условия для внедрения и развития высоких и новых технологий, а также реализации Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 гг.

Литература

1. Кванина, В. В. Понятие и виды правовых режимов предпринимательской деятельности / В. В. Кванина // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 424. – С. 234–240.
2. Куницкая, О. М. Правовое регулирование инвестиционной деятельности : электронный учебно-методический комплекс для специальности: 1-24 01 02 «Правоведение» / О. М. Куницкая ; БГУ, юрид. фак-т, каф. хозяйственного права. – Минск : БГУ, 2022. – 200 с.
3. О Парке высоких технологий : Декрет Президента Респ. Беларусь от 22 сент. 2005 г. № 12 : ред. от 18 марта 2021 г. № 1 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 08.04.2025).
4. Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы : Указ Президента Респ. Беларусь от 29 июля 2021 г. № 292 : ред. от 23 июня 2023 г. № 180 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 10.04.2025).

Криминологические особенности и детерминация женской преступности

*Лазарь Д. В., студ. III к. ПГУ им. Евфросинии Полоцкой,
науч. рук. ст. преп. Катушинок О. В., магистр юр. наук*

Постоянная трансформация социальной, экономической, политической и духовной сферы общества прямо влияет на основные тенденции и закономерности женской преступности. Для того чтобы должным образом понять преступность, нужно познать ее причины и условия, т.е. так называемые криминогенные детерминанты.

Причинные связи в социуме имеют свои статистические закономерности в историческом разрезе, т.е. причинные связи могут существенно отличаться друг от друга в зависимости от определенного периода времени. К тому же эти самые причинные связи в разные периоды истории проходят этап социализации, обуславливая мировоззрение и психологию восприятия обществом понятия и сущности женской преступности. Соответственно, на каждом историческом этапе уровень, динамика, структура и другие показатели женской преступности зависят от определенных исторических аспектов.

Анализ статистических данных за последние десять лет, представленный на сайте Национального статистического комитета [1], свидетельствует о том, что количественные показатели женской преступности волнообразны, не имеют постоянной динамики, исходя из чего сложно выявить основные закономерности рассматриваемого вида преступлений и спрогнозировать их развитие в будущем (рис. 1). Это обстоятельство еще раз подчеркивает актуальность исследования проблемы женской преступности.

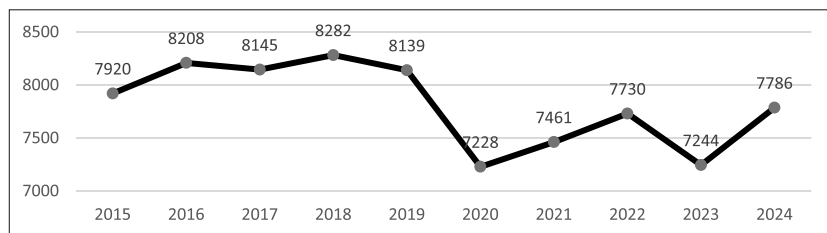

Рисунок 1. – Динамика женской преступности с 2015-го по 2024 г.

По мнению отдельных исследователей, для женской преступности характерен как резкий спад, так и резкий подъем, детерминированные социальными факторами и условиями развития государства, т.к. причины, по которым женщины решаются на преступления, многофакторны. Однако в данном случае они исходят из приоритета социальных факторов [2, с. 5].

В связи с чем представляется важным выявить и проанализировать существующие причины и условия, детерминирующие женскую преступность на современном этапе общества.

Личностные детерминанты женской преступности напрямую зависят от образа жизни, который ведет женщина. Так, алкогольное опьянение – один из наиболее распространенных поводов, приводящих к совершению преступления. Явлением с высокой степенью криминогенности является систематическое распитие алкогольных напитков. Зачастую это происходит в компании лиц асоциального поведения. Под воздействием таких факторов женщина может совершить преступление на почве алкоголизма вследствие ослабления самоконтроля, агрессии и раздражительности. При таких обстоятельствах нередки факты совершения преступления женщиной в соучастии.

Чаще всего употребление наркотиков становится ключевым моментом в преступной среде. Женщины, страдающие наркозависимостью, зачастую совершают незаконные действия, связанные с наркотиками.

Статистический анализ показал, что количество преступлений, совершаемых женщинами в сфере незаконных действий в отношении наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов постоянно растет. Так, по данным Национального статистического комитета, в 2020 г. численность женщин, совершивших подобные преступления, составляла 109 человек (или 1,51% от всех преступлений, совершенных женщинами), а за 2024 г. эти же преступления совершили 205 женщин (или 2,63% от всех преступлений). Следовательно, рост таких преступлений с 2020-го составил + 1,36%, что является отрицательным показателем женской преступности. Данный прирост свидетельствует о том, что за последние пять лет женщины стали совершать эти преступления чаще, а причинами по-прежнему являются наркотическая зависимость либо потребность в легких деньгах. Вместе с тем следует отметить, что показатели 2024 г. ниже показателей 2015-го, когда уровень преступлений, связанных с незаконными действиями в отношении наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов, совершенных женщинами, составил 3% от всей женской преступности.

Женский алкоголизм, как и наркомания, во многих случаях влечет за собой такие же асоциальные явления, как проституция и бродяжничество, которые, безусловно, наносят огромный вред общественной нравственности. Вовлеченная в проституцию женщина приобретает связи в криминальной среде, зачастую начиная и самостоятельную криминальную деятельность [3, с. 292].

Детерминировать женскую преступность способны и неблагоприятная микросреда трудового коллектива, которая может оказать отрицательное воздействие на психологическое и эмоциональное состояние личности [4, с. 21].

Безработица и недостаток денежных средств «прогнозируют» совершение преступления ввиду отсутствия у женщины доступа к качественной медицинской помощи, образованию и другим социальным благам. В большинстве такие социально-экономические причины, как правило, порождают имущественные преступления. Это еще раз подтверждают статистические данные. Так, преобладающим преступлением в структуре женской преступности являются кражи: в 2024 г. каждое пятое преступление, совершенное женщинами, было кражей. Однако следует отметить, что удельный вес краж постепенно снижается: в 2023 г. этот показатель был на уровне 23,7%, в 2020 г. – 23,9%, а в 2015-м – 28,7%.

Повышенной криминогенной опасностью обладает неблагополучная семья, то есть семья с нарушенной традиционной структурой, деформированными эмоциональными связями между членами, нездоровым психологическим климатом, которая не выполняет или ненадлежащим образом выполняет возложенные на нее функции.

Семья считается наиболее частой (вероятной) зоной конфликтов. Так, нередко случаи, когда супруг или сожитель в алкогольном опьянении участвует в бытовых скандалах. Если это приобретает систематический характер, то на почве «накаленного» эмоционально-психологического состояния женщина может осознанно применить насилие, выходящее за пределы необходимой обороны.

Сегодня можно с точностью утверждать, что институт семьи подвергся трансформации. Увеличение количества разводов, распространение неполных семей и рост преступлений против семейных устоев отражают упадок традиционных семейных ценностей.

Семья представляет собой фундаментальный социальный институт, значение которого невозможно переоценить. Именно в семье формируется личность, закладываются нравственные ориентиры, происходит социализация индивида. В связи с этим поддержка и защита института семьи представляет собой приоритетное направление государственной политики.

Еще одним важным фактором, детерминирующим преступность, в том числе и женскую, является трансформация мировоззрения человека в результате «воздействующих сил» интернета, телевидения, СМИ. Личность социализируется посредством окружающего ее огромного потока информации.

Нельзя оставлять в стороне так называемое медианасилие, транслируемое СМИ. Обычно этот фактор рассматривают по отношению к несовершеннолетним преступникам, т.к. сцены насилия могут повлиять на еще не сформированную психику ребенка. Однако необходимо понимать, что совершеннолетняя женщина (как субъект женской преступности) может обладать индивидуальными эмоционально-психологическими особенностями, которые искажают правильное восприятие информации. СМИ-индустрия

должна уделять больше внимания созданию контента, свободного от сцен насилия, делать упор на негативных последствиях проявления агрессии, формировать общественное осуждение жестокости, популяризировать конструктивные методы разрешения конфликтов, минимизируя использование физической силы и любые попытки оправдания насильственных действий.

Таким образом, криминологические закономерности женской преступности напрямую связаны с функционированием института семьи, материальным и социальным благополучием общества. При анализе женской преступности важно понимать причины девиантного поведения женщин, способствуя тем самым разработке новых профилактических мер по предупреждению женской преступности.

На основании выше изложенного, предлагается следующая классификация криминогенных детерминант женской преступности:

- личностные: вредные привычки (злоупотребление алкоголем, наркозависимость, бродяжничество, проституция);
- социально-экономические: безработица, низкая материальная обеспеченность, трудности на работе;
- социокультурные: семейное неблагополучие, ослабление социальных институтов семьи и материнства, трансформация мировоззрения в результате «воздействующих сил» интернета, телевидения, СМИ.

Литература

1. Численность женщин, совершивших преступления по территории Республики Беларусь // Национальный статистический комитет Республики Беларусь : [сайт] . – Минск, 1998–2024. – URL: <https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10108000007> (дата обращения: 04.04.2025).
2. Ростовская, Т. К. Особенности и тенденции женской преступности в России / Т. К. Ростовская, Н. А. Безвербная // Социальное пространство. – 2021. – Т. 7. – № 1. – С. 2–13.
3. Донская, О. Г. Закономерности женской преступности / О. Г. Донская, Е. Н. Москалева // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). – № 2. – С. 290–296.
4. Демина, К. А. Криминологическая характеристика и детерминанты современной женской преступности (по материалам Кемеровской, Новосибирской и Томской областей) : автореф. дис. ... канд. юр. наук : 12.00.08 / К. А. Демина. – Томск, 2011. – 25 с.

Внедрение искусственного интеллекта в процесс проведения правового мониторинга

*Лазовский Н. В., студ. II к. БГУ,
науч. рук. ст. преп. Максименок В. В.*

Правовой мониторинг – это деятельность по систематическому анализу и оценке качества законодательства, практики правоприменения, эффективности правового регулирования общественных отношений.

Осуществляется он нормотворческими органами (должностными лицами), а также иными уполномоченными государственными органами (организациями) в пределах своей компетенции.

Основными задачами правового мониторинга являются: 1) оценка качества нормативного правового акта, практики правоприменения, эффективности правового регулирования общественных отношений в целом либо по отдельным вопросам; 2) анализ нормативного правового акта по общим показателям в соответствии с законодательством.

В целях, приведенных ранее, проводятся публичные обсуждения, создаются рабочие группы, изучаются предложения государственных органов и иных организаций, а также граждан по совершенствованию законодательства и практики применения [1].

В контексте данной статьи подробнее остановимся на средствах проведения правового мониторинга (публичные обсуждения), а также покажем потребность внедрения искусственного интеллекта (далее – ИИ). Согласно ст. 7 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах», публичные обсуждения проводятся в глобальной компьютерной сети интернет на сайте «Правовой форум Беларуси», а также путем парламентских слушаний, в средствах массовой информации либо иными способами, не противоречащими законодательству.

Публичному обсуждению, как правило, подлежат: проекты законодательных актов и постановлений Совета Министров Республики Беларусь, затрагивающие права, свободы и обязанности граждан и юридических лиц и устанавливающие новые либо принципиально изменяющие существующие подходы к правовому регулированию определенной сферы общественных отношений; проекты актов законодательства, которые могут оказать существенное влияние на условия осуществления предпринимательской деятельности; проекты актов законодательства, не указанные в абзацах втором и третьем настоящей части, по поручению Президента Республики Беларусь, Совета Министров Республики Беларусь, Администрации Президента Республики Беларусь либо по инициативе организатора публичного обсуждения [1].

Срок публичного обсуждения составляет не менее 10 календарных дней, но в случае особой специфики регулируемых общественных

отношений период может быть и больше – верхний порог не установлен. Также не установлен период, в течение которого должен быть вынесен итог публичного обсуждения. Организатор публичного обсуждения обязуется обеспечивать рассмотрение поступивших замечаний и предложений. Организаторами публичных обсуждений могут являться субъекты, имеющие право законодательной инициативы. Публичные обсуждения эффективны тем, что с помощью базовой аналитики поступивших замечаний и предложений можно узнать настоящие потребности общества в данный момент и тем самым проверить эффективность правового регулирования общественных отношений.

Организатор правового мониторинга не позднее чем за пять рабочих дней до начала срока проведения правового мониторинга размещает на своем официальном сайте в глобальной компьютерной сети интернет сообщение о проведении правового мониторинга (при необходимости в специальной рубрике) в целях изучения предложений граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, в отношении объекта правового мониторинга.

Искусственный интеллект (Artificial Intelligence, далее – ИИ) – это раздел компьютерных наук, занимающийся созданием машин или программ, которые могут думать и учиться, имитируя человеческий разум [2].

В силу того, что анализ замечаний и предложений может затягиваться на недели, а то и месяцы, предлагается создать учетный правовой форум Беларуси на основе ИИ. После окончания установленного срока публичного обсуждения на Правовом форуме Беларуси представитель Совета Министров Республики Беларусь и Национального центра законодательства и правовых исследований должен будет нажать всего на одну кнопку, после чего ИИ подготовит запрашиваемые результаты по определенным метрикам, загруженным ранее. Это поможет увеличить скорость проведения правового мониторинга и принятия конкретных мер при разных результатах.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что правовой мониторинг остается только инструментом, эффективность которого зависит от качества его реализации. Правовой форум Беларуси выступает ключом к вовлечению граждан в законотворческий процесс, который можно и нужно совершенствовать. ИИ способен стать абсолютным прорывом в законотворческой деятельности: поможет сократить время аналитики с нескольких недель до нескольких минут, а также поможет выявлять ключевые тренды в развитии общества.

Литература

1. О нормативных правовых актах : Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З; ред. от 7 апреля 2023 г. № 261-З : с изм. и доп. от 2 мая 2012 г.

№ 353-3. – Минск : Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2023. – 176 с.

2. Искусственный интеллект: что это такое и как это работает // [Skillfactory media]. – URL: <https://blog.skillfactory.ru/iskusstvennyj-intellekt/> (дата обращения: 14.04.2025).

Проблемы привлечения к ответственности лиц, наделенных дипломатическими иммунитетами и привилегиями

*Маглыш А. А., студ. IV к. БГУ,
науч. рук. Кузнецова И. С., канд. полит. наук, доц.*

Венская конвенция о дипломатических сношениях 1961 г. (далее – Венская конвенция 1961 г.) наделяет лиц, осуществляющих дипломатические функции, значительным объемом иммунитетов и привилегий. В преамбуле Венской конвенции 1961 г. закрепляется, что иммунитеты и привилегии предоставляются для целей беспрепятственного и эффективного осуществления дипломатических функций, а не для личной выгоды отдельных лиц [1]. Тем не менее в международной практике нередки случаи злоупотреблений данными преимуществами.

Как правило, злоупотребления дипломатическими иммунитетами и привилегиями являются следствием желания лица, наделенного такими иммунитетами и привилегиями, уйти от ответственности ввиду нарушения законов государства пребывания. Подобное становится возможным по причине злоупотребления комплексом данных ему прав. Так, в соответствии со ст. 29 Венской конвенции 1961 г., личность дипломатического агента неприкосновенна. Это означает невозможность ареста или задержания в какой бы то ни было форме дипломатического агента. Нарушение государством пребывания положений указанной статьи или иных норм Венской конвенции 1961 г. вне зависимости от тяжести деяния, совершенного дипломатическим агентом, приведет к международно-правовой ответственности такого государства. На этом основании проблемы, связанные с привлечением к ответственности лиц, наделенных дипломатическим иммунитетом, остаются актуальными и требуют разрешения.

В статьях 41 и 42 Венской конвенции 1961 г. закрепляются обязанности лиц, пользующихся дипломатическими иммунитетами и привилегиями, уважать законы и постановления государства пребывания, не вмешиваться во внутренние дела этого государства и не заниматься в государстве пребывания профессиональной или коммерческой деятельностью в целях личной выгоды. Однако приведенные положения далеко не всегда соблюдаются.

В случае нарушений норм Венской конвенции 1961 г. членами дипломатического персонала представительства государство пребывания имеет достаточно ограниченный алгоритм действий, предусмотренный ст. 9 Венской конвенции 1961 г.: уведомить аккредитуемое государство о признании конкретного лица *persona non grata* или неприемлемым лицом. В таком случае аккредитуемое государство должно отозвать данное лицо или прекратить его функции. В соответствии со ст. 32 Венской конвенции 1961 г. аккредитуемое государство может отказаться от иммунитета от юрисдикции дипломатических агентов. Но это происходит крайне редко.

Вопросы привлечения к ответственности членов дипломатического персонала представительства остаются в исключительной компетенции аккредитуемого государства как единственного государства, имеющего соответствующую юрисдикцию. В то же время аккредитуемое государство может не предпринять никаких действий по установлению правосудия или вовсе отказаться привлекать отозванное лицо к ответственности, особенно если государство пребывания не будет настаивать на этом в качестве сатисфакции. Например, такое может произойти в том случае, если совершенное им преступление (правонарушение) не является наказуемым деянием в аккредитуемом государстве [2]. Принцип международного сотрудничества или принцип *aut dedere aut judicare* не будут применимы, если между аккредитуемым государством и государством пребывания нет соответствующего международного (двустороннего или регионального) соглашения. Как отмечала английский юрист Айлин Денза, дипломатический агент также имеет возможность уйти от ответственности в том случае, когда он, выехав за пределы государства пребывания, не возвращается в аккредитуемое государство, а получает назначение на дипломатическую службу в третью страну [3].

Таким образом, возникающие проблемы привлечения к ответственности лиц, наделенных дипломатическими иммунитетами и привилегиями, порождают доктринальные дискуссии о необходимости ограничения дипломатических иммунитетов и привилегий. На наш взгляд, абсолютный характер дипломатических иммунитетов и привилегий следует частично ограничить без ущерба для эффективного осуществления функций дипломатических агентов, что на данный момент представляется сложной задачей. Возможности таких ограничений должны быть рассмотрены Комиссией международного права ООН, тем не менее настоящий вопрос государствами не поднимался. На этом основании заключение двусторонних или многосторонних соглашений, регулирующих порядок привлечения к ответственности в случае совершения тяжких преступлений, будет способствовать устранению существующих пробелов. Последующая необходимость разработки механизма привлечения к ответственности дипломатических агентов за совершение

противоправных деяний в государстве пребывания потребует внесения изменений в положения Венской конвенции 1961 г.

Литература

1. Венская конвенция о дипломатических сношениях : принята 18 апр. 1961 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dip_rel.shtml (дата обращения: 07.04.2025).

2. Герфанова, Е. И. Уголовно-правовой иммунитет дипломатического агента / Е. И. Герфанова // Вестник ВУиТ. – 2018. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovoy-immunitet-diplomaticheskogo-agenta> (дата обращения: 09.04.2025).

3. Denza, E. Diplomatic law: a commentary on the Vienna Convention on Diplomatic Relations / E. Denza. – 4th Edition. – Oxford : Oxford University Press, 2016. – 472 p.

Прямой доступ граждан к конституционному правосудию в Республике Беларусь

*Мартьянова А. А., магистрант БГУ,
науч. рук. Синицына А. М., канд. юр. наук, доц.*

Особое место в государственном механизме защиты прав человека занимает Конституционный Суд Республики Беларусь (далее – Конституционный Суд), который после референдума 2022 г. приобрел новое полномочие – рассмотрение конституционных жалоб.

В соответствии со ст. 152 Закона «О конституционном судопроизводстве» конституционную жалобу в Конституционный Суд вправе подать гражданин, чьи конституционные права и свободы, по его мнению, нарушены законом, примененным в конкретном деле.

Исходя из смысла названной статьи в ее взаимосвязи с вышеуказанными положениями Конституции возможность защиты прав и свобод посредством конституционного судопроизводства должна быть обеспечена в том числе гражданам, осуществляющим индивидуальную предпринимательскую деятельность, если законом, примененным в конкретном деле с их участием, нарушены конституционные права и свободы [3, с. 116].

Кроме того, согласно ст. 11 Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция) иностранные граждане и лица без гражданства на территории Беларуси пользуются правами и свободами и исполняют обязанности наравне с гражданами Республики Беларусь, если иное не определено Конституцией, законами и международными договорами. Ст. 60 Конституции гарантирует каждому защиту его прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом в порядке и сроки, определенные законом.

Представляется, что данные нормы свидетельствуют о возможности обращения в Конституционный Суд также иностранных граждан и лиц без гражданства.

Как правило, подача конституционной жалобы может быть осуществлена самостоятельно гражданами, которые считают, что их конституционные права и свободы были нарушены. Однако действующее законодательство предусматривает возможность представительства интересов субъекта конституционной жалобы адвокатами, законными представителями (родителями, усыновителями (удочерителями), опекунами или попечителями).

Законодательство предусматривает ряд требований к конституционной жалобе по ее форме и содержанию, а также условий ее приемлемости. Соответствующие положения определены ст. 153, 154 Закона «О конституционном судопроизводстве».

Конституционная жалоба допустима, если имеются признаки нарушения конституционных прав и свобод гражданина в результате применения закона в конкретном деле с его участием; конституционная жалоба подана в срок не позднее одного года со дня принятия судебного постановления (решения), которым исчерпываются все другие средства судебной защиты по соответствующей категории дел; исчерпаны все другие средства судебной защиты конституционных прав и свобод гражданина при разрешении конкретного дела.

Проанализировав вынесенные Конституционным Судом определения об отказе в возбуждении производства по делу о конституционности, можно констатировать, что в большинстве случаев отказано в возбуждении производства по делу о конституционности ввиду недопустимости конституционной жалобы, а именно из-за отсутствия признаков нарушения конституционных прав заявителя.

В Республике Беларусь оценивать эффективность данного института пока преждевременно. Конституционным Судом принято всего одно решение по делу о конституционности закона, примененного в конкретном деле, по конституционной жалобе.

Следует отметить, что расширение круга субъектов, обладающих правом инициирования конституционного судопроизводства, способствует активизации деятельности указанного органа как органа конституционного правосудия. Особую ценность представляют правовые позиции Конституционного Суда, которые служат ориентиром для нормотворческих и правоприменительных органов.

В силу того, что защита прав и свобод человека является конституционно-правовой и международно-правовой обязанностью современного государства, в процессе осуществления конституционного правосудия права человека становятся важным критерием, в соответствии с которым решается вопрос о конституционности нормативных правовых актов.

Внедрение в отечественную практику института конституционной жалобы является весьма прогрессивным шагом. Данный институт направлен на обеспечение и защиту конституционных прав и свобод человека и гражданина, развитие Республики Беларусь как демократического и правового государства, основывающегося на принципе конституционной законности.

Прямой доступ граждан к конституционному правосудию, несомненно, призван служить механизмом защиты прав и свобод человека и гражданина, который расширяет пределы участия личности в делах государства, способствует наиболее полному учету мнения граждан по значимым правовым вопросам, что необходимо в правотворческом процессе, а также повышению уровня правосознания всех участников правоотношений.

Литература

1. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2005 г. и 27 февр. 2022 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2022. – 80 с.

2. Послание Конституционного Суда Республики Беларусь «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь» / Конституционный Суд Республики Беларусь : [сайт]. – Минск, 2009–2024. – URL: <http://www.kc.gov.by/document-75043> (дата обращения: 19.02.2025).

3. Синицына, А. М. Состояние и перспективы взаимодействия адвокатуры и Конституционного Суда Республики Беларусь в сфере обеспечения конституционной законности / А. М. Синицына // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. – 2020. – № 6. – С. 115–120.

Особый правовой режим осуществления инвестиций на примере Китайско-Белорусского индустриального парка «Великий камень»

*Обибок М. И., Торчик В. Ю., студ. IV к. БГУ,
науч. рук. доц. Куницкая О. М., канд. юр. наук, доц.*

Инвестиции выступают в качестве одного из важнейших факторов развития экономики государства. В целях обеспечения эффективного экономического развития территорий широко применяется практика создания особых, специальных и свободных экономических зон. Научной экономической основой идеи их создания является теория полюсов роста, которая исходит из того, что концентрировать инвестиции нужно в отдельных ареалах экономического пространства, которые притягивают факторы производства и обеспечивают их эффективное использование, создают основу ускоренного роста [1, с. 162].

Примером особого правового режима может служить Китайско-Белорусский индустриальный парк «Великий камень» (далее – Парк). Среди факторов, влияющих на инвестиционную привлекательность Парка, можно выделить следующие: его расположение (центр Республики Беларусь, гибкие логистические решения, близость к соседним европейским странам, сокращение транспортных расходов, доступ на рынок ЕАЭС), развитая инфраструктура, налоговые и таможенные льготы, упрощенные процедуры (простые критерии для регистрации резидента Парка), высококвалифицированная рабочая сила.

В соответствии с п. 1 Указа Президента Республики Беларусь от 31 января 2012 г. № 253 «О создании Китайско-Белорусского индустриального парка «Великий камень» (далее – Указ № 253) Парк – это особая экономическая зона площадью 112,5 кв. км и в составе земель со специальным правовым режимом особой экономической зоны. Под «специальным правовым режимом особой экономической зоны» понимается особый порядок налогового и иного регулирования, регистрации субъектов хозяйствования, использования земель и других природных ресурсов с применением на территории данной экономической зоны таможенной процедуры свободной таможенной зоны.

Согласно Указу Президента Республики Беларусь от 12 мая 2017 г. № 166 «О совершенствовании специального режима Китайско-Белорусского индустриального парка «Великий камень» (далее – Указ № 166), Парк является территориальной единицей Республики Беларусь и регистрируется в порядке, предусмотренном законодательством для территорий со специальным режимом использования, а также признается инвестиционным проектом. Виды деятельности, осуществляемые резидентами Парка при реализации инвестиционных проектов на территории этого парка, являются приоритетными видами деятельности для осуществления инвестиций.

Содержание особого порядка налогового и иного регулирования раскрывается, в частности, в ряде льгот, которые получают резиденты Парка: освобождение от налога на прибыль, получаемой от реализации товаров собственного производства, произведенных на территории Парка в течение 10 лет с первого налогового периода; освобождение от налога на недвижимость по объектам в Парке, земельного налога за земельные участки в Парке для резидентов и совместной управляющей компании – на весь срок действия специального правового режима; освобождение от налога на прибыль, подоходного налога с физлиц, налога на доходы иностранных организаций, не осуществляющих деятельность в Республике Беларусь через постоянное представительство, по дивидендам в течение пяти лет после первого начисления дивидендов или приравненных к ним доходов (пп. 41, 51 Положения о специальном правовом режиме Парка, утв. Указом № 166).

На резидентов Парка не распространяется ряд требований валютного законодательства: резиденты могут проводить валютно-обменные операции на внутреннем валютном рынке Беларуси без ограничений; покупать иностранную валюту на внутреннем рынке без ограничений по цели использования и др. (пп. 82–84 Положения о специальном правовом режиме Парка, утв. Указом № 166).

Наряду с иными специальными правовыми режимами осуществления инвестиций, действующими в Беларуси, Парк можно охарактеризовать как гринфилд-проект, подразумевающий строительство инфраструктуры с нуля, в отличие от СЭЗ и экстерриториального ПВТ. Если законодательством Республики Беларусь будут установлены более льготные режимы в отношении иных свободных (специальных, особых) экономических зон в Республике Беларусь, соответствующие положения актов законодательства будут включены в Положение о Парке и будут применяться для него. Кроме того, он имеет специфическую систему органов управления и направлен на привлечение инвестиций для организации и развития высокотехнологичных и конкурентоспособных производств.

Литература

1. Куницкая, О. М. Специальный правовой режим Китайско-Белорусского промышленного парка «Великий камень» / О. М. Куницкая, М. И. Шайбак // Теоретико-прикладные перспективы правового обеспечения развития экономики : материалы междунар. науч.-практ. круглого стола, Минск, 21 окт. 2021 г. : в 2 ч. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Н. Л. Бондаренко (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2021. – Ч. 1. – С. 160–165.

Виды коллективных (групповых) исков

*Ольшевская В. В., магистрант I к. ГрГУ им. Я. Купалы,
науч. рук. Кирвель И. Ю., канд. юр. наук, доц.*

Гражданское процессуальное законодательство Республики Беларусь прошло долгий путь формирования эффективных инструментов защиты коллективного интереса.

11 марта 2024 г. принят Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее – КГС) [1], вступающий в силу 1 января 2026 г. Одной из новаций, предусмотренных КГС, является введение в искомом производстве института – производство по коллективному исковому заявлению.

Для того чтобы более детально разобраться в сущности и содержании коллективного иска (в разных странах существуют различные наименования данного института), следует рассмотреть классификации данной юридической конструкции.

С точки зрения субъектов, имеющих право подать исковое заявление в интересах группы, выделяя частные, публичные и организационные коллективные (групповые) иски.

Частный групповой иск подается гражданином или организацией и позволяет им действовать от имени, но без поручения группы и предъявлять иск в защиту прав ее членов либо неопределенного круга лиц. Публичный иск предполагает подачу иска органом государственной власти в защиту прав определенной группы лиц либо неопределенного круга лиц. Организационный иск подается специализированной общественной организацией, действующей в той или иной области общественных отношений, в защиту прав граждан или организаций, чьи права нарушены в данной области [2].

Особенность данной классификации заключается в том, что публичные, организационный и частный групповые иски, во-первых, требуют различного правового регулирования и, во-вторых, имеют неодинаковое распространение в мировой практике гражданского процесса [3].

С точки зрения оснований предъявления коллективных (групповых) исков можно выделить иски о массовом причинении ущерба, иски о защите прав потребителей, иски о защите трудовых прав, иски о неправомерности действий государственных органов или общественных организаций, иски о защите окружающей среды и другие.

Значение этой классификации заключается в определении общественных отношений, в которых применимы коллективные (групповые) иски. Так, при обращении к законодательству стран общего права можно обнаружить, что групповые иски могут предъявляться по всем категориям споров, когда во многих странах континентального права сфера применения таких исков ограничена одной или несколькими отраслями.

С точки зрения порядка формирования многочисленной группы лиц выделяют следующие модели коллективных исков: opt-out и opt-in. В исках opt-out все потенциальные участники группы входят в нее, если не заявят о нежелании состоять в ней, то есть для выхода из группы лица должны совершить определенные действия. Правовое регулирование таких исков нашло отражение в законодательстве США, Австралии, Канады, Израиля, Колумбии. В исках opt-in участники группы приобретают этот статус только в том случае, если на то будет прямо выражена их воля. В соответствии с моделью opt-in стороны, которые желают быть участниками группы, должны предпринять активные действия, чтобы присоединиться к группе. Такие иски более распространены в странах континентального права (Германия, Франция, Норвегия, Финляндия, Бразилия), однако имеются исключения [2].

С точки зрения возможности использования возмещения убытков как способа защиты в групповом иске выделяют признание права и судебный запрет. Достаточно редким является закрепление возможности использования

такого способа защиты, как возмещение убытков. Ограничение использования возмещения убытков в групповых исках объясняется тем, что возможность предъявления иска о взыскании убытков может повлечь за собой увеличение нагрузки на судебную систему, а также существует опасность, что предъявление исков о присуждении к ответчикам, даже достаточно крупным компаниям, в итоге может привести к их банкротству [2].

Приведенные критерии классификаций (перечень классификаций не является исчерпывающим) и их сравнительный анализ, на наш взгляд, позволяют сделать вывод о том, что коллективные (групповые) иски: во-первых, защищают не только частные интересы, но, если речь идет о публичном иске, косвенно охраняют публичные интересы; во-вторых, в международной практике гражданского процесса коллективные иски имеют различное распространение; в-третьих, в порядке производства по коллективному иску может быть рассмотрен значительный круг гражданских дел; в-четвертых, участие в формировании группы лиц коллективного иска напрямую зависит от воли ее участника.

Также, на наш взгляд, можно сделать однозначный вывод о том, что сочетание предложенных критериев как элементов системы в той или иной юрисдикции создает уникальные образцы правового регулирования института коллективного (группового) иска.

Анализ норм главы 28 КГС, регламентирующей производство по коллективному исковому заявлению, проведенный с учетом вышеуказанной классификации, позволяет сделать вывод о том, что, с точки зрения субъектов, обращающихся в суд в интересах группы, коллективные исковые заявления имеют право подать граждане, юридические лица и государственные органы. Это позволяет говорить о выделении частных, публичных и организационных коллективных (групповых) исков. Возникнуть подобные иски могут в различных сферах общественных отношений, процессуальное законодательство не ограничивает сферу применения таких исков, не исключая и возмещение убытков, хотя активное применение данного института на практике может внести коррективы, установив ограничения для использования этого инструмента с учетом интересов конкретных субъектов, общества и государства.

Литература

1. Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь : 11 марта 2024 г. № 359-З : принят Палатой представителей 31 янв. 2024 г. : одобр. Советом Респ. 19 февр. 2024 г. : вступает в силу 1 янв. 2026 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 13.04.2025).
2. Ярков, В. В. Групповые иски: сравнительный анализ / В. В. Ярков, В. В. Долгачев // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». – URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/gruppovye-iski-sravnitelnyy-analiz> (дата обращения: 13.04.2025).

3. Лунев, К. А. Групповые иски в гражданском процессе / К. А. Лунев // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gruppovye-iski-v-grazhdanskom-protsesse> (дата обращения: 13.04.2025).

Проблемы правового регулирования деятельности искусственного интеллекта в сфере авторского права

*Орда Д. М., студ. III к. БГУ,
науч. рук. Лосев С. С., канд. юр. наук, доц.*

Еще до появления авторского права как института гражданского права, защищающего права авторов на созданные ими произведения, и вступления в силу в 1886 г. Бернской конвенции, обеспечивающей охрану литературных и художественных произведений, акт творения был свойственен человеку, пожалуй, на протяжении всей его истории. Если еще до массовой цифровизации общества и появления искусственного интеллекта (далее – ИИ) авторство всегда приписывалось человеку, то после активного развития нейросетей трактовка понятия «авторство» начала сталкиваться с рядом проблем в сфере вопросов признания, правовой защиты и правового регулирования деятельности ИИ в целом в различных государствах и правовых доктринах.

Такие объекты интеллектуальной собственности, как литературные и научные произведения, компьютерные программы, фильмы, хореография, архитектурные сооружения и многие другие произведения, охраняемые различными национальными законодательствами и ст. 2 Бернской конвенции, всегда были результатом конкретной творческой деятельности только человека. Но с течением времени ИИ стал превалировать в создании, помощи при написании или самом написании различных научных работ и произведений искусства, что значительно сократило количество произведений, являющихся исключительным проявлением всех интеллектуальных и творческих возможностей человека. Ведь зачем творить самому, когда за вас это может сделать искусственный интеллект [1, 2]?

В 2024 г. официально зафиксирован пока единственный случай фактического соавторства человека с ИИ в литературной сфере, получивший признание сообщества в виде награды, когда японская писательница Риэ Кудан получила престижную японскую литературную премию имени Рюноскэ Акутагавы за роман «Токийская башня сочувствия», написанный, по ее словам, на 5% с помощью ИИ, такого как ChatGPT [3].

Исходя из всего этого, можно привести два теоретических основополагающих подхода по решению вопроса о принадлежности авторских прав на

произведения, созданные при помощи ИИ, из которых можно выделить 7 составляющих.

Первый подход не признает наличие у ИИ субъективных прав, то есть:

1) правами на созданные им произведения обладает только разработчик ИИ;

2) правами обладает только пользователь, который задал запрос и тем самым создал объект авторского права с помощью ИИ;

3) правами обладают и разработчик, и пользователь в соавторстве.

Второй подход предполагает наличие у ИИ субъективных прав и признание за ним права авторства:

1) правами на созданные им произведения обладает исключительно сам ИИ;

2) правами обладают пользователь и ИИ совместно друг с другом;

3) правами обладают и разработчик, и ИИ в соавторстве;

4) правами обладают пользователь, разработчик и ИИ в коллективном авторстве.

В настоящее время ни в международном праве, ни в одном национальном законодательстве прямо не урегулирован вопрос о признании правосубъектности ИИ. В первую очередь сложности возникают из-за отсутствия единого определения самого понятия «искусственный интеллект» и увеличения темпов его обучения.

Наиболее известные примеры правового содержания определения ИИ приводятся только в нормативно-правовых актах Российской Федерации, США и ЕС: в п. а) ч. 5 Указа Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.) говорится, что «искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений» [4].

Согласно п. 3 ст. 3 Закона о национальной инициативе в области искусственного интеллекта от 2020 г. США, термин «искусственный интеллект» означает компьютерную систему, которая может для достижения заданного набора целей, определенных человеком, делать прогнозы, рекомендации или принимать решения, влияющие на реальную или виртуальную среду. Системы искусственного интеллекта используют машинные и человеческие данные для «а) восприятия реальной и виртуальной среды; б) обобщения

таких представлений в модели посредством автоматизированного анализа; с) использования выводов из модели для формулирования вариантов информации или действий» [5].

Также в п. 1 статьи 3 Регламента ЕС об Искусственном интеллекте 2024 г., первом в мире нормативно-правовом акте, направленном на создание общей правовой базы для использования ИИ, дается следующее определение: «Система ИИ означает машинную систему, предназначенную для работы с различными уровнями автономности, которая может проявлять адаптивность после развертывания и которая для явных или неявных целей выводит из полученных входных данных, как генерировать выходные данные, такие как прогнозы, контент, рекомендации или решения, которые могут влиять на физическую или виртуальную среду» [6].

Исходя из всего вышеперечисленного, ИИ сегодня воспринимается как программа или технология, способная выполнять различные задачи и имитировать когнитивные функции человека, однако, возвращаясь к вопросу о наличии у него правосубъектности, четкое нормативное определение, кто именно может быть субъектом авторского права, практически во всех государствах тоже отсутствует. Одним из немногих примеров урегулирования этого вопроса является Сборник практик ведомства по авторскому праву США 2019 г., внесший ясность в законодательство, отметив, что оригинальное авторское произведение будет зарегистрировано при условии, что такое произведение будет создано человеком. Это разъяснение было дано только спустя несколько лет судебного разбирательства по известному делу, когда в 2011 г. одна из макак в джунглях Индонезии, взяв фотоаппарат британского фотографа Дэвида Слейтера, приехавшего для того, чтобы сфотографировать дикую природы в джунглях, сделала несколько снимков. Некоторые из них фотограф продал нескольким изданиям, после чего некоммерческая компания PETA подала против него иск, утверждая, что он не является автором данных снимков. В результате судебного дела стороны пришли к мировому соглашению, по которому британец обязался пожертвовать 25% своего дохода на защиту макаки, сделавшей снимок, а Бюро США по авторскому праву, как упоминалось выше, уточнило законодательство по вопросам регистрации авторских произведений [7, 8].

Данное дело еще раз подчеркивает, что традиционно только человек обладал творческой и интеллектуальной способностью создавать объекты авторского права, поэтому, к примеру, согласно ч. 4 ст. 982 Гражданского кодекса Республики Беларусь, «право авторства принадлежит лицу, творческим трудом которого создан результат интеллектуальной деятельности». В данной статье используется термин «лицо», что подразумевает под собой только человека, ведь ИИ – компьютерная программа, которая в настоящее время может лишь имитировать некоторые когнитивные функции человека,

но не быть им. Также в ст. 3 Бернской конвенции содержится понятие «авторы», которые являются гражданами одной из стран союза, что тоже подразумевает под собой человека еще и потому, что отсылает к его политико-правовой связи с определенным государством, поскольку у ИИ нет как такового гражданства, следовательно, нельзя применить определенное национальное право в отношении срока действия охраны его исключительных прав на созданные им произведения, учитывая, что у ИИ нет определенного срока жизни (при условии, что искусственный интеллект будет когда-либо наделен правосубъектностью). Согласно Бернской конвенции, автор обладает исключительными правами на свое произведение в течение всей его жизни и не менее 50 лет после смерти, однако в странах Евросоюза, США, Турции и т.д. срок действия составляет всю его жизнь и 70 лет после его смерти, тогда как в Республике Беларусь и во многих других странах – 50 лет после его смерти [2, 9, 10].

Чем дальше продолжают развиваться технологии ИИ, тем все больше появляется различных судебных дел в этой области. Одним из таких стало судебное разбирательство Shenzhen Tencent Computer System Co., Ltd против Shanghai Yingxun Technology Co., Ltd. в 2019 г., где рассматривался вопрос о защите авторского права на произведение, созданное с помощью ИИ. Так, ИИ Dreamwriter истца Shenzhen Tencent Computer System написал статью, посвященную Шанхайскому фондовому рынку, с пометкой о том, что материал был сгенерирован ИИ. После чего компания Shanghai Yingxun Technology разместила данную статью у себя на сайте, не спрашивая разрешения у истца и не указывая имени автора. По итогу Суд вынес решение в пользу истца на основании ст. 2, 3 Регламента «О применении Закона Китайской Народной Республики «Об авторском праве», указав, что, согласно Регламенту, запрос о создании статьи был инициирован человеком с содержанием оригинальных формулировок, что является результатом интеллектуальной деятельности человека, следовательно, защищается авторским правом [11, 12].

Также еще одним известным судебным делом, которое до сих пор не пришло к завершению, стала подача коллективного иска художников против Stability AI, Deviant Art и Midjourney в 2022 г., в котором содержатся утверждения о том, что процесс обучения алгоритмов данных нейросетей происходит на основе миллионов произведений с нарушением авторских прав их художников, в том числе участвующих в иске. В 2023 г. окружной судья США Уильям Оррик отклонил часть иска из-за недостатка аргументации, но оставил в силе утверждение о том, что процесс обучения ИИ нарушает права художников [13].

В 2019 г. одним из переломных моментов в области патентного права было судебное дело о системе искусственного интеллекта DABUS, созданной доктором Стивеном Талером. Она стала первой нейросетью, стремившейся

получить патентную защиту для созданного ею вычислительного изобретения в различных патентных ведомствах по всему миру: в Европейском патентном ведомстве (ЕПО), Ведомстве по интеллектуальной собственности Великобритании, Патентном и торговом ведомстве США (USPTO), Южноафриканском ведомстве по интеллектуальной собственности и Австралийском патентном ведомстве [14].

Во всех вышеуказанных ведомствах, за исключением Южноафриканского, где все же впервые в истории был зарегистрирован патент на изобретение, созданное ИИ, заявка на патент была отклонена на основании того, что ее содержание не соответствовало правовым предпосылкам и требованиям и что автором и заявителем должно быть обязательно физическое лицо.

Хоть в Австралийском патентном ведомстве заявка на патент была отклонена, однако поданная доктором апелляция в Федеральный суд Австралии была удовлетворена. В 2021 г. судья Федерального суда вынес решение, постановив, что ни одно из положений из Закона о Патентах Австралии прямо не предписывает, что изобретателем должен быть только человек, однако только человек может быть заявителем или получателем патента. Тем самым был создан первый в мире судебный прецедент, касающийся возможности ИИ быть изобретателем, то есть автором своего изобретения [14].

Помимо вопросов авторского права у нейросетей, сегодня наиболее актуально стоит проблема массовой дезинформации, распространяемой ИИ, и борьбы с ней. Один из основных акторов Мировой гонки ИИ – Китай – в качестве первых шагов правового регулирования деятельности ИИ и борьбы с дезинформацией в 2023 г. утвердил новые Правила деятельности ИИ, обязав использовать пометки (ярлыки) для контента, созданного нейросетями, обязательную регистрацию алгоритмов и услуг для компаний, применяющих в своей деятельности ИИ, а также использование открытых и законных данных для его обучения. Так, уже с 1 сентября 2025 г. в Китае по новым правилам Управления киберпространства разработчики и интернет-платформы обязаны будут сообщать и отображать информацию, что их сервисы создают контент с помощью ИИ, используя скрытые маркеры (метки) в метаданных самого контента, сгенерированного нейросетями. Таким образом, китайский опыт маркировки контента, созданного при помощи ИИ, может послужить одним из решений проблемы авторства ИИ, отделяя произведения, созданные человеком, от результатов деятельности ИИ, тем самым помогая контролировать контент, условно разделяя его на произведения, созданные человеком, и произведения, созданные с помощью ИИ [15, 16].

Таким образом, сегодня в связи со стремительным развитием цифровых технологий, копируя нашу обычную реальность и формируя новую, всё мировое сообщество столкнулось с серьезной проблемой быстрого развития и определения места ИИ в жизни человека. Активное применение ИИ

в написании и создании различных объектов авторского права (литературных, художественных, научных, музыкальных и других произведений) сказывается на проявлениях и развитии исключительных творческих и интеллектуальных способностей у человека, что до сих пор является основной движущей силой всего прогресса и жизнедеятельности человечества, которое с каждым новым поколением развивалось и создавало постоянно что-нибудь новое, определяющее целые эпохи и формирующее внешний облик самого этого поколения: его условия жизни, взгляды, мысли, технологии и т.д.

В настоящее время ИИ остается лишь компьютерной программой, для развития которой используется машинное обучение, позволяющее ей имитировать когнитивные функции человека, что не наделяет ее правом авторства и какой-либо правосубъектностью в целом, но в дальнейшем с прогнозируемым развитием сильного ИИ (Artificial General Intelligence, AGI), способного иметь автономию воли, самостоятельно мыслить и осознавать себя как отдельную личность, пожалуй, будет определяться уже не место ИИ в мире, а место человека в нем.

В связи с этим необходимо разработать единый международно-правовой подход определения понятия «искусственный интеллект» и регулирования его деятельности, чтобы предотвратить возникновение дальнейших правовых коллизий в сфере признания его правосубъектности и определения авторских прав на объекты его творческой деятельности, поскольку с развитием роботов и беспилотных транспортных средств вопрос об ответственности ИИ в скором времени может встать наиболее остро.

Литература

1. Авторское право // Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС). – URL: <https://www.wipo.int/ru/web/copyright> (дата обращения: 31.03.2025).
2. Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов (дата обращения: 31.03.2025).
3. Лауреат премии Акутагавы использовала ИИ при написании романа : [сайт]. – URL: <https://tass.ru/kultura/19757449> (дата обращения: 31.03.2025).
4. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : Указ Президента Рос. Федерации от 10 окт. 2019 г. № 490 // Гарант : справ.-правовая система (дата обращения: 31.03.2025).
5. National Artificial Intelligence Initiative Act of 2020. – URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/6216> (date of access: 31.03.2025).
6. EU Artificial Intelligence Act. – URL: <https://artificialintelligenceact.eu/ai-act-explore/> (date of access: 31.03.2025).
7. Chapter 300 – Copyrightable Authorship: What Can Be Registered // U.S. Copyright Office (date of access: 31.03.2025).

8. 'Naruto v. Slater' Case Summary. – URL: <https://www.peta.org/features/naruto-v-slater/> (date of access: 31.03.2025).

9. Гражданский кодекс Республики Беларусь : 7 декабря 1998 г. № 218-3 : принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одобрен Советом Респ. 19 ноября 1998 г. : ред. Закона Респ. Беларусь от 22 апреля 2024 г. № 365-3 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 31.03.2025).

10. Caslon Analytics copyright duration. – URL: <https://web.archive.org/web/20130831182127/http://caslon.com.au/durationprofile1.htm> (date of access: 31.03.2025).

11. Васильева, А. С. К вопросу о наличии авторских прав у искусственного интеллекта // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2022. – Вып. 4 (38). – С. 107–116.

12. Регламент «О применении Закона Китайской Народной Республики «Об авторском праве» : [сайт]. – URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/details/858> (дата обращения: 31.03.2025).

13. Judge pares down artists' AI copyright lawsuit against Midjourney, Stability AI. – URL: <https://www.reuters.com/litigation/midjourney-stability-ai> (date of access: 31.03.2025).

14. A Brief Overview of the DABUS Patent Case. – URL: <https://www.globalpatentfiling.com/blog/dabus-case> (date of access: 31.03.2025).

15. Новые правила Китая в сфере ИИ : [сайт]. – URL: <https://ai.gov.ru/knowledgebase/china-new-ai-regulations> (дата обращения: 31.03.2025).

16. Китай ввел маркировку контента, созданного ИИ : [сайт]. – URL: <https://www.rbc.ru/life/news/67d436329a79472f4fe5fbea> (дата обращения: 31.03.2025).

ESG-инвестирование как инструмент экологизации экономики и его правовое обеспечение

*Осмоловский С. В., Романчук Д. Е., студ. IV к. БГУ,
науч. рук. доц. Куницкая О. М., канд. юр. наук, доц.*

Доклад Who Cares Wins (англ. – «Неравнодушный побеждает», 2004), инициированный Глобальным договором ООН при поддержке Швейцарии и IFC (International Finance Corporation), заложил основы включения ESG-факторов в инвестиционные решения. ESG (Environmental, Social, Governance) – система оценки устойчивости и этичности организаций или инвестиций по трем критериям: *экологическое воздействие* (климат, ресурсы), *социальная ответственность* (права потребителей, условия труда) и *качество управления* (прозрачность, борьба с коррупцией, этические нормы) [3].

ESG-инвестирование в Беларуси находится на начальной стадии, но развивается под влиянием глобальных трендов, интереса международных

инвесторов и мер властей. Крупные предприятия (БЕЛАЗ, МТЗ, «Белшина») внедряют ESG-практики, уделяя внимание энергоэффективности и экологии. Банки (Приорбанк, БПС-Сбербанк) поддерживают эти инициативы через зеленое финансирование для экопроектов.

Успех зеленой экономики зависит от вложений в технологии и в развитие человеческого капитала. В рамках «ответственных инвестиций» решения принимаются с учетом экологических, социальных и управленческих принципов. «Ответственные инвестиции» отвечают критериям устойчивости [2].

Одной из проблем ESG-инвестирования является гринвошинг (greenwashing) – создание компаниями иллюзии экологичности без реальных изменений. Например, Coca-Cola, заменив зеленые бутылки Sprite на прозрачные под предлогом улучшения переработки, не сократила объем пластиковых отходов, лишь имитируя заботу об окружающей среде [4].

Стремительное развитие рынка ESG-инвестиций сталкивается с несовершенством правовой базы. Однако введение Корпоративной директивы по отчетности в области устойчивого развития (CSRD) стало катализатором изменений, что побудило цепную реакцию для других стран. Австралия, Сингапур опубликовали национальные руководства по интеграции экологических, социальных и управленческих критериев в корпоративную отчетность, усиливая прозрачность для инвесторов [3, с. 65].

В Республике Беларусь незначительное количество ученых-правоведов поднимают и исследуют данную проблему. Так, О. А. Бакиновская исследует некоторые аспекты правового обеспечения устойчивых инвестиций на международно-правовом и национальном уровнях в контексте решения задач по достижению Целей устойчивого развития (далее – ЦУР) и реализации современной экологической политики Республики Беларусь. В последнее десятилетие возросла озабоченность инвесторов относительно влияния осуществляемых ими инвестиций на окружающую среду, а также просматривается более глубокий тренд, связанный с достижением ЦУР посредством осуществления инвестиций, приобретающих тем самым характер устойчивых. Эксперты также указывают, что суть устойчивого инвестирования заключается «в интеграции экологических, социальных и управленческих факторов (ESG) в инвестиционные решения» [1].

Таким образом, ESG-инвестирование представляет собой перспективный инструмент для экологизации экономики, объединяя экологические, социальные и управленческие критерии в инвестиционных стратегиях. Несмотря на начальный этап развития в Республике Беларусь, интерес к ESG растет благодаря глобальным трендам и активности крупных организаций и банков. Для дальнейшего развития ESG-инвестирования необходимо унифицировать методики оценки и отчетности, усилить законодательное регулирование и прозрачность, повышать осведомленность инвесторов о принципах

устойчивого развития, бороться с гринвошингом через строгий контроль и сертификацию.

Кроме того, в определение инвестиций следует заложить цель, на которую направлено вложение инвестиций: «...достижение иного значимого социально-экономического результата», в т.ч. «решение экологических, социальных и корпоративных (управленческих) задач», т.е. ESG-инвестирование. Реализация вышеописанных мер позволит создать благоприятные условия для устойчивых инвестиций и минимизировать риски, связанные с имитацией экологичности.

Литература

1. Бакиновская, О. А. Некоторые аспекты правового обеспечения устойчивых инвестиций в контексте достижения целей устойчивого развития и реализации экологической политики Республики Беларусь / О. А. Бакиновская // Право. by. – 2021. – № 4 (72). – С. 60–66.

2. Кравченко, А. В. «Зеленая экономика»: приоритеты развития мирового хозяйства // Инновации и инвестиции. – 2021. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zelenaya-ekonomika-prioritety-razvitiya-mirovogo-hozyaystva> (дата обращения: 02.04.2025).

3. Matos, P. ESG and Responsible Institutional Investing Around the World: A Critical Review // CFA Institute Research Foundation Literature Reviews. – 2020. – May. – URL: <https://ssrn.com/abstract=3668998> (дата обращения: 02.04.2025).

4. Plastic design changes: a greenwashing tactic? // Greenpeace International. – 2023. – URL: <https://www.greenpeace.org/international/story/73083/plastic-design-changes-a-greenwashing-tactic/> (дата обращения: 02.04.2025).

Феномен Rug Pull в криптовалютном пространстве: механизм мошенничества, методы выявления и правовые аспекты противодействия

*Позняк В. А., студ. II к. ГГУ им. Ф. Скорины,
науч. рук. Синица И. М., канд. юр. наук, доц.*

В связи с принятием Декрета Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 № 8 «О развитии цифровой экономики» в Республике Беларусь появилась возможность совершать сделки с помощью криптовалют. Однако вместе с новыми возможностями для граждан и юридических лиц возникли и новые способы незаконного обогащения с помощью криптовалют. Рассмотрим один из таких способов, называемый Rug Pull.

Rug Pull – это мошенничество с криптовалютными инвестициями, когда создатели или разработчики криптовалютного проекта внезапно покидают

проект, забирая с собой все средства, вложенные инвесторами. Rug Pull обычно происходит в проектах, которым не хватает прозрачности, у которых анонимные разработчики или которые обещают высокую прибыль, не имея на то оснований [1].

В техническом аспекте Rug Pull осуществляется по следующей схеме. Мошенники запускают новый токен, сопровождаемый привлекательным веб-сайтом, амбициозными обещаниями и хорошо скоординированной кампанией в социальных сетях. Токен размещается на децентрализованных биржах (DEX), где любой желающий может создавать торговые пары (финансовый инструмент, который используется на криптовалютных или традиционных биржах для обозначения двух активов, между которыми осуществляется торговля), не подвергаясь тщательной проверке. Далее создается искусственный ажиотаж вокруг нового токена, все больше людей покупает его, цена растет. Мошенники могут заблокировать ликвидность, чтобы казаться надежными, продолжая добиваться увеличения инвестиций и обещая вознаграждение за ставки или эксклюзивные привилегии. Наконец мошенники выводят всю ликвидность, оставляя держателей с ничего не стоящими токенами. Сайт проекта и аккаунты в социальных сетях исчезают, а на любые запросы следует молчание. Инвесторы остаются с пустыми криптокошельками [2].

Пресечение подобных преступлений требует определить критерии, по которым можно будет идентифицировать, является ли данный токен мошенническим. Эти критерии можно разделить по группам. Первая группа – технические критерии. К ним относятся: непроверенный смарт-контракт (компьютерный алгоритм, содержащий условия договора и предназначенный для автоматического контроля и исполнения договорных отношений); централизованный контроль, т.е. большая часть токенов находится у небольшого числа адресов; функции манипуляции, такие как заморозка торговли, создание неограниченного количества новых токенов, «черные списки» адресов; блокировка ликвидности; подозрительные транзакции. Вторая группа – организационные критерии. К ним относятся: анонимная команда, т.е. отсутствие какой-либо информации о разработчиках; нечеткий или нереалистичный план развития токена; создание искусственной активности через использование ботов в социальных сетях и чатах; резкие скачки стоимости токена без причин; создание фальшивого ажиотажа и использование страха упустить выгоду.

На наш взгляд, требуется введение специальной ответственности за деяния, связанные с незаконными действиями с криптовалютой, поскольку, как становится очевидно, количество таких деяний будет только расти. В связи с этим считаем важным внести в Уголовный кодекс Республики Беларусь состав преступления «Мошенничество в сфере обращения криптовалют» и закрепить его в статье 209¹. Предлагаем сформулировать диспозицию данной

статьи в следующем виде: «Заведомое создание криптовалюты с целью завладения путем обмана или злоупотребления доверием денежными средствами инвесторов». Считаем, что санкция должна быть достаточно строгой, однако предусматривать дифференцированные виды наказаний. Субъектом данного преступления должно быть вменяемое лицо, достигшее 16 лет. Объективная сторона выражается в создании криптовалютного проекта с привлечением средств инвесторов путем продажи токенов с последующим умышленным выводом ликвидности и обращением полученных средств в свою пользу, что приводит к причинению имущественного ущерба инвесторам вследствие обесценивания криптовалютных активов и невозможности их реализации.

Литература

1. Rug Pull Tactics. A Common Practice of Fraud in Crypto Space // STON.fi Blog. – URL: <https://blog.ston.fi/rug-pull-tactics-a-common-practice-of-fraud-in-crypto-space> (date of access: 20.03.2025).
2. What Is A Crypto Rug-Pull: A Complete Guide // medium.com. – URL: <https://medium.com/blockapex/what-is-a-crypto-rug-pull-a-complete-guide-772d2dba9170> (date of access: 20.03.2025).

Роль адвоката в реализации права на получение квалифицированной юридической помощи

*Полтавцева В. А., студ. II к. ГрГУ им. Я. Купалы,
науч. рук. ст. преп. Евдокименко О. Н.*

Право на получение квалифицированной юридической помощи – это закрепленное в конституции государства в соответствии с международно-правовыми стандартами право каждого лица на доступ к юридическим услугам для защиты экономических, культурных и политических интересов, обеспечения благоприятных условий для жизнедеятельности в различных сферах.

В условиях глобализации и появления новых международных организаций и норм права вопросы защиты прав, свобод и интересов национальных субъектов становятся особенно важными для Республики Беларусь. Это касается как физических, так и юридических лиц, которые нуждаются в квалифицированной и своевременной юридической помощи. Важную роль в решении этой задачи играет адвокатура, которая отвечает за обеспечение правовой защиты и поддержку граждан и организаций в их юридических вопросах.

Адвокат выполняет важную функцию в защите прав граждан, обеспечивая им доступ к квалифицированной юридической помощи. Это право на

защиту и помощь со стороны адвоката закреплено в статье 62 Конституции Республики Беларусь и конкретизируется в других законодательных актах.

Согласно статье 62 Конституции Республики Беларусь, «Каждый имеет право на юридическую помощь для осуществления и защиты прав и свобод, в том числе право пользоваться в любой момент помощью адвокатов и других своих представителей в суде, иных государственных органах, других организациях и в отношениях с должностными лицами и гражданами. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается за счет государственных средств. Противодействие оказанию правовой помощи в Республике Беларусь запрещается». Таким образом, адвокат не только представляет интересы своих клиентов, но и способствует реализации их прав, что является важным аспектом правовой системы страны.

Интересным представляется мнение О. Н. Бондаря, согласно которому «право на получение квалифицированной юридической помощи имеет двойственную юридическую природу. С одной стороны, это право каждого получать и требовать предоставления квалифицированной юридической помощи от лица, обладающего соответствующими юридическими знаниями. Данное право можно отнести к личным правам человека. Это право является гарантией судебной защиты и, соответственно, всех других прав и свобод человека, обретая процессуальную форму порядка, условий, форм своей реализации, а в итоге закрепленное в Конституции право представит как разновидность конституционно-процессуальных прав – гарантий» [1, с. 16].

Роль адвоката при оказании юридической помощи многогранна и имеет несколько ключевых аспектов.

1. Консультирование. Адвокат предоставляет своим клиентам консультации по различным правовым вопросам, помогает разобраться в юридических нюансах и последствиях тех или иных действий.

2. Представительство. Адвокат представляет интересы клиента в суде, государственных органах и других инстанциях. Он выступает от имени клиента, защищая его права и законные интересы.

3. Подготовка документов и защита прав. Адвокат занимается подготовкой необходимых юридических документов, таких как иски, заявления, жалобы, договоры и другие бумаги, что требует высокой квалификации и знания законодательства. Обеспечивает защиту прав клиента как в досудебном, так и в судебном порядке. Это включает в себя сбор доказательств, анализ материалов дела и выработку стратегии защиты.

4. Этика и конфиденциальность. Адвокат обязан соблюдать профессиональную этику и обеспечивать конфиденциальность информации, полученной от клиента.

Таким образом, адвокат играет ключевую роль в системе правосудия, обеспечивая защиту прав и законных интересов своих клиентов, а также способствуя справедливому разрешению юридических споров.

Литература

1. Бондарь, О. Н. Квалифицированная юридическая помощь – конституционная гарантия судебной защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : автореф. дис. ... д-р. юр. наук : 12.00.02 / О. Н. Бондарь. – Ростов-на-Дону, 2008. – 30 с.

2. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2022. – 80 с.

3. Матвийчук, С. Б. Право на получение юридической помощи / С. Б. Матвийчук // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты и перспективы : сб. науч. ст. : в 2 т. Т. 2 / Национальная академия наук Беларуси, Институт экономики НАН Беларуси ; редкол.: Д. В. Муха (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Право и экономика, 2024. – Ч. 2. – С. 447–454.

Виртуальные арены, реальные законы: юридические аспекты использования ИИ-агентов в киберспорте

*Севрюк Е. В., студ. III к. БГУ,
науч. рук. ст. преп. Головенчик М. Г.*

Киберспорт, превратившийся из нишевого увлечения в глобальную индустрию с аудиторией свыше 611 млн зрителей и генерируя доходы в размере 1,07 млрд долларов, стал символом цифровой эпохи [1]. Турниры по Counter-Strike и Dota 2 собирают стадионы, а призовые фонды превышают 20 млн долларов, конкурируя с традиционными видами спорта [2]. ИИ-агенты также стали неотъемлемой частью современной цифровой эпохи и органично интегрировались в киберспортивную среду. Их применение в анализе стратегий, автоматизации судейства и генерации контента расширяет возможности отрасли, одновременно порождая ряд правовых вопросов. Цель данной работы – анализ существующих юридических проблем и выработка рекомендаций по их урегулированию.

Так, интеграция ИИ-агентов, таких как OpenAI Five в Dota 2, меняет соревновательную парадигму киберспорта. Способность систем анализировать игровые сценарии и генерировать стратегии поднимает вопрос о распределении прав на интеллектуальную собственность: при претензиях разработчика ИИ-агента на долю призового фонда за «авторский вклад»,

кому принадлежат права: игроку, разработчику или организатору турнира? Данный вопрос становится триггером для потенциальных судебных споров и имеет параллели в иных областях, например, в спорах художников с компаниями, использующими их работы для обучения ИИ-агентов Stability AI [3].

Анализ зарубежного опыта, включая отказ Верховного суда Великобритании в 2023 г. зарегистрировать патент на изобретение, созданное ИИ-агентом DABUS [4], и требования законодательства ЕС (Директивы 2009/24/ЕС6 и 96/9/ЕС7) о человеческом авторстве, выявляют необходимость адаптации существующих норм к реалиям киберспорта.

Представляется эффективным разработать концепцию «коллективного авторства», где стороны признаются соавторами с долями, пропорциональными их вкладу, фиксируемыми в договоре (например, 20% – разработчику за технологию, 70% – игроку за применение, 10% – организатору за платформу).

Отметим, что интеграция ИИ-агентов в соревновательный процесс ставит под вопрос традиционную парадигму судейства. Несмотря на отсутствие прецедентов применения ИИ-агентов в качестве полноправных арбитров, их внедрение в традиционные виды спорта свидетельствует о скором появлении «цифровых судей». Так, использование ИИ-агента для анализа поединка Александра Усика и Тайсона Фьюри, где «цифровой арбитр» присудил Усику победу со счетом 118 : 112, иллюстрирует как потенциал, так и правовые вызовы автоматизированного судейства [5]. Возникает вопрос о том, кто будет нести ответственность за неверное решение: ИИ-агент, не предусмотревший edge cases, или организаторы турнира?

Представляется целесообразным использовать комплексный подход к ответственности «цифровых арбитров». Во-первых, законодательно определить правовой статус ИИ-арбитра и разработать специальный правовой режим. Во-вторых, внедрить принцип «объяснимого ИИ» (Explainable AI-XAI), подразумевающий создание алгоритмов, демонстрирующих логику принятия решений, что позволит оспаривать действия ИИ-арбитра. При возникновении спорных ситуаций создавать специализированные апелляционные комиссии с экспертами в области киберспорта, права и искусственного интеллекта. При распределении ответственности использовать договорную конструкцию, функционально схожую с экономической теорией агентства, где организаторы турнира, выступая в роли принципала, несут ответственность за выбор и контроль ИИ-агента, включая обеспечение тщательной проверки алгоритмов. Разработчики ИИ-агента несут ответственность за качество и надежность предоставляемого программного обеспечения.

В заключение констатируем, что киберспорт, выступая авангардом технологического прогресса, представляет собой уникальный полигон для апробации новых правовых концепций. Наблюдается столкновение технологического утопизма (абсолютизация потенциала ИИ-агентов), правового консерватизма

(отставание законодательства от технологических реалий) и этического нигилизма (приоритет экономических интересов над этическими принципами). ИИ-агенты бросают вызов устоявшимся юридическим конструкциям, актуализируя необходимость пересмотра авторства и ответственности.

Литература

1. Глобальный отчет о рынке киберспорта (2024) // ASO World. – URL: <https://asoworld.com/ru/blog/global-esports-market-report-2024/> (дата обращения: 02.03.2025).

2. Dota 2 и Counter-Strike стали лидерами по размеру призовых в 2024 году // cybersport.ru. – URL: <https://www.cybersport.ru/tags/other/dota-2-i-counter-strike-stali-liderami-po-razmeru-prizovykh-v-2024-godu> (дата обращения: 02.03.2025).

3. Художники подали в суд на Stability AI и Midjourney из-за обучения алгоритмов на их изображениях. – URL: <https://forklog.com/news/ai/hudozhniki-podali-v-sud-na-stability-ai-i-midjourney-iz-za-obucheniya-algoritmov-na-ih-izobrazheniyah> (дата обращения: 02.03.2025).

4. Суд Великобритании отказал в признании патента на изобретение ИИ // Право.ru. – URL: <https://pravo.ru/news/250604/> (дата обращения: 02.03.2025).

5. Стало известно, какой счет выставил искусственный интеллект в реванше Усик – Фьюри // championat.com. – URL: <https://www.championat.com/boxing/news-5834996-stalo-izvestno-kakoj-schyot-vystavil-iskusstvennyj-intellekt-v-revanshe-usik-fyuri.html> (дата обращения: 02.03.2025).

Критерии отнесения сделок к подлежащим налоговому контролю при трансфертном ценообразовании

*Хашковский Н. В., асп. БГУ,
науч. рук. доц. Пилипенко А. А., канд. юр. наук, доц.*

В настоящее время в условиях постоянно трансформирующейся цифровой экономики, расширения международной структуры бизнеса, наличия возможностей, позволяющих на законных основаниях оптимизировать налоговую нагрузку, субъектам при совершении сделок необходимо учитывать ряд особенностей, незнание которых может привести к доначислению налога на прибыль и иным негативным последствиям.

Законодатель в ст. 88 Налогового кодекса Республики Беларусь (далее – НК), расположенной в главе 11 НК, регулирующей трансфертное ценообразование (далее – ТЦО), закрепил исчерпывающий перечень из пяти сделок, подлежащих налоговому контролю на предмет соответствия правилам ТЦО, определив следующие критерии отбора:

1) *Взаимозависимость сторон сделки, цена и транснациональный характер.* К данному критерию относятся внешнеторговые сделки, то есть сделки, заключенные с иностранной организацией, иностранным гражданином по реализации (приобретению) товаров (работ, услуг), имущественных прав, в том числе на основании договоров комиссии, поручения и иных аналогичных договоров.

2) *Взаимозависимость сторон сделки, категория плательщика и цена.* Отличительной особенностью данного вида является наличие в качестве контрагента лица, имеющего права на применение налоговых льгот, например, резиденты СЭЗ, ПВТ или применяющие особые режимы налогообложения. Кроме того, в данную категорию можно отнести также контрагента-резидента оффшорной зоны, признаваемой Республикой Беларусь на основании Указа Президента Республики Беларусь от 25 мая 2006 г. № 353.

3) *Взаимозависимость сторон сделки, категория плательщика и предмет сделки.* В данном виде к особому статусу контрагента (применяющему особые режимы налогообложения) добавляется специальный предмет сделки – недвижимое имущество или жилищные облигации. Цена сделки не имеет значения.

4) *Взаимозависимость сторон сделки, цена, категория плательщика и предмет.* Аналогичные предыдущему виду условия, но добавляется ценовой критерий, и в качестве предмета сделки выступают акции (доли, паи) в уставном фонде, займы.

5) *Транснациональный характер, предмет сделки и цена.* Данный вид выделен для усиленного контроля за движением стратегических товаров, перечень которых утвержден постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 16.06.2016 № 470. Например, к ним относится нефть или определенные пиломатериалы.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Все виды контролируемых сделок при ТЦО, кроме одного, подлежат налоговому контролю только потому, что заключены между взаимозависимыми субъектами, то есть при наличии между ними отношений, которые оказывают и (или) могут оказывать непосредственное влияние на условия и (или) экономические результаты их деятельности и (или) деятельности представляемых ими лиц.

Классические условия отнесения сторон сделки к взаимозависимым расширяются положениями п. 2 ст. 88 НК, дополняющего перечень двумя лицами, приравненными к взаимозависимым: 1) «искусственный» посредник; 2) резидент оффшорной зоны.

2. Единственным видом сделки, где не учитывается критерий взаимозависимости, выступает сделка, предметом которой является стратегический товар.

3. Ценовой (суммовой) критерий применяется как к сделкам между взаимозависимыми субъектами, так и к сделкам, предметом которых является стратегический товар. При этом необходимо учитывать установленную НК повышенную цену сделки, в которой анализируемой стороной выступает крупный плательщик, перечень которых не утверждается МНС, а условия отнесения плательщика к крупному предусмотрены ст. 82 НК.

Литература

1. Налоговый кодекс Республики Беларусь (Особенная часть) : 29 дек. 2009 г. № 71-З : принят Палатой представителей 11 дек. 2009 г. : одобр. Советом Респ. 8 дек. 2009 г. : ред. Закона Респ. Беларусь от 22.04.2024 г. // ilex : информ.-правовая система (дата обращения: 01.04.2025).

2. Министерство по налогам и сборам Республики Беларусь : [сайт]. – Минск, 2012–2025. – URL: https://nalog.gov.by/organizations/transfer_pricing/controlled_transactions/ (дата обращения: 01.04.2025).

3. Круглый стол. МНС: новшества 2024 г. в контроле трансфертного ценообразования // ilex : информ.-правовая система. – URL: <https://ilex-private.ilex.by/view-document/BEPI/98036/#M100001> (дата обращения: 01.04.2025).

К вопросу об уголовно-правовом значении эвтаназии

*Шадурская Д. С., студ. III к. БГУ,
науч. рук. Шаблинская Д. В., доц.*

Благодаря интенсивному развитию медицины вопрос жизни и смерти часто становится вопросом выбора, причем этот выбор осуществляется не только человеком, о жизни и смерти которого идет речь, но и другими лицами. Когда процесс смерти находится под контролем, тогда «право умереть» становится проблемой: является ли право на жизнь не только правом, но и долгом или обязанностью, должно ли общество охранять жизнь человека помимо или вопреки его воле?

Следует отметить, что, прежде всего, эвтаназия – это этический вопрос. Право распоряжаться своей жизнью каким бы то ни было образом – одно из неотъемлемых личных прав человека. Этическим аспектом данной проблемы является безусловное уважение к жизни пациента. Если нет возможности прервать или замедлить развитие болезни, если больной обречен, качество жизни становится более важным, чем ее продолжительность. При данном подходе решение о том, что важнее для больного – продолжение его жизни вообще или продолжение жизни определенного качества, принимает фактически не сам человек, а кто-то другой за него. В связи с этим возникает вопрос о праве этого другого (врача, родственников) на такое решение [2].

С одной стороны, легализация эвтаназии может породить начало злоупотребления и впоследствии общественно опасной деятельности. Эвтаназию смогут применять даже к тем, кто в ней остро не нуждается. Например, к детям-инвалидам, одиноким пожилым людям или же к лицам, инфицированным синдромом приобретенного иммунодефицита человека. Признание эвтаназии также может спровоцировать упадок медицинских исследований по поиску путей лечения отдельных заболеваний.

С другой стороны, орган неизлечимого пациента может спасти другого человека, дав ему шанс жить дальше. К тому же многие умирают, так и не дождавшись получения донорских материалов. Выходит, оценивая эвтаназию лишь с позиции зла, мы теряем сразу две жизни.

В любом случае, принимая решение о введении института эвтаназии, любое государство обязано иметь в виду, что право на жизнь является неотъемлемым и основополагающим правом человека, которое и порождает все остальные права, являющиеся лишь второстепенными относительно этого права.

Проблемы, связанные с эвтаназией, волнуют законодателей и общественность многих современных государств, становятся предметом обсуждения и исследования специалистов разных областей. Следует понять, что никакое право не может предусмотреть все частные случаи. Решения, принимаемые медициной, не могут быть заменены правовыми. Особенно это касается человеческой жизни. Но такая проблема, как эвтаназия есть, и она требует решения, в том числе и правового. На наш взгляд, активная эвтаназия, предполагающая активные медико-социальные действия врача [1], по крайней мере, в настоящее время не имеет права на жизнь, так как скрывает массу возможностей для неправильного применения акта эвтаназии. Единственным способом проявления эвтаназии в нашем обществе может являться пассивная эвтаназия. Пассивная эвтаназия предполагает отказ от проведения или прекращение медико-социальных мероприятий, направленных на спасение жизни пациента (например, отключение жизнеобеспечивающей аппаратуры) [1].

В связи с этим необходимо четко и недвусмысленно сформулировать законодательную норму, согласно которой больной имеет полное право знать свой диагноз, возможные последствия болезни, степень риска неблагоприятного исхода при отказе от лечения, степень надежды на выздоровление. Если больной находится в вегетативном состоянии, следует определить необратимость такого состояния.

Если и допустить мысль о легализации эвтаназии, то она должна отвечать трем основным условиям: эвтаназия должна быть добровольной, только врач может оказывать помощь или осуществлять эвтаназию, состояние пациента должно быть, с медицинской точки зрения, неудовлетворительно.

По нашему мнению, введение эвтаназии на законодательном уровне все же будет являться ошибкой, поскольку, по сути, станет «коридором» для

совершения противоправных деяний против жизни людей и последующего сокрытия преднамеренного убийства под видом эвтаназии, что существенно затруднит работу правоохранительных органов. Кроме того, по нашему мнению, нередко эвтаназия является способом облегчить жизнь не самого человека, а людей, осуществляющих уход за ним, а потому целесообразнее вкладывать ресурсы в развитие специализированных учреждений по уходу за больными и престарелыми людьми. По этим же причинам мы настаиваем все же на приоритетности развития качественной паллиативной помощи.

Литература

1. Гюлишанова, И. А. Понятие и виды эвтаназии / И. А. Гюлишанова // Юристъ-Правоведъ. – 2009. – № 6. – С. 23–27.
2. Рабчёнок, В. О. Право человека на смерть. – URL: <https://rm.coe.int/146-16808e6345> (дата обращения: 09.04.2025).

General Competence of APEC Bodies in Digital Trade

*Zhou Y., PhD student, BSU,
Nataliya Maroz, PhD, Associate Professor*

APEC facilitates digital trade among member economies, with its institutional framework crucial for coordinating efforts under international law. This article analyzes its general and specialized digital trade bodies, comparing them to counterparts in other regional organizations.

APEC's highest-level bodies, including annual Leaders' and Ministerial Meetings, operate under a non-binding soft law framework established in 1989. These bodies set agendas like the 2017 Internet and Digital Economy Roadmap, prioritizing cross-border data flows and digital infrastructure [1]. Though not legally binding, their declarations foster regional policy alignment and may contribute to customary international law through consistent state practice. For example, APEC's "data free flow with trust" principle has influenced emerging norms in WTO e-commerce negotiations [2].

The Senior Officials' Meeting (SOM) coordinates APEC's 40+ working groups under a consensus-driven model. Legally, SOM acts as an intermediary, translating Leaders' Meeting declarations into actionable initiatives (e. g., digital trade capacity-building programs). Its reliance on voluntary compliance underscores APEC's preference for flexibility over rigid legal frameworks, a feature critiqued as both a strength (adaptability) and weakness (enforcement gaps) in international economic law [3].

The Committee on Trade and Investment (CTI) spearheads APEC's digital trade facilitation efforts, including the APEC Paperless Trading Initiative and

alignment with the WTO's Trade Facilitation Agreement (TFA). Its "Best Practices" guidelines for e-commerce, though non-binding, serve as precursors to formal treaties in other forums. For example, CTI's guidelines on digital trade have influenced provisions in agreements like the Digital Economy Partnership Agreement (DEPA) between Chile, New Zealand, and Singapore [4]. This illustrates APEC's role as a "norm incubator" in international trade law.

The Competition Policy and Law Group (CPLG), operating under APEC's CTI, promotes competition policy frameworks to ensure fair markets and address anti-competitive practices. While not exclusively focused on digital trade, its work increasingly intersects with digital economy challenges, such as monopolistic behavior by tech giants, data-driven market dominance, and antitrust concerns in cross-border e-commerce [5]. Unlike binding EU competition law (e. g., Digital Markets Act), the CPLG relies on non-binding guidelines and capacity-building programs, reflecting APEC's soft law approach [6].

APEC's soft law framework, centered on voluntary "open regionalism," lets members adopt digital trade rules flexibly, contrasting with the EU's binding regulations [7]. Scholars suggest this fosters *lex mercatoria*-style norms, where practice-based standards evolve into recognized legal principles [8]. Yet APEC lacks enforceable dispute mechanisms, unlike treaties such as the USMCA, raising accountability challenges [9].

Literature

1. APEC. "APEC Internet and Digital Economy Roadmap", 2017. – URL: https://www.apec.org/docs/default-source/Groups/ECSG/17_csom_006.pdf (date of access: 14.04.2025).
2. World Trade Organization. "E-commerce Negotiations and the Free Flow of Data". WTO Reports, 2021.
3. APEC. "Digital Economy Steering Group Work Program for the Implementation of the APEC Internet and Digital Economy Roadmap", 2020. – URL: https://mddb.apec.org/Documents/2020/SOM/CSOM/20_csom_019.pdf (date of access: 14.04.2025).
4. APEC. "Economic Impact of Adopting Digital Trade Rules: Evidence from APEC Member Economies", 2023. – URL: <https://www.apec.org/publications/2023/04/economic-impact-of-adopting-digital-trade-rules-evidence-from-apec-member-economies> (date of access: 14.04.2025).
5. APEC. "Policy Dialogue Report Competition Policy and Digital Transformation", 2022. – URL: https://www.apec.org/publications/2022/12/policy-dialogue-report-competition-policy-and-digital-transformation?utm_source (date of access: 14.04.2025).
6. Bhattacharjea, Aditya. "Soft Law vs. Hard Law in Competition Policy: Lessons from APEC and the EU" / Aditya Bhattacharjea // *Journal of Regulatory Studies*. – Vol. 14. – №. 4. – 2021. – P. 256–278.

7. Garcia, Frank. “Open Regionalism and Its Role in Digital Trade” / Frank Garcia // *International Law Review*. – Vol. 30. – №. 2. – 2019. – P. 90–115.

8. Zhao, Lin. “Lex Mercatoria in the Digital Age: The Evolution of Digital Trade Norms” / Lin Zhao // *Global Trade Studies*. – Vol. 27. – № 1. – 2023. – P. 14–38.

9. Chander, Anupam. “Digital Trade and the USMCA: Enforceability and Beyond” / Anupam Chander, Uyen Le // *North American Trade Journal*. – Vol. 22. – № 1. – 2021. – P. 78–102.

On the issue of legal regulation of cyberspace from the point of view of international law

*Zhu He, postgraduate student, BSU,
supervisor Merkushev V. V., PhD (law), docent*

The governance of cyberspace under contemporary international law faces unprecedented challenges, balancing state sovereignty, cybersecurity imperatives, and human rights protections. This article analyzes these tensions through the lens of evolving legal norms and state practices, proposing a hybrid governance model that integrates multilateral cooperation with adaptive frameworks. Key case studies – Including the Tallinn Manual, GDPR, and UN initiatives – highlight both progress and gaps in addressing transnational cyber threats [1]. Recommendations emphasize institutionalized accountability, human rights safeguards, and cross-border collaboration to reconcile territorial sovereignty with digital interdependence.

The principle of state sovereignty, central to the UN Charter, faces ambiguity in cyberspace. While states claim control over domestic digital infrastructure (e. g., China’s data localization laws), cross-border data flows challenge exclusive jurisdiction. The “Tallinn Manual 2.0” posits that cyber operations violating territorial integrity breach sovereignty, yet debates persist over non-kinetic actions like data exfiltration [2].

For instance, the 2020 Solar Winds hack exposed the lack of consensus on attributing state responsibility. This incident underscores the need for clearer thresholds under international law to distinguish espionage from acts of aggression under Article 51 of the UN Charter.

Cybersecurity frameworks, such as the Budapest Convention, prioritize protecting critical infrastructure but risk enabling surveillance overreach. China’s 2017 Cybersecurity Law mandates data localization, yet conflicts with privacy rights under the GDPR. Conversely, the EU’s GDPR exemplifies robust data protection but faces extraterritorial enforcement challenges, as seen in “Google v. CNIL” (2019), where the EU Court limited the “right to be forgotten” to regional domains [3]. These tensions reveal a fragmented legal landscape where security measures often undermine universal rights.

Cybercrimes like ransomware attacks (e.g., Colonial Pipeline, 2021) exploit jurisdictional disparities. The absence of a universal treaty allows states to adopt divergent definitions and penalties. While the 2021 UN OEWG report affirms international law's applicability to cyberspace, its non-binding nature limits enforcement. Hybrid mechanisms, such as INTERPOL's Global Cybercrime Program, remain hindered by uneven state cooperation [4].

Thus, cyberspace, as the fifth domain of global interaction, disrupts traditional legal paradigms rooted in territoriality. States grapple with asserting sovereignty over borderless digital infrastructures while combating cyberattacks, data exploitation, and AI-driven threats.

International law can adapt to govern cyberspace effectively, focusing on three pillars: sovereignty, security, and rights. By synthesizing legal scholarship, state practices, and institutional responses, it advocates for a dynamic governance framework that balances national interests with global cooperation.

Cyberspace governance demands reimagining sovereignty as adaptive multilateralism. While territorial integrity remains foundational, legal frameworks must evolve to address digital interdependence. By harmonizing security imperatives with human rights and institutionalizing cross-border collaboration, the international community can mitigate risks while unlocking cyberspace's potential. Future research should explore AI governance and the role of non-state actors in shaping norms, ensuring international law remains responsive to technological advancements.

Literature

1. UN Open-Ended Working Group (OEWG) on the security of and in the use of information and communications technologies in 2021–2025 // DigWatch. – URL: <https://wp.dig.watch/processes/un-gge> (date of access: 25.03.2025).

2. Schmitt, M. N. Tallinn Manual 2.0 on the International Law Applicable to Cyber Operations / M. N. Schmitt. – United States Naval War College, Newport, Rhode Island, 2017. – 500 p.

3. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) (Text with EEA relevance) // European Union. – URL: <http://data.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj> (date of access: 25.03.2025).

4. Financial and cybercrimes top global police concerns, says new INTERPOL report (19 October 2022) // INTERPOL. – URL: <https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2022/Financial-and-cybercrimes-top-global-police-concerns-says-new-INTERPOL-report> (date of access: 25.03.2025).

РАЗДЕЛ 3

МЕНЕДЖМЕНТ. МАРКЕТИНГ.

ФИНАНСЫ И БАНКОВСКОЕ ДЕЛО. ЭКОНОМИКА

От обряда к фестивалю – причины и результаты трансформации Дожинок

*Барановская В. В., магистрант БГУ,
науч. рук. проф. Гайдучевич Л. М., д-р ист. наук*

Принято считать, что фестиваль-ярмарка «Дожинок», ежегодно проходящий в Республике Беларусь с 1996 г. как массовое событийное мероприятие на государственном уровне, – это праздник, который, несмотря на свою современность, корнями уходит в далекое прошлое. Считается, что белорусы смогли сохранить и пронести древние обычаи даже вопреки повсеместному введению христианства [2]. Вместе с тем с течением времени и смыслы, и организация традиционного мероприятия трансформировались, отражая изменения, связанные с развитием общества и достижениями прогресса. Рассмотрим основные сохранившиеся и диаметрально изменившиеся моменты организации мероприятия.

Как и во времена ручного труда, сегодня нет точной ежегодной даты проведения Дожинок. Праздник всегда приурочен ко времени завершения сбора зерновых, который происходит в августе-сентябре, в зависимости от климатических и погодных условий региона [4, с. 83].

Главным «действующим лицом» оригинального обряда была женщина – главная жнея женской толоки, именно женщины серпами жали зерновые, собирая колосья в снопы. Обычно дожиночный обряд включал в себя следующие элементы: в последний день жатвы на поле собиралась толока, самая уважаемая женщина распределяла всех по ниве и сама начинала жать с ритуальной песней [3, с. 82–83]. С началом механизации сельского хозяйства главными героями Дожинок стали мужчины – победители соревнований за достижение высоких показателей на уборке урожая зерновых и зернобобовых культур, именно их трудом в настоящее время осуществляется сбор урожая.

По древним традициям, заканчивалась уборка поля обрядом «завивания бороды». Чтобы задобрить духа, внутри несжатого участка поля оставляли хлеб и соль, над которыми «завивали бороду» – связывали колоски особым образом. Затем их срезали, добавляли в последний сноп и делали венок для старшей жнеи из его колосьев [2]. Главная жнея (либо выбираемая толокой самая красивая женщина из коллектива) вела шествие с дожиночным снопом

в руках в дом хозяина поля. Жней встречали хлебом-солью, а дожиночный сноп занимал почетное место под образами в доме хозяина поля. Современные Дожинки сохранили «дожиночный сноп», венки из колосьев, караван из зерна нового урожая. «Дожиночный сноп» всегда вручают руководителю хозяйства. Венками, хлебом-солью приветствуют лучших мастеров уборочной страды [5]. В сценарий современного праздника органично включено торжественное шествие участников уборки. В современной процессии женская толока заменена колонной всех труженников села. Как и прежде хозяин поля/руководитель хозяйства благодарит и чествует работников. От древних обрядовых Дожинков до наших фестивалей-ярмарок «Дожинки» принято украшать населенный пункт, дворы, демонстрировать богатство собранного урожая.

Из древнего обряда в праздник урожая Дожинки трансформировались в советское время. Характерными чертами этого праздника являлись театрализованное шествие, чествование передовиков сельского хозяйства, концертная программа, праздничный обед и народное гуляние [1, с. 85]. Новые организационные форматы (митинг, чествование передовиков, концерт) создали разделение участников на артистов и зрителей. Наличие большого количества пассивных зрителей приводило к ослаблению интереса, наносило определенный вред проявлению самостоятельного творчества народа [1, с. 86]. Советскими идеологами и культпросветработниками в организацию праздника урожая была интегрирована еще одна традиция белорусских территорий – выставка-ярмарка.

Современный традиционный фестиваль-ярмарка труженников села «Дожинки» вырос, трансформировался из древнего обряда в новые организационные форматы, вобрав народные элементы, сохранив главный смысл – благодарность земле и труженникам за урожай.

Литература

1. Гуд, П. А. Традыцыйнае і новае ў сучасных беларускіх восеньскіх святах / П. А. Гуд // Весці Акадэміі навук Беларускай ССР. – 1986. – № 6. – С. 85–90.
2. Дожинки в Беларуси: от истории до современности // Vetliva. – URL: <https://vetliva.ru/belarus/blog/dozhinki-v-belarusi/> (дата доступа: 10.02.2025).
3. Доманская, А. И. Дожинки по-белорусски: от ритуала к карнавалу // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dozhinki-po-belorusski-ot-rituala-k-karnavalu/viewer> (дата доступа: 10.02.2025).
4. Перепелкин, Н. А. Белорусский республиканский фестиваль-ярмарка труженников села «Дожинки» как инструмент событийного маркетинга // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/belorusskiy-respublikanskiy-festival-yarmarka-truzhenikov-sela-dozhinki-kak-instrument-sobyitiynogo-marketinga/viewer> (дата доступа: 10.02.2025).

5. Традиции «Дожинок» соблюдаются, несмотря на изменение технологий в сельском хозяйстве // Издательский дом «Беларусь сегодня». – URL: <https://www.sb.by/articles/traditsii-dozhinok-soblyudayutsya-nesmotrya-na-izmenenie-tekhnologiy-v-selskom-khozyaystve.html> (дата доступа: 10.02.2025).

Развитие цифровой торговли в Республике Беларусь

*Бирюков А. А., студ. IV к. БГУ,
науч. рук. Головенчик Г. Г., канд. эк. наук, доц.*

Цифровая торговля становится ключевым элементом экономического развития Беларуси. За последние десять лет в этом сегменте наметилась устойчивая положительная динамика. Если в 2010 г. доля интернет-торговли в общем розничном товарообороте составляла лишь 0,8%, то к 2023 г. этот показатель вырос до 8,1% – рост более чем в десять раз [2]. На начало 2023 г. зарегистрировано 28 927 интернет-магазинов, на 3,7% больше, чем годом ранее. Около 77% из них сосредоточено в Минске и Минской области [3].

На фоне увеличения спроса на онлайн-услуги и товары значительно выросла и экономическая отдача. Валовая добавленная стоимость цифровой торговли увеличилась более чем в пять раз: с 113,3 млн руб. в 2016-м до 595,5 млн руб. в 2023 г. Среднемесячная зарплата в секторе за тот же период выросла почти в четыре раза – с 526 до 2061 рубля, а численность занятых работников достигла 11 641 человека [4]. Вместе с тем доля в ВВП страны пока составляет лишь 0,3%, что свидетельствует о масштабных возможностях для роста и расширения.

Дополнительным индикатором прогресса служит рост иностранных инвестиций в сектор – с 2,2 млн долларов в 2016-м до 67,7 млн в 2023 г., что лишь немного ниже рекордного уровня 2022 г. (87,4 млн), но более чем в три раза превышает показатель 2021 г. (22,4 млн) [4]. Количество организаций, работающих в секторе, выросло с 969 в 2022 г. до 1429 в 2023-м – прирост на 47%. Средняя заработная плата в отрасли увеличилась с 1618 до 2061 рубля, а занятость выросла на 7,6%, достигнув 11 641 человека. Эти данные подтверждают, что цифровая торговля демонстрирует устойчивое развитие и сохраняет привлекательность для инвесторов даже в условиях внешнеэкономических рисков.

Однако современное понимание цифровой торговли выходит далеко за рамки розничной онлайн-торговли. В него включаются также услуги, предоставляемые и заказываемые в цифровом формате – от ИТ и телекоммуникационных сервисов до финансовых и интеллектуальных продуктов. Согласно данным Белстат, в 2021 г. экспорт таких услуг достиг 6,5 млрд долларов, что составляет 45% от всего объема экспорта услуг страны. Для сравнения: в 2013 г. эта доля составляла лишь 30% [1].

Среди лидирующих направлений – программное обеспечение, телекоммуникации, электронные платформы и решения для электронной коммерции. Беларусь активно развивает экспортно-ориентированные ИТ-продукты и интеграцию в глобальные цифровые цепочки. Так, в 2021 г. экспорт компьютерных, телекоммуникационных и информационных услуг составил более 3,6 млрд долларов, или свыше 55% от общего объема цифрового экспорта [1]. При этом именно программное обеспечение занимает доминирующую позицию, обеспечивая значительную часть валютной выручки. Темп прироста экспорта цифровых услуг за последние пять лет превысил 10% ежегодно, что значительно опережает динамику традиционного экспорта.

Таким образом, цифровая торговля в Беларуси трансформируется из вспомогательного канала сбыта в полноценную высокотехнологичную отрасль. Она создает рабочие места, увеличивает валютные поступления, стимулирует развитие регионов и способствует модернизации внутреннего рынка.

При условии системной поддержки, совершенствования статистики, развития цифровой инфраструктуры и правовой базы цифровая торговля может стать драйвером экономического роста и инструментом интеграции Беларуси в мировую цифровую экономику. Направление задано, и его реализация – вопрос стратегических решений и последовательной государственной политики.

Литература

1. Внешняя торговля услугами // Белстат. – URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/vneshnyaya-torgovlya/vneshnyaya-torgovlya-uslugami/> (дата обращения: 15.04.2025).
2. Годовые данные // Белстат. – URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/vnytrennia-torgovlya/roznichnaya-torgovlya/godovye-dannye/> (дата обращения: 15.04.2025).
3. Интернет-торговля бьет рекорды // Neg.by. – URL: <https://neg.by/novosti/otkrytj/onlayn-torgovlya-v-belarusi-bet-rekordy/> (дата обращения: 15.04.2025).
4. Цифровая экономика // Белстат. – URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/informatsionno-telekommunikatsionnye-tekhnologii/tsifrovaya-ekonomika/> (дата обращения: 15.04.2025).

Экспорт образовательных услуг как форма дополнительного финансирования учреждений высшего образования Республики Беларусь

*Бойко М. В., асп. III к. РИВШ,
науч. рук. Касперович С. А., канд. эк. наук, доц.*

В современных условиях поднятие престижа отечественной системы высшего образования на мировой арене является одной из главных тенденций. Учреждения высшего образования наращивают экспорт образовательных услуг благодаря повышению качества образовательной и научной деятельности, а также налаживанию международного сотрудничества.

Университеты всего мира стремятся к финансовому обеспечению своей деятельности посредством получения дополнительного дохода от увеличения и диверсификации экспорта образовательных услуг.

В число стран лидеров по экспорту образовательных услуг входят США, Великобритания, Канада и Австралия. Для привлечения иностранных студентов данные государства применяют различные подходы, в том числе регулярно пересматривают визовую политику для обучающихся.

Комитет по науке и технологиям Палаты лордов Великобритании в феврале 2025 г. заявил о важности наращивания экспорта образовательных услуг, обратившись к правительству с призывом смягчить визовые ограничения для студентов и специалистов в области технических наук [1]. По мнению членов комитета, до введения действующих ограничений финансовые поступления за обучение в вузе достигали 43% от общей суммы, что позволяло поддерживать образовательные и научные программы для местных студентов. На данный момент естественно-научные и технические факультеты вузов вынуждены искать альтернативные источники финансирования для осуществления своей деятельности [1].

Таким образом, экспорт образовательных услуг служит дополнительным источником внебюджетного дохода вузов, способствующим развитию материально-технической базы и планомерному поднятию заработной платы профессорско-преподавательскому составу.

В Республике Беларусь наблюдается положительная динамика по экспорту образовательных услуг, в 2024 г. он составил более 90 млн долларов [2]. Учреждения высшего образования обучают около 30 тысяч иностранных студентов из более чем 100 стран мира [3]. Наибольшее количество студентов, порядка десяти тысяч, приезжает из Китайской Народной Республики. Благодаря развитию сотрудничества с Китаем создано десять совместных научно-образовательных структур, а также реализуется 40 совместных образовательных программ [4].

Национальные вузы плодотворно развивают сотрудничество со странами СНГ, преимущественно Узбекистаном, Туркменистаном и Таджикистаном [4]. В 2024 г. около 7% экспорта пришлось на Африканский континент, среди иностранных студентов были представители стран Нигерии, Марокко, Камеруна, также активно развивалось сотрудничество с Зимбабве и Экваториальной Гвинеей [4].

Нарращивание объема экспорта образовательных услуг вузами достигается благодаря ряду факторов, в том числе расширению сотрудничества и повышению качества высшего образования.

Получение дополнительного дохода от увеличения и диверсификации экспорта образовательных услуг позволяет отечественным вузам привлекать наиболее квалифицированный профессорско-преподавательский состав со знанием иностранных языков, создавать и модернизировать образовательные классы, лаборатории, а также проводить ремонт и строительство общежитий.

Таким образом, можно сделать вывод, что экспорт образовательных услуг является одной из наиболее важных форм дополнительного финансирования учреждений высшего образования Республики Беларусь.

Литература

1. Lords committee calls for UK dependants ban review. – URL: <https://thepi-news.com/lords-committee-calls-for-uk-dependants-ban-review/> (дата обращения: 14.04.2025).
2. Минобр: экспорт образовательных услуг приносит в бюджет более \$90 млн // Sputnik. – URL: <https://sputnik.by/20241218/minobr-eksport-obrazovatelnykh-uslug-prinosit-v-byudzheth-bolee-90-mln-1092036823.html> (дата обращения: 14.04.2025).
3. Лукашенко оценил экспорт образовательных услуг за прошлый год // Sputnik. – URL: <https://sputnik.by/20240213/lukashenko-otsenil-eksport-obrazovatelnykh-uslug-za-proshlyy-god-1083597150.html> (дата обращения: 14.04.2025).
4. Иванец об экспорте образовательных услуг: в Беларуси учатся студенты из Китая, стран СНГ и Африки // БЕЛТА. – URL: <https://belta.by/society/view/ivanets-ob-eksporte-obrazovatelnykh-uslug-v-belarusi-uchatsja-studenty-iz-kitaja-stran-sng-i-afriki-615161-2024/> (дата обращения: 15.04.2025).

Международные экономические организации: их преимущества и недостатки

*Борисевич М. А., студ. II к. БГУ,
науч. рук. Киселевич А. И., канд. эк. наук, доц.*

Международные экономические организации представляют собой структуры, формируемые для налаживания экономического взаимодействия между государствами и координации их внешнеэкономической деятельности. Данные организации устанавливают специализированный свод правил, регулирующий международные торговые отношения. Международные экономические организации способствуют экономическому росту и стабильности, укрепляют сотрудничество между странами и способствуют привлечению инвестиций.

Международные экономические организации классифицируют в зависимости от назначения, масштаба и деятельности, например, глобальные экономические организации, региональные экономические объединения и торгово-экономические организации.

Глобальные экономические организации такие, как ВТО и МВФ, имеют важное значение для стабильного функционирования мировой экономики, способствуя развитию международных экономических отношений и обеспечивая финансовую стабильность.

Следующая группа организаций – экономические и торговые организации, которые функционируют для разработки и внедрения стандартов в сферах торговли, экономики, промышленности на мировом уровне. К ним относятся: Организация экономического сотрудничества и развития, Всемирная организация интеллектуальной собственности, Конференция ООН по торговле и развитию.

Региональные экономические объединения созданы для эффективной торговой и экономической интеграции стран одного региона. Среди таких объединений – ЕС, ЕАЭС, АСЕАН, ШОС, БРИКС и др. Целями региональных объединений являются интеграция и координация политики стран-участниц политики в сферах экономики, торговли, безопасности, внешней политики, защиты прав человека. Благодаря эффективной интеграции государства достигают экономического роста, социального прогресса, культурного развития, а также поддержки мира и стабильности в регионе.

Рассмотрим преимущества и недостатки международных экономических организаций. Среди преимуществ выделим следующие:

- расширение рынков сбыта и инвестиций. Членство страны в ВТО или региональных интеграционных блоках снижает барьеры для торговли, облегчая экспорт и импорт;
- содействие международному сотрудничеству. Участие в региональных экономических союзах способствует укреплению сотрудничества между

странами и развитию совместных проектов. Создание единых экономических стандартов облегчает ведение бизнеса между государствами;

- технологический обмен и модернизация экономики. Кооперация с другими государствами в рамках международных организаций упрощает доступ к новым технологиям и передовым методам управления, а также улучшает условия для интеграции в ГЦП;
- привлечение инвестиций. Участие в международных экономических организациях повышает доверие инвесторов, привлекая иностранный капитал.

К недостаткам можно отнести:

- ограничение национального суверенитета. Международные организации могут вводить обязательные экономические нормы и правила, которые не всегда соответствуют национальным интересам;
- неравномерное распределение влияния. Открытие рынков в рамках международных торговых соглашений может привести к вытеснению местных производителей более конкурентоспособными иностранными компаниями. А малый и средний бизнес могут пострадать из-за доминирования транснациональных корпораций;
- зависимость от внешних факторов. При вступлении в международную экономическую организацию страна может стать зависимой от другой страны или стран;
- длительность в принятии решений. Принятие решений в международных экономических организациях может занимать достаточно долгое время, в связи с разнообразием точек зрения у участников той или иной организации.

Таким образом, участие в международных экономических организациях предоставляет странам значительные возможности для развития торговли, привлечения инвестиций и финансовой поддержки, но сопряжено с такими рисками, как потеря части экономического суверенитета, усиление зависимости от внешних экономических факторов и необходимость адаптации к глобальной конкуренции. Оптимальная стратегия для стран – сбалансированный подход, когда интеграция в мировую экономику сочетается с защитой национальных интересов.

Литература

1. Гладких, Т. В. Обзор международных экономических организаций, их преимущества и недостатки / Т. В. Гладких // Мировая экономика: современные тенденции развития : материалы II Междунар. конкурса эрудитов по мировой экономике, Минск, 1–3 апр. 2024 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Е. А. Достанко (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2024. – С. 79–83.

Сравнительный анализ факторов цифровой конкурентоспособности экономик ФРГ и Республики Беларусь

*Борисовец Т. С., студ. IV к. БГУ,
науч. рук. проф. Давыденко Е. Л., д-р эк. наук*

Цифровая конкурентоспособность представляет собой многомерную характеристику, отражающую способность экономической системы эффективно внедрять и использовать цифровые технологии, формировать благоприятную институциональную среду для цифровой трансформации и обеспечивать устойчивые конкурентные преимущества в глобальной цифровой экономике. Германия и Беларусь представляют особый интерес для сравнительного исследования, поскольку демонстрируют различные модели и подходы к развитию цифровой экономики [1].

Структура и доля цифровой экономики. Германия демонстрирует относительно стабильную долю цифровой экономики в структуре ВВП – около 5,7%. В абсолютном выражении рынок цифровых продуктов и услуг ФРГ к 2023 г. достиг приблизительно 216 млрд долларов США, демонстрируя умеренный рост. В Беларуси доля сектора информационно-коммуникационных технологий в ВВП республики достигла пикового значения в 7,4% в 2021 г., однако к началу 2024 г. снизилась примерно до 3,7% ВВП [4].

Цифровая инфраструктура. В 2024 г. показатель покрытия сетями 5G в Германии достиг 98,1% домохозяйств. В сфере фиксированной широкополосной связи наблюдается отставание от общеевропейских показателей, Германия занимает предпоследнее место в ЕС по покрытию оптоволоконными сетями до помещений (FTTP) – 29,8% при среднем показателе по ЕС в 64% [6]. Беларусь демонстрирует высокий уровень доступности интернет-услуг: на 100 человек населения приходится 35 абонентов стационарного и 103 абонента беспроводного широкополосного доступа [3].

Структурные различия цифровых экономик. В Германии она более диверсифицирована и интегрирована в традиционные отрасли – промышленность, сферу услуг, малый и средний бизнес, где происходит постепенная цифровая трансформация производственных и бизнес-процессов. В Беларуси цифровой сектор в большей степени сконцентрирован в сфере ИТ-услуг, преимущественно ориентированных на аутсорсинг и разработку программного обеспечения для зарубежных рынков. ИКТ-сектор остается доминирующим в структуре цифровой экономики – около 81% занятых в цифровой сфере работают именно в области ИКТ и разработки программного обеспечения [4].

Характер уязвимостей. Для Германии основным ограничением выступает относительно медленная адаптация традиционных отраслей к цифровым инновациям, что обусловлено как институциональной инерцией, так и высокими первоначальными затратами на цифровую трансформацию. Германия демонстрирует низкие позиции по показателю гибкости и адаптивности (64-е место в рейтинге IMD) [5]. Для Беларуси ключевым фактором уязвимости является критическая зависимость от человеческого капитала, что наглядно проявилось в период массового оттока ИТ-специалистов. Ниже представлены приоритетные направления повышения цифровой конкурентоспособности для ФРГ и Республики Беларусь (таблица 1).

Таблица 1. – Направления повышения цифровой конкурентоспособности для Германии и Республики Беларусь

Рекомендации для Германии	Рекомендации для Республики Беларусь
1. Ускоренное развитие высокоскоростных сетей. Целевым индикатором является обеспечение 100% покрытия территории Германии гигабитным интернетом (FTTP) к 2030 г. 2. Повышение гибкости и адаптивности институциональной среды, упрощение бюрократических процедур для стимулирования цифровых инноваций. 3. Развитие цифровых навыков населения. 4. Формирование европейского подхода к этичному ИИ и цифровому суверенитету	1. Адаптация концепции «Индустрия 4.0» к белорусской промышленности с учетом специфики преобладания крупных государственных предприятий. Рекомендуется создание демонстрационных «умных фабрик» на базе ведущих промышленных предприятий (МАЗ, БелАЗ, МТЗ). 2. Создание национальной облачной платформы с гарантированным уровнем локализации данных. 3. Развитие мер по удержанию ИТ-специалистов в ИТ-сфере

Примечание: собственная разработка на основе источников [2, 7].

Проведенное исследование выявляет, что Германия характеризуется более стабильным, но и более инерционным развитием цифровой экономики, интегрированной в традиционные отрасли. Основной проблемой немецкой модели является недостаточная адаптивность к быстро меняющимся технологическим условиям. Белорусская модель отличается более высокой волатильностью и концентрацией на ИТ-услугах, что создает риски в случае

оттока квалифицированных кадров. При этом Беларусь демонстрирует большую гибкость в создании благоприятных условий для ИТ-сектора. Успешная реализация предложенных направлений повышения цифровой конкурентоспособности позволит обеим странам укрепить свои позиции в глобальной цифровой экономике при условии учета национальной специфики и стратегических приоритетов развития.

Литература

1. Борисовец, Т. С. Роль ФРГ в Европейском Союзе / Т. С. Борисовец // Международные отношения: история, теория, практика : материалы XIV науч.-практ. конф. молодых ученых ФМО, Минск, 23 апр. 2023 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: [редколлегия]. – Минск : БГУ, 2023. – С. 118–122.
2. Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы // Министерство связи и информатизации Республики Беларусь. – URL: <https://www.mpt.gov.by/ru/gosudarstvennaya-programma-cifrovoye-razvitie-belarusi-na-2021-2025-gody> (дата обращения: 15.01.2025).
3. Стратегия развития государственной статистики // Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь. – URL: <https://mintrud.gov.by/uploads/files/Dokument1.pdf> (дата обращения: 15.11.2024).
4. Цифровая экономика // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/informatsionno-telekommunikatsionnye-tehnologii/tsifrovaya-ekonomika/> (дата обращения: 15.01.2025).
5. Digital Economy and Society Index (DESI) 2024: Germany // European Commission. – URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/desi-germany> (date of access: 01.12.2024).
6. Digitalization Index 2024 // Federal Ministry for Economic Affairs and Climate Action. – URL: <https://www.de.digital/DIGITAL/Redaktion/DE/Digitalisierungsindex/Publikationen/publikation-digitalisierungsindex-2024-kurzfassung-english.pdf> (date of access: 28.12.2024).
7. Wirtschaftliche Entwicklung Deutschlands // crp-infotec. – URL: <https://crp-infotec.de/deutschland-wirtschaftliche-entwicklung/> (дата доступа: 01.03.2023).

Сравнительный анализ программных продуктов для инвестиционной деятельности

*Бычкова К. Г., студ. II к. БРУ,
науч. рук. Жесткова Е. С., канд. эк. наук, доц.*

В условиях ограниченного доступа к зарубежным программным продуктам белорусские компании сталкиваются с необходимостью выбора

отечественных решений для управления инвестициями. Цель данной работы – провести анализ доступных программных продуктов для инвестиционной деятельности в Беларуси, оценить их функциональность, преимущества и недостатки.

Рассмотрим программные продукты, распространенные по всему миру:

Bloomberg Terminal – премиальная финансовая платформа, предоставляющая профессионалам доступ к рыночным данным в реальном времени, аналитическим инструментам и возможностям для торговли. С момента выпуска в 1982 г. терминал стал незаменимым инструментом для трейдеров и инвесторов, предлагая интегрированные решения в одном интерфейсе [1].

Morningstar Direct специализируется на инвестиционных исследованиях и управлении портфелем для управляющих активами и финансовых консультантов. Его инструменты предназначены для упрощения визуализации данных и составления отчетов [2].

FactSet ориентирован на специалистов в области инвестиций и предлагает инструменты для анализа портфеля, управления рисками и финансового моделирования. Он делает упор на персонализацию, позволяя пользователям адаптировать платформу под свои рабочие процессы [3].

Альтернативы для белорусских компаний:

COMFAR – ценный помощник в анализе инвестиционных проектов. Основной модуль обрабатывает финансовые и экономические данные, создает разнообразные отчеты и графические модели. Также модули помогают в аналитическом процессе. В программу также включены метод анализа издержек и выручки и метод добавочной стоимости в экономическом анализе, разработанные ЮНИДО [4].

Альт-Инвест – российская консалтинговая компания, специализирующаяся на стратегическом финансовом анализе и планировании, разработчик программного продукта Альт-Инвест, который стал стандартом для моделирования инвестиционных проектов [5].

Сравнительный анализ возможностей программных продуктов представлен в таблице 1. Такие программы как COMFAR и Альт-Инвест предлагают необходимые инструменты для анализа и управления инвестициями, адаптированные к белорусским условиям. Несмотря на их меньшую распространенность, они обладают достаточной функциональностью и отвечают потребностям специалистов в сфере инвестиций.

Таблица 1. – Сравнительная характеристика ПО для инвестиционного анализа

Показатель	Bloomberg	Morningstar	FactSet	COMFAR	Альт-Инвест
Наличие мобильного приложения	+	+	+	–	+
Стоимость	\$24 000 в год для пользователя или \$27 000 в год для подписчиков	\$17 500 для первого пользователя, \$11 000 для второго и ниже для третьих	~\$4 000 (пакет начального уровня), \$12 000 в год (профессиональный пакет)	\$500–5200 (зависит от пакета и лицензии)	\$475–1000 (зависит от пакета и лицензии)
Поддержка русского языка	–	–	–	+	+
Ключевые функции	Сервис мгновенных сообщений, обновление данных в реальном времени	Фокус на управлении портфелем, доступ к инвестиционным подборкам мирового класса	Анализ финансовых данных, оценка рыночных тенденций	Анализ инвестиций в новые проекты или модернизации действующих предприятий	Управление финансами и инвестициями
Тип клиентов	Крупные инвестиционные компании	Инвестиционные компании, финансовые консультанты	Инвестиционные компании	Крупный, средний и мелкий бизнес	Крупный, средний и мелкий бизнес
Интерфейс	Сложный	Простой	Широкий спектр настроек	Простой	Простой

Примечание: собственная разработка на основе источников [1–5].

Литература

1. Официальный сайт Bloomberg : [сайт]. – URL: <https://www.bloomberg.com/europe> (дата обращения: 14.04.2025).
2. Официальный сайт Morningstar Direct : [сайт]. – URL: <https://www.morningstar.com/business/brands/data-analytics/products/direct> (дата обращения: 14.04.2025).
3. Официальный сайт FactSet : [сайт]. – URL: <https://www.factset.com/> (дата обращения: 14.04.2025).
4. COMFAR ресурсы ЮНИДО : [сайт]. – URL: <https://unido.ru/resources/comfar/> (дата обращения: 14.04.2025).
5. Официальный сайт Альт-Инвест : [сайт]. – URL: <https://www.alt-invest.ru/company/company-profile/> (дата обращения: 14.04.2025).

Оценка холакратии как современной организационной структуры организации

*Василевская А. С., Терёхин З. Д., студ. I к. БГУ,
науч. рук. Киселевич А. И., канд. эк. наук, доц.*

Одним из основных показателей эффективности менеджмента является выживаемость компании. В современном мире требуется быстрое принятие решений и их незамедлительная реализация, однако традиционная иерархия в компаниях делает процесс изменений сложным и долгим, вызывая интерес к более гибким структурам управления организацией.

Примером такой структуры выступает холакратия. Раскрыть ее сущность можно одной фразой, которую сформулировал основатель Брайан Робертсон: «суть холакратии состоит в том, чтобы организовать работу, а не работающих» [1, с. 37].

Холакратия – это «способ децентрализации власти, который позволяет выстроить иерархию таким образом, чтобы каждый сотрудник мог влиять на жизнь компании и обладал полной властью в рамках своей роли и возложенных на нее ожиданий» [2, с. 239].

Термин «холакратия» происходит от греческого «холон», который представляет собой среднюю форму греческого слова «холос», что означает «целостный», наподобие организма, построенного из молекул.

В холакратии вместо департаментов и отделов присутствуют «круги», которые выступают как объединение ролей сотрудников внутри компании. Роли в холакратии – это наборы обязанностей, которые могут постоянно изменяться, адаптируясь под текущие нужды компании. Они могут сочетаться, предоставляя сотрудникам больше возможностей для самореализации.

Существует специальная система связей и ответственных лиц, которые лежат вне иерархической системы и согласовывают большую часть основных действий подразделений. Их роль выполняют так называемые «линки», к которым относятся «реп-линки», «лид-линки», секретари и фасилитаторы.

«Реп-линк» выбирается открытым голосованием, аккумулирует все проблемы команды и выносит их на обсуждение (тем самым передает информацию из внутреннего круга во внешний). «Лид-линк» передает информацию из внешнего круга во внутренний, отслеживает метрики, следит за выполнением целей [3].

К основным принципам холакратии относятся:

1. Упразднение иерархии. Каждому сотруднику в компании должны быть предоставлены права автономно действовать хотя бы на локальном уровне, не добиваясь одобрения вышестоящего руководства. Полномочия разделяются между ролями, а не должностями.

2. Вся власть переходит процессу. Сам процесс руководит компанией, ее задачами и целями, а не руководитель.

3. Поощрение творческих решений. Нестандартные идеи, которые могут приблизить круг и компанию к общей цели, всегда вознаграждаются.

В настоящее время насчитываются более 240 компаний, внедривших данную структуру. Самой крупной такой компанией на постсоветском пространстве является российский банк «Точка» [4].

Выделим основные недостатки данной структуры. Во-первых, затратность внедрения в компанию. Так как система распределения и объединения ролей в первое время может быть непонятной, потребуются значительные затраты на обучение сотрудников, изменение используемых программ и систем управления, контроля и мониторинга.

Во-вторых, это проблема самоорганизации. Данная структура требует самодисциплины, инициативы, разделения идей и принципов компании, а также умения работать без контроля со стороны руководства.

В-третьих, некоторые сотрудники не будут видеть мотивации работать эффективнее из-за отсутствия привычного роста по карьерной лестнице.

Таким образом, холакратия предоставляет компаниям полезные инструменты для изменения подхода к организации работы и взаимодействия сотрудников, решения нестандартных задач. Несмотря на все преимущества такого подхода, все сотрудники компании должны обладать такими качествами, как самоорганизованность и инициативность, разделять философию компании, что не может быть полностью достигнуто из-за человеческого фактора. Тем не менее такой способ организации работы в компании нашел свое место в современном менеджменте и активно используется рядом организаций.

Литература

1. Robertson, B. J. Holacracy: the revolutionary management system that abolishes hierarchy / B. J. Robertson. – New York : Penguin Random House, 2016. – 247 p.
2. Данилов, Н. С. Холакратия как новая модель самоуправления / Н. С. Данилов, А. О. Мельник // Современные инновационные технологии и проблемы устойчивого развития общества : материалы XI Международной научно-практической конференции; сост. Д. Ю. Бусыгин, В. Н. Курбацкий. – Минск : Ковчег, 2018 – С. 236–239.
3. Что такое холакратия: основные принципы и практики // Unisender. – URL: <https://www.unisender.com/ru/glossary/chto-takoe-holakratiya-osnovnye-principy-i-praktiki/> (дата обращения: 03.04.2025).
4. Holacracy // Официальный ресурс. – URL: <https://www.holacracy.org/r/which-organizations-use-holacracy/> (дата обращения: 03.04.2025).

Development Fundings Bringing Change Into Ivory Coast

*Василевская А. С., Терёхин З. Д., студ. I к. БГУ,
науч. рук. ст. преп. Журавская К. С.*

Ivory Coast, or also known as the Republic of Côte d'Ivoire, is a country located in West-Africa. The Ivory Coast is the hub of commercial activities with its economy depending heavily on the agricultural sector, cocoa, palm oil and coffee in particular. The country has managed to reduce its poverty rate (the main reasons for which were price volatility, income inequality, lack of transparency and limited access to education and healthcare) from 55% in 2011 to 37.5% in 2021 [1].

The republic still leads the world in production and export of cocoa beans, supplying 37.1% of cocoa produced over the globe. As of 2021, there were about 1 million small cocoa producers who farm more than 2 and a half million hectares in the country [2].

The main issue regarding the cocoa production in the Ivory Coast is the use of child labour. By far, children as young as five are exposed to hazardous work in the country, including the use of sharp tools, working at night and exposure to agrochemical products, among other harmful activities. Apart from the use of child labour, according to the Fairtrade Foundation, only 6% of the chocolate industry's total makes its way back to the farmers – fair-trade models seek to counter this by increasing consumer prices and passing on the premium (a price paid for above and beyond some basic or intrinsic value) to farming cooperatives [3].

The EU is the largest trading partner and the largest private investor in Côte d'Ivoire. This strong interdependence is accompanied by close political relations. The top destinations of exports in 2023 were Switzerland (\$3.88B), Netherlands (\$1.99B), Mali (\$1.59B), United States (\$1.1B), and Malaysia (\$951M) [2].

France is Ivory Coast's bilateral donor (gives direct assistance to a recipient country for development purposes). Switzerland has maintained friendship with Ivory Coast and made significant contributions towards the country's development, is a major investor and provider of humanitarian aid. This helps the cocoa farmers provide help and heal the injured children that work in the cocoa bean productions.

The support from the EU is profitable for the European countries themselves, since they get cocoa beans exported for the manufacturing of chocolate. The investment into the agricultural sector for machinery is an effective aspect for the cocoa farmers, however with the corruption rate it is less likely that all of that investment goes towards the farmers. According to Transparency International, the country is ranked 69/180 as of 2024. Stated by the re-elected president Alassane Ouattara, he promised to make the fight against corruption one of the priorities of his new term [1].

In 2018 The World Bank Board of Executive Directors approved an "International Development Association (IDA) credit of \$100 million to support the Government's efforts to reinforce fiscal management and strengthen the education, energy, and cocoa sectors in Côte d'Ivoire"[4].

"While the impact of this operation is expected to fully materialise by 2019, significant achievements have already been noted. With the support of the DPF series, the reform of the primary education system led to a drop of repetition rate in primary schools from 15.6 percent in 2015 to 11.5 percent in 2017, while teachers were assigned to underserved areas. These measures contributed to improving girls' completion rate, which increased from 35.2 percent in 2015 to 42.7 percent in 2017 and is expected to reach 49.5 percent by 2019" – states the World Bank [4].

According to reports, a €100 million financial collaboration with BNI will support gender equality, youth employment, and environmental and economic sustainability in the cocoa industry. As well in 2025 The Government of the Republic of Côte d'Ivoire, the European Union and the European Investment Bank (EIB) have announced €300 million in new financing to support strategic sectors for Côte d'Ivoire, promoting climate action, sustainability in cocoa production and reforestation in the country [5].

According to all of the provided data, the approval of the credit has made an effort in improving the education for young women in the Ivory Coast in a short term, and in a long term – increased the amount of specialised professionals available in the country and made change in the cultural development of Ivory Coast. Educational reforms in the long term are going to provide access to education to all children, increasing the standard of living and erasing the possibility of children working from a young age to support their families. Much positive change is coming to Côte d'Ivoire. That includes developments in agriculture, healthcare

innovations and better education. The country is benefiting from international aid: such efforts are helping people of Côte d'Ivoire increase their standard of living.

Literature

1. Côte d'Ivoire // Transparency International. – URL: <https://www.transparency.org/en/countries/côte-divoire> (date of access: 10.04.2025).

2. Cocoa Beans Product Trade, Exports and Imports // OEC. – URL: <https://oec.world/en/profile/bilateral-product/cocoa-beans/reporter/civ> (date of access: 11.04.2025).

3. Cocoa // Fairtrade Foundation. – URL: <https://www.fairtrade.org.uk/farmers-and-workers/cocoa/> (date of access: 13.04.2025).

4. Côte d'Ivoire receives World Bank support to strengthen the education, energy and cocoa sectors // The World Bank. – URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2018/12/18/cote-divoire-receives-world-bank-support-to-strengthen-the-education-energy-and-cocoa-sectors> (date of access: 14.04.2025).

5. Global Gateway: l'Equipe Europe renforce de 300 millions d'euros son soutien à des investissements stratégiques et durables en Côte d'Ivoire // The European Investment Bank. – URL: <https://www.eib.org/en/press/all/2025-012-global-gateway-l-equipe-europe-renforce-a-hauteur-de-300-millions-d-euros-son-soutien-a-des-investissements> (date of access: 12.04.2025).

Тенденции развития и усиления взаимозависимости глобальных и региональных объединений

*Веренич Д. Н., студ. I к. БГУ,
науч. рук. Киселевич А. И., канд. эк. наук, доц.*

В современном мире практически все государства вовлечены в систему международных экономических отношений. Абсолютное большинство стран связаны между собой системой международного разделения труда, экономических и политических отношений, а также представлены на мировых отраслевых рынках [1].

Вышеописанные тенденции не относятся к стихийным, так как являются частью более широкого и комплексного процесса международной экономической интеграции.

Под международной экономической интеграцией понимают процесс постепенного устранения торговых барьеров, ограничений на движение капитала и препятствий для перемещения факторов производства между различными странами.

Исходной точкой процесса интеграции являются прямые международные экономические связи на уровне первичных субъектов экономической

деятельности, которые, развиваясь, обеспечивают постепенное сращивание национальных хозяйств на начальном уровне [2].

С течением времени получают распространение наиболее востребованные формы отраслевой специализации в мировой промышленности. Развитие производительных сил привело к углублению разделения труда, а именно – к внутриотраслевой специализации, а не только межотраслевой.

Каждая страна располагает определенным количеством природных богатств, исторически накопленными знаниями. Основным аргументом в пользу обмена результатами хозяйственной деятельности между такими странами будет различие условий производства: одна страна располагает ресурсами или технологиями, которых недостает другой, но которые являются необходимыми для развития современной промышленности.

Сегодня интеграция – сложная система взаимодействия государств на основе тесного сотрудничества и взаимопроникновения отдельных национальных хозяйств, обеспечения условий концентрации производства и переплетения капиталов, проведения согласованной межгосударственной экономической политики [2].

Глобальные интеграционные объединения представляют собой форму международного сотрудничества, направленного на координацию экономической политики, развитие торговли. На глобальном уровне формируются транснациональные корпорации, заключаются многосторонние соглашения и вырабатываются универсальные механизмы регулирования мировой экономики. При этом глобальный уровень интеграции тесно связан с региональным: региональные объединения становятся элементами более широкой системы международных связей и часто служат опорными точками для реализации глобальных инициатив.

Региональные объединения формируются на основе географической близости и общих экономических интересов стран. Примерами таких объединений являются Европейский Союз (ЕС), Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Южноамериканский общий рынок (МЕРКОСУР) и Евразийский экономический союз (ЕАЭС).

Современные тенденции развития глобальных и региональных объединений включают усиление экономической интеграции, формирование новых торговых союзов. В последние годы наблюдается рост количества соглашений о свободной торговле и инвестиционных партнерств, что способствует углублению международного сотрудничества. За период с 2015-го по 2024 г. количество соглашений о свободной торговле увеличилось со 138 до 361 [3], были созданы объединения USMCA, RCEP, AfCFTA. Целями участия государств в интеграционных процессах являются расширение рынка, привлечение иностранных инвестиций, улучшение условий для торговли, ускорение темпа роста экономики и укрепление политических связей.

Международная экономическая интеграция в современном мире представляет собой закономерный процесс, охватывающий практически все государства. Развитие глобальных и региональных экономических связей обусловлено объективной необходимостью более тесного взаимодействия между странами в условиях углубляющегося международного разделения труда, процессов глобализации и взаимозависимости экономик. Интеграция способствует устранению торговых барьеров, расширению рынков, притоку инвестиций и формированию согласованной экономической политики.

Литература

1. Островитянов, К. В. Политическая экономия / К. В. Островитянов, Д. Т. Шепилов, Л. А. Леонтьева. – М. : МЛРД «Рабочий путь», 2018. – 6 с.
2. Интеграционные процессы в современной экономике // Mydocx.ru. – URL: <https://mydocx.ru/3-51331.html> (дата доступа: 03.04.2025).
3. World Trade Organization. Regional trade agreements. – URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/region_e/region_e.htm (date of access: 06.04.2025).

Инициатива «Один пояс, один путь» в современном экономическом развитии Китая

*Воробьева З. Ю., Радкевич А. С., студ. 1 к. БГУ,
науч. рук. Чувилов И. А., канд. полит. наук, доц.*

Исторический Древний шелковый путь, связывавший Восток и Запад, был не только обширным торговым маршрутом, но и связующим элементом между разными культурами и экономиками. В XXI в. Китайская Народная Республика, предложив инициативу «Один пояс, один путь» (Belt and Road Initiative, BRI), поставила серьезную задачу создания широкой сети экономических, инфраструктурных и гуманитарных связей между странами Евразии и за ее пределами. Эта инициатива приобрела стратегическое значение в экономическом и политическом развитии самого Китая и его глобальном позиционировании.

Инициатива «Один пояс, один путь», выдвинутая председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г., включает два ключевых направления: Экономический пояс Шелкового пути и Морской шелковый путь XXI в. Вместе они представляют собой комплексную платформу международного сотрудничества, охватывающую более 140 стран [1]. Целью инициативы «Один пояс, один путь» является создание всеобъемлющей транспортной, торговой и инвестиционной инфраструктуры, которая обеспечит свободное движение товаров, капиталов и технологий. Китай активно инвестирует в строительство железных и автомобильных дорог, портов, логистических центров и промышленных

зон, тем самым продвигая концепцию «взаимной выгоды». По данным официальных китайских источников, за годы реализации в рамках инициативы было заключено более 200 соглашений о сотрудничестве с различными странами и международными организациями [2]. Эти соглашения охватывают такие основные отрасли, как энергетика, телекоммуникации, транспорт и промышленность.

Существенное внимание уделяется также созданию новых маршрутов и логистических узлов. Например, в рамках развития наземных путей сообщения между Китаем и Европой сформировались транспортные сети, связывающие китайские города с европейскими центрами через Центральную Азию и Россию. Это способствовало росту объема перевозок и сокращению сроков доставки товаров [1]. С точки зрения экономического развития Китая, инициатива «Один пояс, один путь» выполняет сразу несколько задач. Во-первых, она помогает развитию западных и центральных регионов страны, которые ранее демонстрировали низкие темпы экономического развития. Во-вторых, содействует расширению международной роли юаня и развитию внешнеэкономических связей. В-третьих, обеспечивает выход на новые рынки и каналы распределения избыточных производственных мощностей [3]. Кроме того, инициатива стала важным элементом внешнеполитической стратегии КНР. Она способствует укреплению политической значимости Китая на международном уровне и формированию его имиджа как ответственного глобального лидера, поддерживающего открытую и инклюзивную модель развития [4].

Таким образом, в результате проведенного анализа можно отметить, что инициатива КНР «Один пояс, один путь» стала логическим продолжением исторического наследия Великого шелкового пути, направленного на современную экономику и другие векторы развития Китая. Данная инициатива демонстрирует намерение страны укрепить свои позиции в глобальной системе через интеграционные процессы и устойчивое развитие. Инициатива «Один пояс, один путь» сохраняет значительный потенциал, поскольку основана на ценностях, востребованных в современных международных отношениях, – сотрудничестве, интеграции и устойчивости.

Литература

1. Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию экономического пояса Шелкового пути и морского Шелкового пути XXI века // Евразийское иллюстрированное обозрение. – URL: <https://ruchina.org/china-article/china/731.html> (дата доступа: 10.04.2025).
2. Совместное строительство «Одного пояса, одного пути»: идея, практика и вклад Китая // Один пояс, один путь. – URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/wcm.files/upload/CMSydylyw/201705/201705110545004.pdf> (дата доступа: 10.04.2025).

3. Господарик, Е. Г. Китай в мировой экономике XX века / Е. Г. Господарик, Син Ван, М. М. Ковалев // Вестник Ассоциации белорусских банков. – 2015. – № 7 (758). – С. 21–26.

4. Ли На. «Один пояс, один путь» как внешнеполитическая инициатива Китайской Народной Республики: проекты и опыт реализации (2013–2019 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.15 / Ли На; РУДН. – М., 2021. – 22 с.

Биологические активы как объект экономической оценки

*Гаврилюк Ю. Н., ассистент ГГАУ,
Щербатюк С. Ю., канд. эк. наук, доц.*

Рыночные отношения в агропромышленном комплексе формируют необходимость эффективной системы управления деятельности сельскохозяйственных организаций, которые должны сопровождаться рациональным использованием биологических активов. Категория биологических активов в современной учетной практике Республики Беларусь не используется в отличие от зарубежной. Мы понимаем под биологическими активами объекты, подверженные процессам биотрансформации, которая вызывает их количественное и качественное изменение, характеризующиеся биопродуктивностью, результатом которой является получение продукции [1]. Представленное определение коррелирует с международным стандартом IAS 41 «Сельское хозяйство» [2]. Несомненно, данный вид активов является определяющим для ведения сельскохозяйственной деятельности, что обуславливает необходимость его обособления как самостоятельного экономического и учетного объекта.

В целях аргументации данной точки зрения мы проанализировали долю биологических активов отрасли животноводства в структуре совокупных активов сельскохозяйственных организаций Гродненского района, специализирующихся в отрасли молочного скотоводства (рисунок 1). Классификация биологических активов, проведенная нами ранее [3], предполагает, что в отрасли животноводства к долгосрочным зрелым биологическим активам относятся животные основного стада и рабочий скот, а к категории краткосрочные зрелые биологические активы относятся животные на выращивании и откорме.

Как видно, общая доля биологических активов отрасли животноводства (крупный рогатый скот молочного направления) достигает от 4,46% в филиале «Скидельский» до 17,12% в СПК «Пограничный», 16,23% – СПК «Прогресс-Вертелишки», 16,78% – СПК «Заречный Агро». В среднем по району данный показатель составил 10,71%. Отметим, что у лидеров Гродненской

области в сельском хозяйстве – ПК им. В. И. Кремко и СПК им. И. П. Сенько – данный показатель много ниже и составляет соответственно 6,68% и 7,8%, что обусловлено существенным значением доли свиней на выращивании и откорме в общей структуре поголовья.

Совокупное поголовье по району животных основного стада составляет 22 730 голов, а животных на выращивании и откорме – 55 923 головы. При этом наибольшее поголовье животных основного стада содержится в СПК им. Деньщикова, а животных на выращивании и откорме – в СПК «Прогресс-Вертелишки»; наибольший живой вес животных основного стада и животных на выращивании и откорме отмечен в СПК им. Деньщикова. Наибольший показатель стоимости скота основного стада – также в СПК им. Деньщикова, а в категории животные на выращивании и откорме наибольший показатель в СПК «Прогресс-Вертелишки».

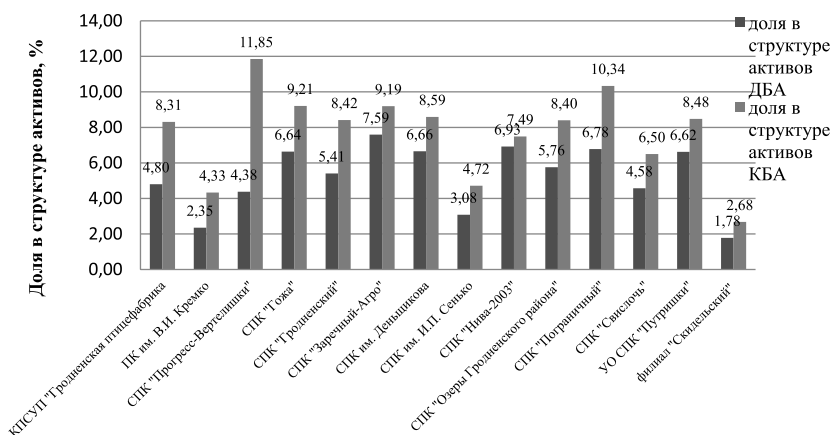

Рисунок 1. – Доля биологических активов животноводства в структуре совокупных активов на 01.01.2024 г. сельскохозяйственных организаций Гродненского района

Примечание: собственная разработка на основе отчетности сельскохозяйственных организаций.

Вероятно, имеют место несоответствия в стоимости биологических активов животноводства их физическому наличию (в головах и живом весе). Такие отклонения вызваны, на наш взгляд, недостоверной оценкой скота как определенного вида биологических активов.

Следовательно, важной проблемой, требующей решения, является вопрос оценки поголовья. Здесь стоит учитывать, что оценочным показателем

для животных основного стада (долгосрочные биологические активы) является балансовая стоимость одной головы, тогда как по животным на выращивании и откорме (краткосрочные биологические активы) – себестоимость одного центнера живой массы. Проблема усугубляется и тем, что в течение года из бухгалтерского баланса не видно реальной стоимости краткосрочных биологических активов в связи с их оценкой по плановой себестоимости, которая будет соответствовать фактической только на конец года после списания калькуляционных разниц.

Считаем, что для приведения в соответствие оценочных данных по биологическим активам отрасли животноводства следует использовать оценку исходя из их живой массы и средней закупочной цены, сложившейся в хозяйстве.

Литература

1. Гаврилюк, Ю. Н. Определение биологических активов как комплексного объекта экономической оценки / Ю. Н. Гаврилюк, С. Ю. Щербатюк // Современные технологии сельскохозяйственного производства: экономика, бухгалтерский учет, общественные науки : сб. науч. ст. по материалам XXII Междунар. науч.-практ. конф. (Гродно, 24 мая, 26 апр., 17 мая 2024 г.) / Гродн. гос. аграр. ун-т. – Гродно, 2024. – С. 188–191.

2. Международный стандарт финансовой отчетности IAS 41 «Сельское хозяйство» // Министерство финансов РФ. – URL: <http://minfin.ru> (дата обращения: 11.12.2023).

3. Гаврилюк, Ю. Н. Классификация биологических активов сельскохозяйственной организации / Ю. Н. Гаврилюк, С. Ю. Щербатюк // Современные технологии сельскохозяйственного производства: экономика, бухгалтерский учет, общественные науки : сб. науч. ст. по материалам XXII Междунар. науч.-практ. конф. (Гродно, 24 мая, 26 апр., 17 мая 2024 г.) / Гродн. гос. аграр. ун-т. – Гродно, 2024. – С. 186–188.

Глобализация и проблемы участия в ней Республики Беларусь

*Коряченко А. В., студ. II к. БГУ,
науч. рук. Киселевич А. И., канд. эк. наук, доц.*

Республика Беларусь, несмотря на ограниченный внутренний рынок, активно участвует в глобализации. Интеграция в глобальные цепочки создания стоимости позволяет снижать издержки и улучшать качество продукции, хотя этот процесс сдерживается структурными ограничениями, санкциями и политической изоляцией. Присутствие международных корпораций (Coca-Cola, EGGER и др.) и китайских компаний на белорусском рынке

подтверждает глубокую интеграцию страны в мировую экономику, демонстрируя ее высокую вовлеченность в глобальные процессы.

Интеграцию Беларуси в мировую экономику характеризуют относительно низкие таможенные тарифы (10–20%), отсутствие серьезных ограничений для выбора внешнеэкономических партнеров, приближение структуры внутренних цен к мировым (за исключением отдельных коммунальных тарифов), практически достигнутая конвертируемость белорусского рубля, а также высокая степень развития национальной платежной системы, хоть сейчас и уступающая западным. Тем не менее по данным индекса глобальной связанности компании DHL за 2022 г., Беларусь заняла лишь 146-е место, потеряв 31 позицию. Это обусловлено ограничениями, связанными с международными санкциями, а также усилением сотрудничества с отдельными странами СНГ, в частности с Россией [1–3].

Несмотря на сложности, участие Беларуси в глобализации приносит значимые преимущества. Экономическое сотрудничество с Россией и Китаем способствует привлечению инвестиций и развитию высокотехнологичных отраслей. Ключевым примером выступает индустриальный парк «Великий Камень», созданный в рамках инициативы «Один пояс, один путь». В 2023 г. товарооборот с Китаем достиг 8,5 млрд долл. США, при этом белорусский экспорт вырос на 30%. Присоединение к ШОС и БРИКС расширяет внешнеэкономические возможности: укрепляется сотрудничество с Индией, странами Африки и Латинской Америки, растет транзитный потенциал и поток инвестиций [4].

Инновационное развитие также демонстрирует положительные результаты. Парк высоких технологий, действующий с 2005 г., стал центром цифровой трансформации. В 2023 г. экспорт его услуг составил 1,8 млрд долл. США при положительном сальдо в 1,7 млрд долл. США. Внедрение ИИ и аддитивных технологий способствует модернизации экономики и росту ее конкурентоспособности [5].

Однако глобализация обостряет существующие проблемы. Беларусь остается зависимой от традиционных отраслей: в 2023 г. более 60% экспорта приходилось на минеральные продукты и машиностроение, что снижает гибкость экономики и повышает ее уязвимость. Актуальна и проблема утечки кадров: в 2023 г. за границу выехали 4,5 тыс. специалистов, преимущественно в ЕС. Согласно прогнозам, к 2050 г. в Европе может проживать до 600 тыс. белорусов [6].

Запреты на экспорт и импорт, особенно в высокотехнологичном сегменте, сдерживают рост макроэкономики. По данным МВФ, в 2022 г. ВВП Беларуси сократился на 4,7% вследствие санкций. В 2024 г. вступил в силу новый пакет ограничений ЕС, затронувший транспорт, торговлю и финансы [7].

В новых условиях Беларуси необходимо учитывать как вызовы, так и открывающиеся возможности, включая, во-первых, углубление регионального

сотрудничества (особенно в рамках Союзного государства) для снижения рисков в энергетике, транспорте и торговле. Во-вторых, развитие цифровой инфраструктуры и экспорта технологических решений, а также, в-третьих, формирование адаптивной рыночной политики, направленной на устойчивое развитие и долгосрочную стабильность в условиях глобализации.

Таким образом, участие Беларуси в глобализации несет как преимущества для экономического и социального развития, так и вызовы, требующие стратегической адаптации. От этого зависит ее конкурентоспособность и устойчивость в меняющемся мировом порядке.

Литература

1. Таможенное оформление // Benefit.by. – URL: <https://benefit.by/info/tamozhennoe-oformlenie/> (дата обращения: 02.04.2025).
2. Глобализация и проблемы участие в ней Беларуси / М. М. Ковалев // BSU.by. – URL: <https://bsu.by/upload/pdf/50723.pdf> (дата обращения: 25.03.2025).
3. DHL Global Connectedness Index 2023 // DHL International GmbH. – 2023. – URL: <https://www.dhl.com/global-en/microsites/core/global-connectedness/tracker.html> (дата обращения: 02.04.2025).
4. Восточное партнерство через ШОС и БРИКС // БелТА. – URL: <https://belta.by/politics/view/ekspert-vostochnoe-partnerstvo-cherez-uchastie-v-shos-i-briks-stanovitsja-dlja-belarusi-glavnym-689781-2025/> (дата обращения: 01.04.2025).
5. Факты о ПВТ // Парк высоких технологий. – URL: https://park.by/http/facts/index.php?sphrase_id=116901 (дата обращения: 26.03.2025).
6. МБД о трудовой миграции белорусов // Tochka.by. – URL: https://tochka.by/articles/life/mvd_raskrylo_v_kakie_strany_na_rabotu_uezzhayut_belorusy/ (дата обращения: 29.03.2025).
7. Annual Report 2023 // International Monetary Fund. – URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/ar/2023/> (date of access: 01.04.2025).

Международный валютный фонд (МВФ): участие в обеспечении финансовой стабильности в мире глобальных финансов

*Мазепина В. О., студ. II к. БГУ,
науч. рук. Киселевич А. И., канд. эк. наук, доц.*

Глобальная валютно-финансовая система находится сегодня в состоянии непрерывной трансформации и адаптации, претерпевая изменения в работе. При этом она ощущает на себе воздействие множества факторов, способных оказать деструктивное влияние. К ним относятся санкционные меры, нестабильность в политической и геополитической сферах, а также возникновение экономических кризисов. Для обеспечения стабильного развития

валютно-финансовой системы необходимо грамотное и действенное управление. К числу международных экономических организаций, которые занимаются данной проблематикой, относится Международный валютный фонд (МВФ). Международный валютный фонд – это центральное учреждение международной валютно-финансовой системы, то есть системы международных платежей и курсов национальных валют, которая позволяет странам вести между собой экономические операции [1]. На данный момент членами организации являются 190 стран. В своей деятельности МВФ ставит перед собой три главные задачи [2]:

- содействие развитию международного сотрудничества в валютной сфере;
- стимулирование расширения торговли и экономического роста;
- противодействие мерам политики, которые наносят бы ущерб процветанию.

Для решения данных задач используется процесс взаимодействия государств-членов МВФ, посредством которого страны сотрудничают друг с другом, а также с различными международными организациями, повышая экономические показатели развития.

Для того чтобы укреплять международную финансовую стабильность, МВФ применяет несколько инструментов: надзор, финансовое содействие и наращивание потенциала. Надзор подразумевает наблюдение за экономической и финансовой ситуацией, разработку рекомендаций для государств. Регулярный мониторинг государств-членов включает в себя ежегодные визиты, в ходе которых эксперты МВФ анализируют риски для экономики страны и мировой финансовой системы совместно с представителями правительства и центрального банка. В центре внимания находятся вопросы экономической политики, включая валютную, денежно-кредитную, налогово-бюджетную и финансовую сферы, а также структурные реформы. Обсуждаются и другие важные факторы: изменение климата и цифровизация. Кроме того, на более глобальном уровне МВФ отслеживает экономические тенденции в мире и регионах, оценивая влияние экономической политики отдельных стран на глобальную экономику.

Финансовое содействие включает в себя кредиты и другую финансовую помощь странам-членам МВФ. Важно отметить, в отличие от банков развития МВФ не выделяет займы на реализацию отдельных проектов. Вместо этого предлагает финансовую помощь государствам, столкнувшимся с экономическими потрясениями и кризисами, позволяя им проводить необходимые меры для восстановления стабильности и стимулирования экономического подъема. МВФ располагает широким спектром кредитов, адаптированных под специфические нужды каждой страны и текущей ситуации. Например, для стран с низким уровнем дохода предусмотрены займы без начисления процентов. Отсутствие своевременной финансовой помощи от

МВФ может значительно усложнить процесс экономической корректировки в стране. В частности, при нежелании инвесторов выделять дополнительные средства, государство рискует столкнуться с резким сокращением импорта и замедлением экономического роста. Однако кредиты фонда сопряжены с внедрением комплекса мер по улучшению экономической политики, они сигнализируют о проведении необходимых реформ и, как следствие, стимулируют возвращение частных капиталов.

Наращивание потенциала – еще один важный аспект деятельности МВФ. Здесь речь идет об обеспечении технической помощью и подготовке кадров. Международный валютный фонд поддерживает укрепление профессиональных навыков различными путями. Специалисты фонда могут лично или дистанционно взаимодействовать с представителями правительства, а также выполнять роль постоянных консультантов непосредственно в странах. Помимо этого, МВФ обладает обширной сетью региональных центров, направленных на развитие компетенций, и предоставляет как очные, так и онлайн-курсы для работников государственных стран-участниц.

Таким образом, роль МВФ в обеспечении финансовой стабильности в современных реалиях является очень значимой. Ставя перед собой определенные задачи и определяя важные векторы работы, организация способствует повышению устойчивости мировой экономической системы.

Литература

1. Справочник по МВФ / Международный Валютный фонд. – URL: <https://search.app/YCgAW9gm4kzDsQn6A> (date of access: 10.04.2025).
2. WHAT IS THE IMF? // International Monetary Fund. – URL: <https://www.imf.org/en/About/Factsheets/IMF-at-a-Glance> (date of access: 10.04.2025).
3. Туманов, Ю. И. Роль международного валютного фонда в мировой экономике и международной валютно-финансовой системе / Ю. И. Туманов, Г. А. Галимова. – 2018. – URL: <https://search.app/yudviNjUFL1VmWPu8> (дата доступа: 10.04.2025).

Рынок Daas-систем

*Мазуренко Я. Ю., студ. 1 к. БГУ,
науч. рук. ст. преп. Трясунова О. Е.*

Известный экономист Адам Смит некогда заявил, что существуют три фактора производства – труд, земля и капитал. Сейчас зачастую говорят о шести, добавляя к ранее упомянутым предпринимательские способности, технологии и информацию. В настоящей статье речь пойдет главным образом о последнем, поскольку оно непосредственно связано с предметом

статьи, то есть с системами Data-as-a-service (DaaS). Предмет статьи – DaaS-системы в современном секторе информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Гипотеза настоящей статьи состоит в том, что под влиянием научно-технического прогресса в этой отрасли хозяйства происходит замещение традиционных бизнес-моделей и инфраструктур новыми ввиду изменения среды и, как следствие, логики поведения фирм в индустрии.

Этот термин обозначает модель данных, как правило, облачного размещения, обеспечивающую доступ к хранимым данным посредством интернет-соединения вне зависимости от расположения пользователя или его инфраструктуры. Такие модели пользуются спросом, поскольку данные становятся фактором принятия решений в современном бизнесе [1].

Из изложенного в предыдущем абзаце логически следует, что управление данными и их обработка выделились в отдельную отрасль экономики в результате большого спроса на эти и подобные услуги, то есть сформировался отдельный рынок DaaS-услуг, в том числе и преимущественно готовых систем управления данными. Среди основных факторов, влияющих на развитие этого рынка, называют следующие:

- уменьшение издержек на хранение больших объемов данных;
- наличие больших объемов данных, накопленных фирмами, и продолжение процесса накопления;
- бизнес-модели на основе доступа (англ. access-based business models) вместо собственно купли-продажи товаров и услуг;
- наличие рисков, связанных в первую очередь с кибербезопасностью.

По данным отчета компании Mordor Intelligence [2], на 2025 г. размер рынка DaaS-систем составил приблизительно 25 млрд долл. США, а в ближайшие пять лет ожидается рост на более чем 30 млрд долл. США, что свидетельствует о росте, с одной стороны, спроса на такие услуги, а с другой стороны, об увеличении их предложения. По данным компании Market Research Future [3], ожидается рост рынка до 75,2 млрд долл. США к 2032 г. Из этих же данных видно, что переломным моментом для индустрии стал 2020 г., что, вероятно, связано с пандемией COVID-19, вызвавшей взрывной рост сектора ИКТ.

Не будет лишним напомнить также об исторической составляющей. Изначально рынок сектора ИКТ существовал, как и все прочие, по стандартной модели торговли услугами. Однако в отличие от многих других отраслей, в секторе ИКТ действуют очень специфические законы ценообразования, выражающиеся в пренебрежимо малых переменных издержках при относительно высоких постоянных (копия ПО стоит очень мало, но разработка каждой программы стоит дорого). Это и обуславливает существование в секторе ИКТ такого феномена, как DaaS-системы. Одним из важнейших свойств в условиях быстро меняющейся бизнес-среды в секторе ИКТ является гибкость, и DaaS-системы обеспечивают ее гораздо лучше предшествующих

систем: если сначала программное обеспечение (ПО) покупалось раз и навсегда по лицензии, то позднее оно начало продаваться по подписке (концепция software-as-a-service, SaaS). DaaS-системы, когда продаются данные, являются следующим этапом в развитии бизнес-моделей в секторе ИКТ. Самое большое их достоинство состоит в том, что DaaS-системы понижают транзакционные издержки: они полностью избавляют от издержек по содержанию обширной инфраструктуры данных, которые могут быть достаточно велики (собственный сервер, например, может стоить от 5 тыс. долл. США в зависимости от ожидаемой нагрузки), в то время как аренда облачных мощностей обыкновенно стоит около 100 долл. США и к тому же включает в себя техническую поддержку. Вместе с тем DaaS-системы имеют ряд недостатков, главными из которых остаются риски в области конфиденциальности и кибербезопасности, что может быть опасным для тех компаний ИКТ, которые работают с медицинскими, финансовыми и иными конфиденциальными данными.

Таким образом, DaaS-системы представляют собой несомненный прогресс по сравнению с предыдущими бизнес-моделями. На мой взгляд, они перспективны ввиду своего большого потенциала по снижению транзакционных издержек. Хотя существуют известные риски в области защиты конфиденциальности, эта проблема представляется разрешимой юридическими методами, попытки чего предпринимаются и в настоящий момент в разных странах мира, в том числе Республике Беларусь и странах ЕС.

Литература

1. Раджеш, С. Data as a Service (DaaS) in Cloud Computing / С. Раджеш, С. Свапна, П. Шайлендер Редди // Global Journal of Computer Science and Technology. – 2012. – Т. 12. – № 11. – С. 1–10.
2. Mordor Intelligence. Data as a Service Market Size – Industry Report on Share, Growth Trends & Forecasts Analysis (2025–2030) // Mordor Intelligence. – 2025.
3. Market Research Future. Data-as-a-Service (DaaS) Market Report // Market Research Future, 2025.

Стоимость «национального бренда»: как имидж страны превращается в экономическое преимущество

*Митина В. Д., студ. II к. БГУ,
науч. рук. ст. преп. Назарова С. Ф.*

В условиях глобализации конкуренция между государствами выходит за рамки военно-политического или ресурсного доминирования. Все большую роль играет национальный бренд – комплекс представлений о стране, формируемых через культуру, качество товаров, инновации и политику. Этот

нематериальный актив, по мнению Саймона Анхольта, создателя концепции Nation Brands Index (NBI), непосредственно влияет на экономические показатели: от объема экспорта до притока инвестиций. Национальный бренд не существует в вакууме – его ценность напрямую коррелирует с экономической мощью и институциональной стабильностью страны. Макроэкономические индикаторы – ВВП, уровень инфляции и экспортный потенциал – формируют базис для международного доверия.

Механизм воздействия национального бренда основан на доверии. Страны с устойчивым позитивным имиджем привлекают больше туристов, легче продвигают товары на внешние рынки и получают преференции в международных отношениях. Германия, занимающая первое место в NBI-2022, служит ярким примером [1]. Бренд «Сделано в Германии» ассоциируется с технологическим совершенством: доля страны в мировом экспорте машин и оборудования достигает 16,9%, а общий объем экспорта в 2024 г. составил 1,59 трлн долларов, несмотря на скромный 1% населения планеты [2]. Это стало возможным благодаря десятилетиям инвестиций в стандарты качества и репутацию таких немецких компаний, как Bosch и Siemens.

Ключевую роль играют и отраслевые стратегии. Рассмотрим на примере виноделия. Франция десятилетиями выстраивала систему Appellation d'Origine Contrôlée (AOC), законодательно закрепляющую уникальность региональных продуктов. Это не только защитило ее вина от подделок, но и создало ауру исключительности. Благодаря этому шампанское из провинции Шампань продается в 3–5 раз дороже игристых вин из Калифорнии или Южной Африки, даже если сомелье не всегда могут отличить их в слепых дегустациях. Инвестиции в стандартизацию, защиту интеллектуальной собственности и продвижение культурного наследия окупались многократно.

Около 60–70% решений о покупке зависят от страны-производителя. Этот феномен, известный как Country of Origin Effect, особенно заметен в сегменте люксовых товаров. Швейцарские часы Rolex или французские вина Bordeaux становятся статусными символами именно благодаря географии. Однако стереотипы могут быть и препятствием. Китай, несмотря на технологический прорыв, до сих пор борется с имиджем «фабрики мира», ведь половина потребителей в ЕС еще сомневается в качестве китайских товаров, даже если те соответствуют европейским стандартам.

Культурный нарратив также играет ключевую роль. Япония, сочетающая традиции и инновации, смогла превратить аниме, кухню и технологические бренды (Sony, Toyota) в инструменты «мягкой силы». Если в 2011 г. страну посетило 6,2 млн туристов, то к 2024 г. их число выросло до 36,9 млн, принося 36,2 млрд долларов дохода [3]. На данный момент, начиная с 2023 г., Япония занимает первенство в рейтинге NBI. Интересный контраст – Южная Корея, которая пошла дальше, сделав ставку на «Халлю» («корейскую волну»).

Экспорт культурной продукции – К-роп и дорамы – увеличился с 2010 г. в шесть раз, а вклад креативных индустрий в ВВП ежегодно растет на 0,3%.

Однако имидж страны хрупок. Политические кризисы, санкции или экологические скандалы способны разрушить многолетние усилия. Россия после событий 2014 г. столкнулась с падением позиций в NBI с 22-го на 58-е место к 2023 г., что привело к сокращению прямых иностранных инвестиций (ПИИ) почти в четыре раза. Даже мощная ресурсная база не компенсирует потери доверия: международные компании избегают сотрудничества из-за репутационных рисков.

Управление национальным брендом требует системного подхода. Государствам необходимо развивать не только «точечные» проекты вроде туристических компаний, но и инвестировать в образование, инфраструктуру и международную дипломатию. Страны с высоким индексом человеческого развития (ИЧР) устойчивее в рейтингах доверия, что напрямую влияет на макроэкономическую стабильность. Таким образом, национальный бренд является своего рода долгосрочным активом. В эпоху глобализации национальный бренд становится валютой, которая конвертируется не только в рыночную долю, но и в политическое влияние. А те, кто научится управлять этой валютой, будут определять правила игры на рынках будущего.

Литература

1. Nation Brands Index 2022 Report // IPSOS. – 2022. – URL: <https://www.ipsos.com/en/nation-brands-index-2022> (date of access: 14.04.2025).
2. Statistisches Bundesamt // Destatis. – 2025. – URL: https://www.destatis.de/EN/Themes/Economy/Foreign-Trade/_node.html (date of access: 14.04.2025).
3. Japan National Tourism Organization // Statistical presentation. – 2025. – URL: <https://www.jnto.go.jp> (date of access: 14.04.2025).

«Города-призраки» Китая, экономические причины и последствия их возникновения

*Мицкевич Т. В., Терезулова Е. А., студ. 1 к. БГУ,
науч. рук. ст. преп. Киселевич А. И., канд. эк. наук*

Стремительное превращение Китая во вторую по величине экономику мира считается определяющей чертой начала XXI в. Одним из «побочных» явлений такого развития стали так называемые «города-призраки» – огромные городские районы, рассчитанные на большое количество жителей, но в большинстве своем оставшиеся незаселенными.

Основные экономические причины возникновения «городов-призраков» [1]:

- *Быстрый экономический рост.* Китайские «города-призраки» – продукт агрессивной инвестиционной экономической стратегии страны. После мирового финансового кризиса 2008 г. Китай приступил к реализации программы стимулирования экономики, в которой особое внимание уделялось развитию инфраструктуры и недвижимости. Целью правительства было поддержание экономического роста и урбанизации [1].
- *Недвижимость как предпочтительная инвестиция.* Для растущего среднего класса Китая недвижимость воспринимается как безопасный, прибыльный и один из немногих надежных способов инвестирования. В условиях жесткого контроля за движением капитала, ограничивающего инвестиции за рубеж, недвижимость стала предпочтительным средством сохранения и приумножения богатства. Это стимулирует спекулятивные инвестиции, когда квартиры покупаются, но остаются пустыми в ожидании будущего роста стоимости. Уровень домовладения в стране один из самых высоких в мире – около 90%, причем большинство недавних покупок – это приобретение второго и третьего объекта недвижимости [2]. Кроме того, владение недвижимостью в Китае считается символом статуса и обязательным условием для вступления в брак.
- *Финансирование местных органов власти.* Местные органы власти в Китае сыграли ключевую роль в распространении «городов-призраков». Столкнувшись с необходимостью финансировать социальные услуги и при этом перечислять большую часть налоговых поступлений в Пекин, местные власти прибегли к продаже земли и реализации девелоперских проектов для получения доходов. Эти механизмы финансирования местных органов власти стали важными инструментами для финансирования местных бюджетов, часто приводя к чрезмерному строительству городских районов.

Далее рассмотрим экономические последствия появления «городов-призраков». Поскольку население Китая стареет, а миграция в города замедляется, то ожидается, что спрос на жилье будет снижаться, что может привести к обвалу цен на недвижимость. Прямой и косвенный вклад недвижимости в ВВП Китая составляет 20–30% [3]. Спад в этом секторе может иметь серьезные последствия для экономики в целом. По оценкам, падение активности в сфере недвижимости на 20% может привести к снижению ВВП на 5–10% [4].

Развитие недвижимости способствовало росту ВВП, но в то же время привело к неправильному распределению ресурсов. Высокий уровень долга, накопленный застройщиками, создает значительные финансовые риски и может привести к банковскому кризису в случае невыполнения застройщиками обязательств по кредитам.

Решение проблемы «городов-призраков» требует тонкого политического вмешательства. Чтобы предотвратить крах, Китаю, возможно, придется перейти к модели роста, основанной на потреблении. В настоящее время на потребление приходится лишь 32% ВВП, что гораздо ниже, чем в развитых странах [1].

В заключение следует отметить, что китайские «города-призраки» отражают трудности и противоречия быстрого экономического развития страны. По мнению отдельных экспертов, возникновение «городов-призраков» – явление для Китая скорее положительное. Возможно, по мере перенесения правительственных офисов и университетских кампусов в новые районы «призраки» постепенно исчезнут. Примером может являться Пудун, который с 1990-х до начала 2000-х гг. оставался самым большим и «призрачным» в стране, а впоследствии превратился в крупный международный торговый узел с населением в 5 млн человек. Таким образом, проблема «городов-призраков» считается устранимой и не может поставить под вопрос эффективность китайской урбанизации в целом [5, 6].

Литература

1. Ghost Cities of China // Planning Times. – URL: <https://planningtimes.com/real-estate/ghost-cities-of-china-examples-economic-drivers-policy/> (date of access: 14.04.2025).
2. Do Chinese own their homes? // Study Country. – URL: <https://www.study-country.com/wiki/do-chinese-own-their-homes> (date of access: 14.04.2025).
3. Is property really 29% of China's GDP? // Study Country. – URL: <https://www.studycountry.com/wiki/is-property-really-29-of-chinas-gdp> (date of access: 14.04.2025).
4. China GDP: how will economic growth be hit by Beijing's new caps on real estate lending? // South China Morning Post. – URL: <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3117401/how-will-chinas-gdp-be-hit-beijings-new-caps-real-estate> (date of access: 14.04.2025).
5. Погудина, Ю. Ю. Появление феномена «Город-призрак» в процессе урбанизации Китая / Ю. Ю. Погудина. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poyavlenie-fenomena-gorod-prizrak-v-protssesse-urbanizatsii-kitaya?ysclid=m9d0oa-w2fq989614340> (дата доступа: 14.04.2025).
6. Население Пудуна 2025 // Az Nations. – URL: <https://ru.aznations.com/population/cn/cities/pudong-1> (дата доступа: 14.04.2025).

Тенденции и перспективы развития международного рынка косметики

*Мушуруй А. С., студ. IV к. БГУ,
науч. рук. проф. Климович Л. А., канд. эк. наук, доц.*

В нынешних реалиях косметическим компаниям важно правильно разработать маркетинговую стратегию для продвижения своей продукции, ведь в данной отрасли присутствует весьма сильная конкуренция из-за перенасыщенного компаниями рынка.

Несмотря на это, косметический сектор демонстрирует активное развитие и устойчивый рост. В 2024 г. мировой рынок косметики оценивался в 335,95 млрд долларов США. По прогнозам, к 2032 г. рынок вырастет с 354,68 млрд долларов США в 2025 г. до 556,21 млрд долларов США, демонстрируя среднегодовой темп роста 6,64% в течение прогнозируемого периода. Однако ключевой особенностью этого рынка является его высокая волатильность и подверженность быстрым изменениям [1].

В современном мире одной из ключевых тенденций в данной отрасли является экологичность и натуральность ингредиентов. Это вынуждает компании переходить на биоразлагаемую упаковку, сокращение логистических цепочек и химикатов в средствах, а также на внедрение ESG-принципов. Экологическая ответственность становится не просто трендом, а ключевым фактором успеха для брендов, стремящихся к лояльности клиентов [2].

Благодаря технологическому прорыву в отрасли появляется все больше инноваций в производстве косметики. Cosmeticsdesign Europe выделяют три ключевых тренда: улучшение биодоступности ингредиентов, расширение применения биоинженерии и разработка «умных» компонентов, адаптирующихся к индивидуальным особенностям кожи.

Влияние личных брендов на продажи косметики обусловлено авторитетом лидеров мнений. Таким образом, запуск бренда медийной личностью обеспечивает мгновенный приток потребителей и формирование лояльной аудитории.

Спрос на мужскую косметику стремительно растет. По прогнозам, к 2030 г. рынок достигнет 110 млрд долларов. Исследования показывают, что 56% мужчин сегодня покупают больше средств по уходу, чем в 2020 г. Растущий интерес подтверждается и увеличением числа поисковых запросов по теме мужского ухода за кожей, которые в 2024 г. составили около 40 000 [2].

Также все больше прослеживается тренд на косметику с ухаживающими свойствами. Наблюдается тенденция к интеграции уходовых и декоративных свойств в косметических продуктах. Потребительский спрос на multifunctional средства, обеспечивающие как эстетический эффект, так и уход за кожей, стимулирует разработку инновационных формул и продуктов,

сочетающих в себе обе функции. Это позволяет производителям предлагать более комплексные решения, отвечающие всевозможным запросам потребителей.

Пандемия COVID-19 ускорила переход потребителей к онлайн-покупкам, сделав их основным способом приобретения товаров. Интернет-торговля косметикой занимает значительную долю рынка, превышая 20%, и показывает устойчивый рост – 12% в год [2].

Что касается региональных рынков, то Азиатско-Тихоокеанский регион демонстрирует наиболее динамичный рост и считается самым перспективным рынком косметики, объем которого в 2023 г. достиг 120 млрд долларов. Ключевым фактором роста является высокая доля потребителей, регулярно использующих косметические продукты (55% населения). Лидирующую позицию в регионе занимает Китай, на который приходится около 40% всех продаж. США и Европа также демонстрируют положительную динамику, фокусируясь на новых разработках и уникальных продуктах. Ожидается, что среднегодовой рост рынка США составит 4% к 2029 г. В 2024 г. объем рынка оценивался в 124,53 млрд долларов США. В 2023-м в Европе розничная торговля принесла около 106 млрд долларов. Ближний Восток и Африка, благодаря урбанизации и увеличению числа людей со средним достатком, представляют перспективные направления для развития [2].

Таким образом, можно выделить прослеживающиеся перспективы для данного рынка: ежегодный рост и увеличение объемов продаж косметических средств; внедрение и использование ESG-принципов; рост сегмента мужской косметики; рост онлайн-продаж; большой потенциал Азиатско-Тихоокеанского региона.

Существующие тренды, скорее всего, продолжают оказывать влияние на рынок. Чтобы оставаться конкурентоспособными в условиях быстро меняющейся среды, компаниям необходимо уже сейчас начать адаптироваться к этим изменениям. Данный рынок имеет большой потенциал и перспективы, которые связаны с устойчивым ростом, активным внедрением инноваций и увеличением спроса на экологичные и персонализированные продукты.

Литература

1. Cosmetics Market Size, Share & Industry Analysis. – URL: <https://www.fortunebusinessinsights.com/cosmetics-market-102614> (date of access: 12.04.2025).
2. Cosmetics Market Size, Share, Trends and Forecast by Product Type, Category, Gender, Distribution Channel, and Region, 2025–2033. – URL: <https://www.imarcgroup.com/cosmetics-market> (date of access: 12.04.2025).

Влияние интернет-маркетинга на формирование потребностей

*Напольских Е. А., магистрант I к. ГрГУ им. Я. Купалы,
науч. рук. Чигрина А. И., канд. эк. наук, доц.*

В данной работе рассмотрены составные инструменты интернет-маркетинга и их влияние на формирование потребностей общества, потребительские предпочтения и поведение.

Актуальность темы обусловлена непрерывным ростом числа пользователей сети интернет, влиянием инструментов интернет-маркетинга и интерактивных пространств на общество и формирование его потребностей.

Цель данного исследования – определить влияние интернет-маркетинга на формирование потребностей в обществе.

Задача данной статьи – на основании теоретических аспектов потребностей и интернет-маркетинга исследовать влияние и установить взаимосвязь со стороны интернет-маркетинга на формирование потребностей человека.

Процесс изучения понятия «потребность» показал, что общепринятым является понимание потребности как нужда, принявшая специфическую форму в соответствии с культурным уровнем и личностью индивида [1, с. 18].

С развитием современных информационных технологий, непрерывным ростом пользователей интернет-маркетинг становится ключевым каналом коммуникации с потребителем и фактором влияния на общество. Интернет-маркетинг – это относительно дешевый общемировой информационный канал, который характеризуется высокой оперативностью, целенаправленностью воздействия, достаточно быстрой обратной связью с потенциальными клиентами, дешевизной рекламных акций и маркетинговых мероприятий [2, с. 165].

Основными инструментами интернет-маркетинга являются контекстно-медийная реклама, контент-маркетинг, поисковая оптимизация, email-маркетинг и социальный маркетинг.

Контекстно-медийная реклама собирает данные о поведении потребителей в сети, анализирует их пристрастия, предлагая на баннерах товары и услуги. В результате формируются новые желания, ранее не существовавшие у человека.

Поисковая оптимизация – это ресурс доступа к огромному количеству информации о товарах и услугах. Поисковая оптимизация предполагает создание контента и использование технических средств.

Email-маркетинг предоставляет контент в виде рассылки писем на электронную почту, информируя потребителей об акциях и новых продуктах. Контент-маркетинг подразумевает подготовку и распространение

высококачественной, актуальной и ценной информации, которая не является рекламой, но косвенно убеждает аудиторию принять необходимое распространительно решение, выбрать его услугу [3, с. 177]. Скорость и частота изменения потребностей обусловлены степенью освещения информационного контента и его популярностью. Социальный маркетинг использует инструменты психологии, создавая эмоциональную связь, меняя взгляды и ценности в обществе. Отзывы в блогах, на сайтах оказывают влияние на восприятие продукта и зарождают потребности через мнения других людей. Формируется потребность и желание обладать продуктом из-за ассоциаций с образом жизни и статусом. Привлечение лидеров мнений для продвижения услуг и товаров формирует новые потребности, в связи с восприятием обществом рекомендуемой информации как важной и необходимой для их жизни.

Влияние интернет-маркетинга на общество выражается в неограниченном доступе к информации, создании осведомленности общества, эмоциональном взаимодействии, формировании новых трендов, социальном влиянии, изменении норм и ценностей, мотивации к самообразованию и развитию, становлении новых потребностей в обществе. Информационные потоки создают новые потребности, предпочтения, идеалы в области моды и красоты, установки в здоровом образе жизни, образовании. Также развиваются потребительский экстремизм и импульсные покупки ненужных вещей человеку.

Таким образом, интернет-маркетинг играет ключевую роль в мотивации человека и развитии его потребностей, формируя осведомленность, потенциальные желания, влияя на предпочтения потребителя, на модели и сценарии потребительского поведения. Перспективы дальнейшего влияния интернет-маркетинга на общественное поведение и формирование потребностей обусловлено проникновением в жизнь искусственного интеллекта, усилением распространения социальных трендов, позиционирования взглядов и ценностей.

Литература

1. Котлер, Ф. Основы маркетинга. Краткий курс / Ф. Котлер. – СПб. : Диалектика, 2020.
2. Царёв, В. В. Электронная коммерция / В. В. Царёв, А. А. Кантарович. – СПб. : Питер, 2002. – 320 с.
3. Маркетинг в социальных медиа. Интернет-маркетинговые коммуникации : учебное пособие / под ред. Л. А. Данченко. – СПб. : Питер, 2013. – 288 с.

Проблемы развития отношений между ТНБ ИТ-компаниями

*Протасовская Э. М., студ. II к. БГУ,
науч. рук. Стефанович И. В., канд. эк. наук, доц.*

Взаимодействие между банками и ИТ-компаниями становится ключевым фактором в эпоху цифровой трансформации. Пандемия COVID-19 ускорила этот процесс, подтолкнув банки к сотрудничеству с компаниями в сфере финансовых технологий. Сегодня более 65% руководителей ИТ-компаний уделяют приоритетное внимание партнерству с банками. Такое активное сотрудничество позволяет банкам и финтех-компаниям использовать преимущества друг друга. К 2035 г. применение искусственного интеллекта может повысить прибыльность финтеха на 38%, что отражает его значительное влияние на экономику в целом [1]. Наиболее яркие примеры формирования бизнес-экосистем в Российской Федерации – это Сбербанк и Яндекс: каждая компания формирует свою экосистему и вместе с тем поддерживают взаимное сотрудничество [2].

Появившиеся недавно ИТ-компании отличаются гибкостью, активно перестраивают вектор развития в сторону глобальных трендов и обладают большой степенью клиентоориентированности. Эволюция ИТ-инфраструктуры в банковской сфере характеризуется сдвигом в сторону большей гибкости и безопасности. Именно поэтому на первый план во многих исследовательских работах выходит анализ основных цифровых тенденций, которые формируют ИТ-инфраструктуру в данной отрасли, пристальное внимание уделяется интеграции передовых технологических решений и стратегий адаптации, требуемых для удовлетворения потребностей цифровой экономики. Благодаря данному виду сотрудничества происходит столь быстрое развитие технологий в банковской сфере. Однако это может привести к определенным проблемам в кооперации банков и ИТ-компаний. Среди банков с активами менее 100 млрд долларов США в половине нет персонала, занимающегося финансовыми партнерствами, а в тех, где он есть, наблюдается слишком малая их концентрация.

Еще одной проблемой взаимодействия выступает неэффективная структура организации. Среди банков, в которых выделены роли финтех-партнеров, только треть имеют лишь централизованную команду, а еще треть – распределенный по всему банку партнерский персонал. Банкам нужна гибридная модель – централизованная команда для ИТ-интеграции и персонал, отвечающий за реализацию партнерства.

В качестве еще одной проблемы можно выделить отсутствие навыков партнерства. Партнерство в сфере финансовых технологий – это новое направление для большинства банков. Специалисты в области ИТ и других

сферах бизнеса могут быть экспертами в своем деле, но это не значит, что у них есть навыки и опыт, необходимые для руководства партнерствами именно в сфере финансовых технологий [3].

Таким образом, развитие интернет-технологий способствовало цифровой трансформации банков, и тенденция информатизации банковского дела постоянно усиливалась, что выдвигает более высокие требования к возможностям обслуживания банков и других финансовых учреждений.

Литература

1. Бушуев, П. Тренды цифровизации банкинга в 2025 году: основные направления развития и технологии / П. Бушуев // *Dynamika*. – URL: <https://dynamika.ru/trendy-tsifrovizatsii-bankinga-v-2025/> (дата обращения: 03.04.2025).

2. Лебедева, А. С. Развитие экосистем банков на основе современных цифровых технологий / А. С. Лебедева, О. Е. Решетникова // *Молодой ученый*. – 2020. – № 52 (342). – С. 328–334. – URL: <https://moluch.ru/archive/342/76912/> (дата обращения: 11.03.2025).

3. Shevlin, R. The Beginning Of The End Of Bank-Fintech ‘Partnerships’ / R. Shevlin // *Forbes*. – URL: <https://www.forbes.com/sites/ronshevlin/2023/12/04/2024-the-beginning-of-the-end-of-bank-fintech-partnerships/> (date of access: 03.04.2025).

Иностранные инвестиции в Республике Беларусь: состояние и перспективы развития

*Пузанкевич Д. С., студ. III к. БГУ,
науч. рук. проф. Давыденко Е. Л., д-р эк. наук, проф.*

Иностранные инвестиции представляют собой важный источник экономического роста для Республики Беларусь, играя ключевую роль в модернизации производств, создании рабочих мест и трансфере технологий. В условиях ограниченного внутреннего инвестиционного ресурса приток внешнего капитала позволяет поддерживать устойчивое развитие национальной экономики, повышать ее конкурентоспособность и интеграцию в глобальные экономические процессы.

Беларусь применяет широкий спектр правовых и организационных мер для привлечения инвестиций. Ключевым законодательным актом выступает Закон «Об инвестициях», обеспечивающий гарантии для инвесторов, включая защиту прав собственности, перевод доходов за рубеж, компенсации в случае экспроприации и судебную защиту [5]. Страна активно использует такие инструменты государственной поддержки, как создание свободных экономических зон, внедрение механизма государственно-частного партнерства, а также предоставление налоговых льгот [4].

В последние годы наблюдается рост инвестиций в основной капитал. Так, с 2019-го по 2023 г. общий объем инвестиций увеличился на 47 %, с 21 033 млн руб. до 31 042 млн руб., причем доля частного сектора остается стабильно высокой [3]. Однако прямые инвестиции, являющиеся основной составляющей в структуре иностранных инвестиций, также показали уменьшение с 7,634.2 млн долл. США в 2019 г. до 6,558.0 млн долл. США в 2023 г., что может свидетельствовать о потере привлекательности более долгосрочных инвестиционных проектов [3].

Беларусь сохраняет определенные конкурентные преимущества на региональном уровне: выгодное географическое положение, развитая логистика, участие в ЕАЭС, доступ к рынкам России и Казахстана. Однако для повышения инвестиционной привлекательности необходимо решить ряд системных проблем – от совершенствования судебной системы до повышения прозрачности регулирования и предсказуемости экономической политики [2].

Значительный потенциал сохраняют такие отрасли, как ИТ и высокие технологии, агропромышленный комплекс и промышленное производство. Развитие индустриальных парков, таких как «Великий Камень», демонстрирует возможности кластерной модели роста, опирающейся на синергию иностранных и местных компаний [1].

В перспективе приоритетами инвестиционной политики Беларуси станут развитие экспортно-ориентированных производств с высокой добавленной стоимостью, углубление технологической специализации и интеграция в международные цепочки поставок. Предусматривается активное привлечение стратегических инвесторов в сфере машиностроения, фармацевтики, переработки сельхозпродукции и цифровой экономики. Ожидается, что реализация Стратегии привлечения ПИИ до 2035 г. обеспечит переход к устойчивой модели роста, а развитие нормативной базы и членство в международных соглашениях обеспечит гарантии правовой защиты капитала [6].

Опыт стран, успешно привлекающих ПИИ (Китай, Сингапур, Германии), показывает эффективность сочетания макроэкономической стабильности, институциональных реформ, низкого уровня коррупции и активного диалога с бизнесом [7]. Беларуси предстоит адаптировать лучшие международные практики к собственным условиям и на этой основе выстраивать долгосрочную инвестиционную стратегию.

Таким образом, иностранные инвестиции остаются важнейшим инструментом стимулирования роста и модернизации экономики Беларуси. Ключевыми задачами на ближайшую перспективу являются восстановление доверия инвесторов, институциональная реформа, развитие цифровой инфраструктуры и углубление интеграции в международные рынки капитала.

Литература

1. Индустриальный парк «Великий камень». – URL: <https://industrialpark.by> (дата обращения: 10.04.2025).
2. Куницкая, О. М. Правовое регулирование ограничений при осуществлении инвестиций в Республике Беларусь и КНР / О. М. Куницкая // Актуальные проблемы достижения целей устойчивого развития в условиях цифровой трансформации государства и права в Республике Беларусь : материалы Республиканской научно-практической конференции. – Минск, 2022. – С. 239–243.
3. Литвинюк, Т. А. Иностранные инвестиции : учеб. пособие / Т. А. Литвинюк. – Краснодар : Изд. ФГБОУ ВО «КубГТУ», 2021. – 176 с.
4. О развитии предпринимательства: декрет Президента Республики Беларусь от 23 ноября 2017 г. № 7 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 2017. – 28 ноября. – № 1/17400.
5. Об инвестициях: Закон Республики Беларусь № 350-З от 08.01.2024 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Минск, 2024. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11300053> (дата обращения: 10.04.2025).
6. Стратегия привлечения прямых иностранных инвестиций в Республику Беларусь до 2035 г. – URL: <https://investinbelarus.by/press/Стратегия.pdf> (дата обращения: 10.04.2025).
7. World Investment Report 2023: Trends and Prospects / UNCTAD. – Geneva : United Nations, 2023. – 204 p. – URL: <https://unctad.org/investmentreport> (дата обращения: 10.04.2025).

Экономическое сотрудничество КНР и Республики Беларусь: перспективы и результаты

*Радкевич А. С., Воробьева З. Ю., студ. I к. БГУ,
науч. рук. Киселевич А. И., канд. эк. наук, доц.*

Белорусско-китайское сотрудничество, начавшееся в 1990-х годах, переросло в стратегическое партнерство с акцентом на экономику и инвестиции. Сегодня Беларусь является ключевым партнером Китая в Евразии, занимая важное место в инициативе «Один пояс, один путь».

Сотрудничество между странами охватывает торговлю, инвестиции, индустриальные зоны, транспорт и инфраструктуру. Поддержка на высшем уровне и стабильная нормативная база позволяют двусторонним отношениям достичь нового уровня взаимовыгодного взаимодействия.

С 2016-го по 2020 г. объем товарооборота между КНР и Беларусью вырос с 1,5 до 3 млрд долларов США, демонстрируя устойчивую положительную динамику [1]. Китай занимает третье место среди внешнеэкономических

партнеров Беларуси. В 2022 г. товарооборот достиг 4,47 млрд долларов, при этом основную часть составляют китайские поставки в Беларусь [2].

Экспорт из Беларуси в Китай включает калийные удобрения, молочные и мясные изделия, древесину и продукцию машиностроения. Из Китая импортируются автотехника и комплектующие, электроника, бытовая техника, текстиль и обувь.

Китайские инвестиции в Беларусь сосредоточены в таких проектах, как индустриальный парк «Великий камень», сборка автомобилей Geely, строительство гостиницы Beijing Hotel и предприятий Media Group [1]. На конец 2020 г. объем накопленных китайских инвестиций в Беларуси составил 607 млн долларов США, снизившись из-за пандемии COVID-19. При этом китайские инвестиции составляют лишь 3% от общего объема иностранных инвестиций в Беларусь [2].

Сотрудничество развивается и в рамках инициативы «Один пояс, один путь», где Беларусь играет роль ключевого транзитного узла на пути в Европу. Этот статус поддерживается как политически, так и через реальные инвестиционные и инфраструктурные проекты [3]. В свою очередь Беларусь видит в Китае источник инвестиций и партнера в технологическом развитии. Однако сотрудничество сталкивается с рядом вызовов: дисбаланс в структуре экспорта, ограниченный объем китайских инвестиций относительно возможного потенциала, административные барьеры в деловой среде, а также геополитическая нестабильность и давление санкций. Эти факторы требуют внимательного анализа и решения для укрепления взаимодействия между странами.

Важным элементом будущего развития является преобразование промышленности Беларуси и углубление кооперации в сфере высоких технологий, сельского хозяйства, логистики и туризма.

Таким образом, экономическое сотрудничество Беларуси и Китая показывает положительную динамику и получает значительную политическую поддержку. Проекты, включая расширение торговли, развитие логистики и индустриальный парк «Великий камень», подтверждают устойчивость партнерства. Благодаря стратегическому положению, Беларусь играет важную роль в реализации глобальных инициатив Китая, связывая его с Европой. В условиях геэкономических изменений и растущего интереса Китая к региону перспективы сотрудничества остаются благоприятными.

Литература

1. Минцзин, Лю. Развитие торгово-экономического сотрудничества между Беларусью и Китаем / Лю Минцзин. – Минск : БГЭУ, 2022. – С. 278–287.
2. Чжичао, Ши. Сотрудничество Республики Беларусь с Китайской Народной Республикой в условиях активизации политики протекционизма стран Запада / Ши Чжичао // Веснік БГЭУ. – 2024. – № 1. – С. 40–50.

3. Цзяхуэй, Яо. Беларусь и КНР: торгово-экономическое сотрудничество в контексте реализации стратегии «Экономический пояс Шелкового пути» / Яо Цзяхуэй. – URL: <https://evolutio.info/ru/journal-menu/2017-1-2/2017-1-2-yaojiahui> (дата доступа: 14.04.2025).

Зарубежный опыт поддержки малого и среднего бизнеса (на примере стран с малой экономикой)

*Селюн Д. П., студ. IV к. БГУ,
науч. рук. проф. Давыденко Е. Л., д-р эк. наук*

Малый и средний бизнес (МСБ) составляет фундаментальную основу экономической структуры стран с малой экономикой, демонстрируя более высокую значимость для национального развития по сравнению с крупнейшими экономиками мира. При этом вклад малого и среднего бизнеса проявляется еще и в созданной добавленной стоимости. Например, более половины ВВП в нефинансовом секторе Европейского союза (ЕС) генерируется именно субъектами МСБ.

Правительства стран с малой экономикой разрабатывают множество специальных мер, которые призваны поддержать малые и средние предприятия (МСП), особенно после череды кризисов последних лет. На уровне ЕС принят комплексный подход, ориентированный на помощь малому бизнесу. В рамках антикризисного Плана восстановления и устойчивости (RRF) значительная часть средств направляется именно на МСП – до €45 млрд выделено на поддержку малого бизнеса, дополнительно около €65 млрд – через другие фонды. Эти ресурсы идут на льготное финансирование, субсидии, гранты и цифровизацию предприятий. Параллельно в 2023 г. Еврокомиссия инициировала «Пакет помощи МСП» (SME Relief Package) – набор мер по снижению регуляторной нагрузки и облегчению налогового бремени для малого бизнеса. В числе прочего он предусматривает упрощение налоговой отчетности, ускорение лицензирования, борьбу с задержкой платежей и расширение доступа МСП к программам ЕС [1].

Что касается национального уровня, то правительства малых экономик ЕС развернули собственные программы поддержки. Однако, как правило, они увязаны с общеевропейской стратегией, а финансирование поступает в том числе из средств ЕС. Так, в Латвии в 2023 г. утверждена масштабная программа поддержки МСП общим бюджетом €73,4 млн на период 2021–2027 гг. Ее цель – стимулировать инновации и экспорт среди малого бизнеса через поддержку технологичных стартапов, бизнес-инкубаторов и вывод малых фирм на внешние рынки. Аналогично в Эстонии действует фонд цифровой трансформации для МСП, в Словении – льготное кредитование

инновационных малых предприятий, в Хорватии – субсидии малому туристическому бизнесу и т.д. [1].

Эффективность данных программ подтверждается статистическими данными, свидетельствующими, что, несмотря на макроэкономические вызовы последних лет, сектор МСБ в малых экономиках ЕС демонстрирует относительную устойчивость. Особенно показательны результаты реализации мер поддержки в контексте цифровизации малого бизнеса. По данным Европейской комиссии, количество МСП, внедривших цифровые инструменты в свои бизнес-процессы, увеличилось на 23% в период с 2020-го по 2023 г. Этому способствовало развертывание сети из 150 цифровых инновационных хабов по всей Европе, которые обеспечивают малым предприятиям доступ к новейшим технологиям и экспертизе [2].

Говоря о Республике Беларусь, малый и средний бизнес играет значительную роль в экономическом развитии страны, выступая важным фактором обеспечения занятости населения, формирования конкурентной среды и повышения инновационного потенциала экономики. В то же время такие факторы, как пандемия COVID-19 в 2020 г. оказала негативное влияние на деятельность малых и средних предприятий, вызвав сокращение потребительского спроса и нарушение цепочек поставок, что привело к временному снижению выручки и занятости в секторе. В ответ многие предприятия успешно освоили онлайн-продажи, организовали службы доставки и оптимизировали свои расходы, а государством была создана программа «Малое и среднее предпринимательство» для долгосрочного развития этого сектора экономики [3].

Несмотря на это, Республика Беларусь отстает по развитию МСП среди развивающихся стран. Например, по данным Национального статистического комитета, доля инновационно-активных организаций МСБ не превышает 5–7% от общего числа субъектов МСБ, что значительно ниже аналогичных показателей в развитых странах (15–20%) [4]. Поскольку МСБ играет важную роль в экономической системе страны, для Беларуси сейчас важно использовать успешные примеры других стран, адаптируя их к сложившимся обстоятельствам.

Литература

1. Мировое и национальное хозяйство. – URL: <https://mirec.mgimo.ru/2023/2023-02/sd-eu-companies-support-measures> (дата доступа: 13.03.2025).
2. Digital transformation of businesses. – URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statisticsexplained/index.php?title=Towards_Digital_Decade_targets_for_Europe#Digital_transformation_of_businesses (дата доступа: 25.03.2025).
3. Малое и среднее предпринимательство. – URL: <https://economy.gov.by/uploads/files/gos-progr-2021-2025/gos-progr-na-2021-2025.pdf> (дата доступа: 28.03.2025).

4. Обзор научных исследований и разработок. – URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnayastatistika/publications/izdania/public_reviews/index_49503/?sphrase_id=2190215 (дата доступа: 15.03.2025).

Роль водородных автомобилей (FCEV) в декарбонизации экономики Китая

*Соколенко Е. О., студ. II к. БГУ,
науч. рук. Юрова Н. В., канд. эк. наук, доц.*

В мире, где на транспорт приходится около пятой части глобальных выбросов, водородные автомобили (FCEV) становятся символом технологического прорыва в борьбе за устойчивое будущее. Их главным преимуществом являются нулевые выбросы: вместо CO₂ они оставляют за собой водяной пар, однако данный экологический эффект возможен только при использовании «зеленого» водорода, технология получения которого заключается в электролизе воды с использованием возобновляемых источников энергии (например, солнца или ветра).

Главным условием для реализации FCEV является непосредственно переход на «зеленый» водород. Китай, осознавая это, поставил амбициозную цель: к 2060 г. планируется производство 130 млн тонн водорода, 100 млн тон из которых – «зеленый». Для этого страна делает ставку на масштабирование возобновляемой энергетики. Особую роль играет Внутренняя Монголия, обеспечившая 59% всех инвестиций в «зеленый» водород Китая в 2023 г. [2].

Китайские водородные автомобили (FCEV) становятся важным элементом в достижении Целей устойчивого развития ООН, особенно в области чистой энергии (ЦУР 7) и борьбы с изменением климата (ЦУР 13). Несмотря на доминирование в производстве других видов водорода, Китай активно развивает инфраструктуру для «зеленого» водорода: к концу 2023 г. в КНР работали 358 водородных заправок, включая 245 операционных, что делает Китай мировым лидером по данному показателю [3].

В 2023 г. водородная промышленность пережила пик финансирования: более 240 компаний привлекли 28,4 млрд юаней через 471 финансовое мероприятие с участием свыше 300 учреждений. Количество сделок резко возросло в 2021 г. (91 сделка, +102,2%) и сократилось в 2022 г. (71 сделка, –22,2%) [3]. Данное снижение может быть связано с:

- энергетическим кризисом в Европе (2022), который спровоцировал рост цен на газ и, как результат, замедлил инвестиции в рискованные проекты;
- инвесторы могли перейти от поддержки множества стартапов к масштабированию ключевых игроков (например, Sinopec).

Согласно исследованиям, рост цены на углеродные квоты до 500 юаней за тонну позволит 22 провинциям Китая полностью перейти с «серого» водорода на «зеленый» к 2060 г., что отражает огромный потенциал данной отрасли [2].

Китайские водородные автомобили (FCEV) открывают перспективы для глубокой декарбонизации транспорта, связывая технологические инновации с климатическими целями. Стратегия КНР, направленная на производство 100 млн тонн «зеленого» водорода к 2060 г., уже реализуется через масштабные инвестиции в ВИЭ и инфраструктуру. Однако переход к углеродной нейтральности сталкивается с трудностями, главной из которых является высокая стоимость производства «зеленого» водорода, связанная с энергоемкостью электролиза и зависимостью от возобновляемых источников энергии. Дальнейшее развитие FCEV требует преодоления этих барьеров для эффективной трансформации экологических амбиций в устойчивую экономическую модель.

Литература

1. Switzerland Global Enterprise // China Hydrogen Economy Report. – 05.07.2024. – URL: https://www.sge.com/sites/default/files/publication/free/2024_campaign_clean_website_gatedcontent_text_ct5_en_china-hyd.pdf (date of access: 12.04.2025).
2. China's Q1 2024 green hydrogen projects exceed 80% of 2023 levels? With higher planned investment // MySteel. – 25.06.2024. – URL: <https://www.mysteel.net/market-insights/5056831-chinas-q1-2024-green-hydrogen-projects-exceed-80-of-2023-levels-with-higher-planned-investments> (date of access: 13.04.2025).
3. Analysis Report on China's Hydrogen Industry in 2023 // SJO global. – 09.05.2023. – URL: <https://www.cjoglobal.com/2023/09/05/analysis-report-on-chinas-hydrogen-industry-in-2023/> (date of access: 14.04.2025).

Omnichannel Retailing: Creating a Seamless, Customer-Centric Shopping Experience

*Сун Чжэни, асп. БГУ,
науч. рук. Чурлей Э. Г., канд. эк. наук, доц.*

Amid the wave of digitalization and the transformation of consumer behavior, the boundaries of traditional retail channels are becoming increasingly blurred. Consumers are no longer satisfied with a single shopping method; instead, they seek shopping experiences that are accessible anytime, anywhere, and on their own terms. Omnichannel retailing, as a customer-centric retail strategy that integrates both online and offline resources, is emerging as a key trend in the retail industry [1].

Unlike multichannel retailing, where different channels often operate independently, omnichannel retailing emphasizes the seamless integration of information, systems, and customer experience across all touchpoints [2]. This means consumers can interact with brand content through any channel and switch between them freely without encountering disruptions in systems, inventory, or service. For example, a user might browse products on a mobile app, try them on in a physical store, place an order via a mini-program, and choose either home delivery or in-store pickup – this is a typical example of an omnichannel shopping experience.

How to design a Customer-Centric Omnichannel experience?

1) Unified Customer Profiles and Data-Driven Operations. To realize a seamless omnichannel experience, enterprises must integrate online and offline systems and build a unified data platform. This integration allows for the consolidation of consumer behavior, preferences, and purchase records. Such data-driven consumer insights form the foundation for personalized recommendations and precision marketing efforts [3]. 2) Seamless Cross-Channel Shopping Journeys. Every touchpoint within the customer journey must ensure consistency and continuity. By linking CRM and ERP systems, businesses can synchronize information such as inventory availability, promotional offers, and membership tiers across all channels [4]. 3) Enhancing Consumer Engagement and Loyalty. Through community building, content marketing, and tailored recommendations, brands can strengthen emotional connections with their customers. Omnichannel retailing is not just about expanding transaction channels, but also about reshaping the entire customer relationship.

There are two typical cases of Omnichannel implementation.

1) Nike has built a fully integrated omnichannel user experience through its “NIKE App + Direct Stores + Nike Membership System”. Customers can scan products in-store to check availability and try-on options. The integration of online and offline channels has significantly boosted membership engagement and repeat purchases. 2) Hema Fresh has adopted an online-offline integration model, offering both “30-minute delivery” and “in-store experience” services. Physical stores also serve as warehouses and display centers, helping the brand gain a competitive edge in the fresh grocery retail market.

Despite its benefits, omnichannel retailing faces several challenges in areas such as technology, organizational structure, and supply chain management:

1) Technological complexity: Integrating systems across channels requires significant IT investment. 2) Organizational restructuring: Businesses must break down the silos between online and offline departments and establish unified management frameworks. 3) Flexible supply chains: Retailers must build agile and responsive supply chains to meet cross-channel fulfillment needs. Looking forward, omnichannel retailing is expected to evolve toward intelligent recommendation

systems, immersive VR/AR experiences, AI-driven customer service, and interactive livestream shopping, further enhancing personalized and immersive customer engagement.

Omnichannel retailing is not merely an extension of traditional retail – it represents a systemic reconstruction centered around the customer. In an era where the logic of “people, products, and places” is constantly being redefined, only those retailers who truly understand consumer needs and innovate through the integration of technology and data will stand out in the increasingly competitive landscape.

Literature

1. Verhoef, P. C. From multi-channel retailing to omni-channel retailing: Introduction to the special issue on multi-channel retailing / P. C. Verhoef, P. K. Kannan, J. J. Inman // J. Retailing. – 2015. – Vol. 91, – iss. 2. – P. 174–181.

2. Rigby, D. The future of shopping / D. Rigby // Harvard Business Review. – 2011. – Vol. 89, – iss. 12. – P. 65–76.

3. Lemon, K. N. Understanding customer experience throughout the customer journey / K. N. Lemon, P. C. Verhoef // J. Marketing. – 2016. – Vol. 80, – iss. 6. – P. 69–96.

4. Zhang, J. Crafting integrated multichannel retailing strategies / J. Zhang, P. W. Farris, J. W. Irvin, T. Kushwaha, T. J. Steenburgh, B. A. Weitz // J. Interactive Marketing. – 2010. – Vol. 24, – iss. 2. – P. 168–180.

Криптовалютные биржевые фонды как растущий сегмент современного финансового рынка

*Урбанович А. И., студ. IV к. БГУ,
науч. рук. Кирвель О. Ч., канд. эк. наук, доц.*

В условиях стремительного развития криптовалютного рынка и растущего интереса со стороны традиционных инвесторов, криптовалютные ETF становятся важным связующим звеном между цифровыми активами и классической финансовой системой.

Криптовалютные ETF (англ. Exchange-Traded Funds – биржевые фонды) представляют собой финансовый инструмент, который отслеживает цену криптовалюты и торгуется на традиционных фондовых биржах как обычные акции. Они предоставляют инвесторам возможность получать доход от криптовалют без необходимости прямого владения ими.

Первым биржевым фондом на криптовалюту, получившим одобрение Комиссии по ценным бумагам США (SEC) в январе 2024 г., стал Grayscale Bitcoin Trust ETF (тикер GBTC) от американского фонда Grayscale Investments. Сразу

же после него были одобрены подобные фонды на биткоин от компаний BlackRock, Fidelity, 21Shares и пр.

По данным на середину апреля 2025 г. под управлением биржевых фондов на биткоин находятся активы на общую сумму в 93 млрд долл. США (5,6% всех биткоинов в обращении). При этом почти половина средств (44,95 млрд долл. США или 48%) приходится на iShares Bitcoin Trust ETF (тикер IBIT) от BlackRock. В тройку лидеров также входят биткоин-ETF от компаний Fidelity (16,51 млрд долл. США или 18% рынка) и Grayscale (15,94 млрд долл. США или 17% рынка) [1].

Максимальный объем активов под управлением биржевых фондов на биткоин отмечался в январе 2025 г. – 122,87 млрд долл. США. На тот момент 6% всех биткоинов в обращении находилось в управлении ETF.

Рекордные притоки средств в биржевые фонды на биткоин наблюдались в первом квартале 2024 г. – сразу после их запуска, а также в третьем квартале 2024 г. – на фоне победы в президентских выборах США Дональда Трампа, который активно поддерживает криптовалюты. Худшим месяцем для криптовалютных ETF стал февраль 2025 г. из-за международной напряженности, вызванной всесторонними пошлинами Дональда Трампа. Чистый отток средств из биткоин-ETF за месяц составил 3,56 млрд долл. США. Стоит отметить, что притоки и оттоки средств из биржевых фондов на криптовалюты имеют четкую прямую корреляцию с ростом или падением стоимости данных криптовалют.

Помимо биржевых фондов на биткоин, с июля 2024 г. также запущен целый ряд ETF на эфириум (ETH) – вторую по капитализации криптовалюту. Владельцами этих фондов являются те же крупные американские финансовые компании BlackRock, Fidelity, Grayscale, Bitwise, VanEck и другие. Общий объем средств под управлением на середину апреля 2025 г. – 8 млрд долл. США, что составляет 4,3% от всей капитализации криптовалюты эфириум (ETH) [2].

Важно отметить, в то время как запуск ETF с привязкой к биткоину привел к созданию дополнительного спроса на главную криптовалюту и, как следствие, к росту ее цены на протяжении всего 2024 г., ETF на эфириум не смогли привлечь столько инвестиционного внимания.

На данный момент на рассмотрении SEC находится множество заявок на ETF, привязанные к криптовалютам с большой капитализацией, отличным от биткоина (BTC) и эфириума (ETH), таким как Ripple (XRP), Litecoin (LTC), Solana (SOL), Avalanche (AVAX), Dogecoin (DOGE), Hedera (HBAR), Polkadot (DOT). Ожидается, что к концу 2025 г. на рынке появится больше новых биржевых фондов на различные криптовалюты. Также обсуждается финансовый инструмент Ethereum Staking ETF – продукт с доходностью за счет стейкинга эфириума (аналог традиционных облигаций).

Криптовалютные биржевые фонды представляют собой абсолютно новый феномен, который кардинально меняет как рынок криптовалют, так и возможности для широкого круга инвесторов. Их влияние на рынок имеет целый ряд позитивных аспектов:

- приток институционального капитала (пенсионных фондов, банков, хедж-фондов и частных инвесторов);
- повышение легитимности и доверия к криптовалютам;
- снижение волатильности на крипто-рынке в долгосрочной перспективе;
- рост спроса на базовый криптоактив, что вызывает рост его стоимости;
- создание потенциала для новых финансовых инструментов на основе криптовалют (индексных фондов на криптоактивы, ETF со стейкингом, деривативных продуктов и ETF на DeFi или NFT-сектор).

Основной риск развития ETF для криптовалютного рынка – концентрация криптовалюты в одних руках, что противоречит основному принципу криптовалюты – децентрализации, и дает фондам возможность оказывать влияние на цену и рынок в целом.

Таким образом, криптовалютные ETF становятся важным элементом современного финансового рынка, предоставляя инвесторам удобный и регулируемый способ участия в быстрорастущем секторе цифровых активов. С учетом текущих тенденций и прогнозов, можно ожидать дальнейшего роста и развития этого сегмента, что откроет новые возможности для диверсификации и управления инвестиционными рисками.

Литература

1. CoinMarketCap: Bitcoin ETF Tracker. – URL: <https://coinmarketcap.com/etf/bitcoin/> (дата доступа: 11.04.2025).
2. CoinMarketCap: Bitcoin ETF Tracker. – URL: <https://coinmarketcap.com/etf/ethereum/> (дата доступа: 11.04.2025).

Цифровая валюта в Республике Беларусь

*Хлусов К. А., студ. IV к. БГУ,
науч. рук. Головенчик Г. Г., канд. эк. наук, доц.*

В настоящее время Республика Беларусь находится на этапе активного рассмотрения и внедрения цифровых валют. Ключевым событием является планируемый Национальным банком Республики Беларусь (НБРБ) запуск цифрового белорусского рубля во второй половине 2026 г. [3]. В стране также сформировался определенный регуляторный ландшафт для криптовалют и цифровых активов, начало которому положил Декрет № 8 и последующие изменения в законодательстве [1]. Правительство проявляет интерес

к использованию избыточной электроэнергии для майнинга криптовалют, в рамках Парка высоких технологий (ПВТ) действуют частные инициативы в сфере криптоактивов. Внедрение цифровой валюты повлечет значительные экономические последствия, и подход Беларуси к этому вопросу сопоставляется с опытом других стран в первую очередь России.

Мировая экономика демонстрирует растущий интерес к цифровым валютам, включая как централизованные цифровые валюты центральных банков (CBDC – Central bank digital currency), так и децентрализованные криптовалюты. В этом контексте Республика Беларусь предприняла ранние шаги по регулированию криптовалют, приняв Декрет № 8 еще в 2017/2018 гг., что потенциально делает ее одним из лидеров в сфере цифровых финансов на сегодняшний день [1]. В Беларуси уже существуют развитые системы цифровых платежей, включая электронные переводы и мобильные платежи. Важно отметить, что криптовалюты и связанные с ними виды деятельности получили юридическое признание в соответствии с Декретом № 8 [1]. В стране активно ведется торговля криптовалютами и майнинг, особенно в рамках ПВТ. Поправки, Декрет № 367 от 17 сентября 2024 г., внесли изменения в отношении транзакций физических лиц с криптовалютами, требуя их осуществления через авторизованные платформы в рамках ПВТ [4]. Беларусь одной из первых приняла соответствующее законодательство в отношении криптовалют, стремясь стимулировать развитие цифровой экономики [2]. Ранняя легализация и предоставление налоговых льгот до 2025 г. указывают на проактивный подход. Особое внимание к ПВТ как регуляторной песочнице также подтверждает эту стратегическую линию [4].

НБРБ активно рассматривает и планирует введение цифрового белорусского рубля. Председатель правления НБРБ Роман Головченко объявил о планах полномасштабного запуска во второй половине 2026 г. Цифровой рубль задуман как законное платежное средство, эквивалентное по стоимости физическому рублю [3]. Одной из целей НБРБ является использование CBDC для трансграничных платежей, особенно с Россией. НБРБ внимательно изучает опыт России в создании цифрового рубля, чтобы избежать потенциальных ошибок.

На данный момент уже разработан и одобрен прототип цифрового рубля. НБРБ создает демонстрационную версию и платформу для тестирования. Первоначальные эксперименты проводились с участием избранной группы, включая коммерческие банки и физические лица. Заместитель председателя правления НБРБ Дмитрий Калечиц подчеркнул цель облегчения трансграничных платежей и снижения зависимости от основных валют, таких как доллар и евро. Транзакции с цифровым рублем будут юридически классифицироваться как безналичные платежи [3].

Таким образом, Республика Беларусь находится на важном этапе развития своей финансовой системы, активно продвигаясь к внедрению цифровой

валюты центрального банка. Планируемый запуск цифрового белорусского рубля в 2026 г. знаменует значительный шаг, который будет способствовать модернизации платежной инфраструктуры страны и расширению возможностей для трансграничных расчетов, особенно с ключевым партнером – Российской Федерацией. Тесное сотрудничество с Россией в этой области, стремление к совместимости цифровых валют и изучение российского опыта представляются стратегически важными в контексте текущей геополитической обстановки.

Литература

1. Декрет о развитии цифровой экономики // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – URL: <https://president.gov.by/ru/documents/dekret-8-ot-21-dekabrya-2017-g-17716> (дата обращения: 15.04.2025).
2. Развитие цифровой экономики Беларуси с 2017 года // Белта. – URL: <https://belta.by/society/view/pochemu-lukashenko-reshil-razvivat-tsifrovuyu-ekonomiku-i-objjavil-kurs-na-it-stranu-v-2017-m-688314-2025/> (дата обращения: 15.04.2025).
3. Проект по внедрению цифрового рубля // Национальный банк Республики Беларусь. – URL: https://www.nbrb.by/payment/digital_ruble (дата обращения: 15.04.2025).
4. О деятельности ПБТ // Министерство экономики Республики Беларусь. – URL: <https://economy.gov.by/ru/pvt-ru/#::~:~:text=%D0%9F%D0%9F/> (дата обращения: 15.04.2025).

Программное моделирование для оптимизации банковской системы Республики Беларусь: состояние и перспективы развития

*Чурлович А. Д., студ. I к. БГЭУ,
науч. рук. Шилович Н. Н., канд. физ.-мат. наук, доц.*

В настоящее время темпы цифровизации экономической деятельности субъектов хозяйствования достигли значительных величин. Доля клиентов банков, подключенных к системам дистанционного банковского обслуживания, выросла с 58,5% в 2020 г. до 69,4% в 2024 г. (физические лица), а также с 78,6% в 2020 г. до 80,9% в 2024 г. (юридические лица).

Ввиду большого числа подключений к системам дистанционного банковского обслуживания возникла проблема оптимизации работы банковской системы Республики Беларусь. Одним из способов решения данной проблемы является программное моделирование, основной элемент которого – цифровая модель организации.

С целью оптимизации бизнес-процессов и снижения издержек при проектировании цифровой модели используют следующие подходы: системный, архитектурный, процессный.

Системный подход предполагает структурирование информации банковской организации по системам управления, каждая из которых содержит взаимосвязанные графические модели, документы и информационные материалы. Неотъемлемое условие системного подхода – оцифровка всей деятельности банковской системы целиком с учетом приоритетов и стратегических целей банка.

Архитектурный подход подразумевает корпоративную архитектуру организации, все ее слои и компоненты в соответствии с международными методологиями (фреймворками), например, The Open Group Architecture Framework (TOGAF). У банка должны быть три должности с компетенцией, соответствующей требованиям организации: корпоративный архитектор, бизнес-архитектор, ИТ-архитектор. Для оптимизации изменяющихся во времени компонентов структуры используется визуальный язык моделирования ArchiMate, визуализирующий различные области архитектуры, их базовые связи и зависимости.

Процессный подход базируется на построении единой иерархии всех трансмиссионных процессов организации с полной их детализацией до процедур и функций (элементарных действий). Для оптимизации работы такой системы каждый процесс, который повышает эффективность работы организации, должен быть описан сначала в виде цепочки подпроцессов (процедур), а потом в виде графических моделей каждой процедуры с указанием взаимосвязей между разными процессами.

Оптимальным решением банков по оптимизации бизнес-процессов является также использование AnyLogic – защищенной веб-платформы для запуска имитационных моделей, позволяющей решать следующие задачи.

Во-первых, это прогнозирование финансового результата и KPI (ключевых показателей эффективности) банка. Разработанная в AnyLogic имитационная модель выполняет анализ динамики показателей финансового результата на временном горизонте моделирования для выбранного сценария поведения рынка и управления активами – пассивами. На выходе модели предоставляется детальный отчет по свойствам статей управленческого баланса на горизонте расчета: объем средств, средневзвешенные внутренние и внешняя % ставки.

Во-вторых, это оптимизация ИТ-инфраструктуры банка. С помощью имитационной модели проводится оценка ожидаемой прибыли от инвестиций в ИТ-ресурсы, например, замены аппаратного обеспечения, а также рассчитывается необходимое количество персонала службы service-desk для эффективной работы банка.

В-третьих, это управление рисками в банке. AnyLogic позволяет создать цифровую модель управления рисками в банке, на выходе которой вычисляются показатели, соответствующие основным целям риск-менеджмента, включая EAR (earning at risk), EVE (economical value of entity), VAR (value at risk).

В-четвертых, это оценка выполнения бюджета банка. Расчет финансовых показателей может быть произведен путем моделирования управленческого баланса банка на требуемом временном периоде. В качестве входных параметров модели выступают сценарии темпов роста (снижения) статей управленческого баланса (кредиты, депозиты), изменение процентных ставок, номинальных сроков финансовых инструментов.

Таким образом, с учетом большого объема и сложности моделирования цифровой (и имитационной как частный случай) структуры банковской организации, можно сделать следующий вывод: для предоставления доступа к своим информационным ресурсам банки избрали технологию Web API. С учетом того, что для ее реализации используются хорошо изученные компоненты, имеются проверенные способы решения широкого класса задач: от управления доступом до распределения нагрузки при сохранении технологической независимости. Такой выбор представляется рациональным, позволяя быстро ознакомить всех сотрудников с нововведениями через веб-портал (HTML-формат цифровой модели).

Литература

1. Исаев, Р. Цифровая модель банка и группы финансовых организаций. – URL: Цифровая модель банка и группы финансовых организаций (дата доступа: 14.04.2025).

Роль эко-инноваций в развитии «зеленой» энергетики на примере стран с малой экономикой

*Шамрило Е. И., студ. IV к. БГУ,
науч. рук. проф. Давыденко Е. Л., д-р эк. наук*

Малые экономики в значительной степени различаются по успешности трансформации своего энергетического сектора, что наглядно демонстрирует анализ доли возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в их энергобалансе (рисунок 1).

Именно страны с низкими показателями по доле ВИЭ вынуждены разрабатывать нестандартные решения для преодоления ограничений. Более того, малые страны активно используют международную кооперацию для освоения передовых технологий в области возобновляемых источников энергии.

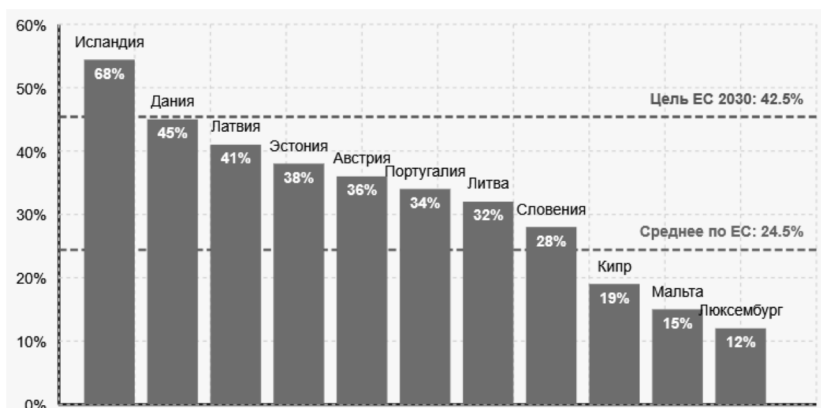

Рисунок 1. – Доля энергии из возобновляемых источников в странах с малой экономикой, 2023 г. [1]

Проект TwinPV, который был создан Мальтой и Кипром в партнерстве с исследовательскими центрами Австрии и Дании, нацелен на интеграцию солнечной энергетики и накопителей в изолированные островные энергосистемы. Результатом стало создание в 2024 г. на Кипре центра передового опыта RNAETHON по интеллектуальным энергосистемам, увеличение доли солнечной энергии в энергобалансе Кипра на 5% и создание более 35 высокотехнологичных рабочих мест [2].

В свою очередь проект NEEMO (2019–2023 гг.) позволил Мальте существенно расширить научно-технический потенциал в области электромобилей и чистой энергии.

В дополнение к международному сотрудничеству развитие возобновляемой энергетики в малых странах неразрывно связано с инновациями в сфере хранения энергии, позволяющими преодолевать проблему нестабильной генерации. Португалия, которая достигла доли ВИЭ в 28,5%, инвестирует в гидроаккумулирующие станции (ГАЭС) нового поколения. Эстония стала пионером в использовании инновационных систем хранения тепловой энергии на основе солевых технологий. Ирландия, с долей ВИЭ около 19%, внедряет инновационные гибридные системы хранения энергии, сочетающие литий-ионные батареи с маховиками, что обеспечивает как кратковременное, так и среднесрочное хранение энергии.

Что касается Республики Беларусь, то сегодня в стране функционирует разветвленная сеть объектов возобновляемой энергетики, включающая:

- 84 фотоэлектрические станции общей мощностью 272,7 МВт;
- 55 гидроэлектростанций мощностью 96,5 МВт;

- 108 ветроэнергетических установок мощностью 122 МВт;
- 31 биогазовый комплекс общей мощностью 40,2 МВт;
- 11 мини-ТЭЦ на древесном топливе электрической мощностью около 100,5 МВт [3].

За последние два десятилетия в Беларуси наблюдается положительная динамика использования ВИЭ. За более чем двадцать лет использование возобновляемых источников энергии в республике выросло почти в два с половиной раза: с 3,3% в 2000 г. до 7,6% в 2023 г. [3].

Несмотря на это, доля ВИЭ в генерации электроэнергии в Беларуси составляет около 7,6%, что значительно ниже, чем в малых странах ЕС (Латвия – более 40%, Словения – около 30%, Эстония и Словакия – более 20%). Это свидетельствует о необходимости внедрения инновационных подходов в этой области по примеру других стран с целью повышения доли ВИЭ в энергобалансе страны.

Литература

1. European Environment Agency. – URL: <https://www.eea.europa.eu/en/analysis/indicators/share-of-energy-consumption-from> (дата доступа: 08.04.2025).
2. European Commission Horizon Magazine. – URL: <https://projects-research-and-innovation.ec.europa.eu/en/horizon-magazine/clean-energy-solutions-offer-new-spark-europes-small-island-nations> (дата доступа: 08.02.2025).
3. Департамент по энергоэффективности. – URL: https://energoeffect.gov.by/news/news-2024/20240129_news3. (дата доступа: 19.09.2024).

Belarus-China Relations in the Context of Global Value Chains: The Impact of Exchange Rate Dynamics (2020–2024)

*Chen Huixian, PhD student, BSU,
Scientific supervisor: Shalupayeva N. S., Ass. Prof.,
PhD in Economics, Ass. Prof.*

Belarus-China cooperation has steadily evolved into a critical component of global economic integration, particularly under the Belt and Road Initiative (BRI). Over the past five years, this partnership has strengthened across industrial production, agricultural modernization, and digital infrastructure development, fostering interconnected value chains. However, the stability of these value chains has been significantly influenced by fluctuations in the exchange rate between the Chinese yuan (CNY) and the Belarusian ruble (BYN). From 2020 to 2024, the CNY/BYN exchange rate exhibited notable volatility, reflecting broader macroeconomic challenges and bilateral trade dynamics.

In 2020, the average exchange rate stood at 1 CNY = 0.38 BYN, aligning with stable trade flows and predictable bilateral agreements. During this period, Belarusian imports of Chinese machinery and electronics surged by 18%, driven by investments in industrial automation and renewable energy projects. However, the global economic landscape shifted dramatically in 2022 due to the prolonged effects of the COVID-19 pandemic and geopolitical tensions, leading to a sharp appreciation of the yuan to 1 CNY = 0.42 BYN. This shift imposed considerable financial strain on Belarusian enterprises reliant on Chinese imports. For instance, manufacturers in Belarus's automotive sector, which sources 40% of its components from China, faced a 12% increase in production costs. Supply chain delays further compounded these challenges, reducing competitiveness in regional markets such as the Eurasian Economic Union. Conversely, Chinese investors in Belarusian industrial parks encountered reduced profit margins due to unfavorable currency conversion rates. Joint ventures in agritech, such as the Minsk-based Sino-Belarusian Agricultural Innovation Center, reported a 7% decline in returns, prompting delays in technology transfer and scaling of precision farming initiatives.

By 2024, concerted efforts by Belarus to stabilize its economy – through fiscal reforms, export diversification, and enhanced BRI trade mechanisms – moderated the exchange rate to 1 CNY = 0.40 BYN [1]. This stabilization alleviated pressures on cross-border transactions, enabling smoother coordination in value chain activities. The Great Stone Industrial Park, a flagship BRI project near Minsk, exemplifies this recovery. In 2023, the park reported a 15% increase in operational efficiency as currency risks diminished, attracting 12 new high-tech firms specializing in AI and green manufacturing [2]. Both nations also leveraged bilateral currency swap agreements, totaling \$500 million since 2021, and prioritized local currency settlement frameworks in BRI projects. These measures reduced dependency on the U.S. dollar, cutting transaction costs by 8% for Belarusian exporters of dairy and timber products to China.

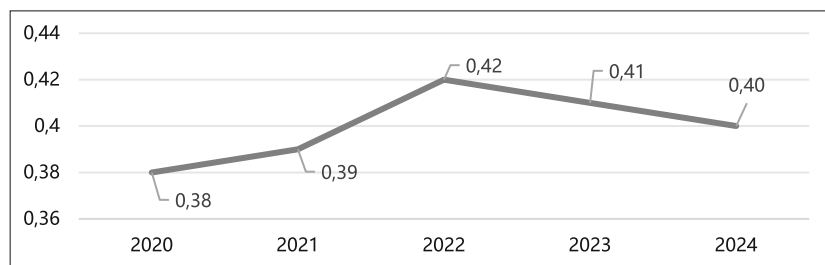

Figure 1. – Annual Average CNY/BYN Exchange Rates, 2020–2024 [3]

The volatility of the CNY/BYN exchange rate (2020–2024) highlights critical challenges for Belarus-China value chain integration. To mitigate currency risks, enhancing financial cooperation – through SME-tailored hedging tools, bilateral currency swaps, and shared forecasting platforms – is essential. Prioritizing high-tech collaborations (e.g., semiconductor production, AI logistics) and expanding blockchain-based payment systems, as demonstrated by the Belarusbank-ICBC pilot, can streamline transactions and strengthen resilience. These measures, aligned with BRI objectives, foster sustainable economic ties and reduce dependency on volatile external currencies, ensuring robust value chain efficiency amid global uncertainties [4].

Literature

1. Ministry of Economy of Belarus (2022, August 30). Alesya Abramenko: Trade between Belarus and China grows at a record pace. – URL: <https://economy.gov.by/en/news-en/view/alesya-abramenko-trade-between-belarus-and-china-grows-at-a-record-pace-46760-2022>.
2. Belt and Road Initiative Portal (2023). China-Belarus Industrial Park Project. – URL: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/sjgjt.htm>.
3. National Bank of the Republic of Belarus (2025). Official Average Exchange Rate of the Belarusian Ruble Against Foreign Currencies for 2025. – URL: <https://www.nbrb.by/engl/statistics/rates/avgrate>.
4. International Monetary Fund (2024, October 22). Global financial stability report: Navigating financial markets in an uncertain world. – URL: <https://www.imf.org/zh/Publications/GFSR/Issues/2024/10/22/global-financial-stability-report-october-2024>.

Does Economic Empowerment Equal Gender Equality? Rethinking Microfinance

*Feng Lu, PhD student, BSU,
Scientific supervisor: Shalupayeva N. S., Ass. Professor,
PhD in Economics, Ass. Prof.*

Introduction. Microfinance has become a cornerstone of development policy, with women comprising 80% of clients globally [1]. While promoted as a tool for both poverty reduction and gender equality, feminist scholars question whether financial inclusion alone can address structural inequalities [2]. This study investigates the complex relationship between economic empowerment and substantive gender justice.

Key Findings. The convergent parallel mixed-methods approach combines:

Table 1. – Research design components

Component	Data Sources	Analysis Focus
Quantitative	World Bank Findex (15 countries)	Gender parity indices and microfinance penetration
Qualitative	40 interviews (Bangladesh, Kenya, Bolivia)	Lived experiences of empowerment
Institutional	3 MFI case studies	Organizational norms and incentive structures

Fixed-effects regression models control for GDP, social expenditure, and education levels. Qualitative data was analyzed using thematic coding in NVivo 12.

Three critical findings emerge from our analysis:

The Responsibility-Autonomy Paradox shows that while 72% of women gained decision-making power in household expenditures, 58% faced increased restrictions on mobility. As one Bolivian respondent noted: “The bank wants me to run a business but my husband won’t let me take the bus to market”.

Metric Myopia reveals how institutional focus on repayment rates (averaging 98%) creates perverse incentives. Loan officers are trained to prioritize financial discipline over empowerment outcomes, with one Kenyan manager stating: “Our best clients are those who pay, not those who challenge norms”.

Intersectional Blindspots demonstrate how microfinance programs often ignore overlapping marginalizations. Dalit women in India and indigenous Aymara women in Bolivia faced compounded discrimination that standard empowerment metrics failed to capture.

Our analysis reveals three fundamental paradoxes in microfinance’s empowerment claims. The Responsibility-Autonomy Gap emerges as quantitative data shows 72% of women gain educational decision-making power, while qualitative findings reveal 58% face increased mobility restrictions [3]. This aligns with Anne Marie Goetz and Rina Sen Gupta’s findings of patriarchal accommodation in Bangladesh [4].

Metric Myopia appears through institutional prioritization of repayment rates (98% average) over empowerment outcomes. Loan officer incentives reinforce financial discipline, exemplified by a Dhaka manager’s statement: “A good client pays on time, not one who leaves her husband” [1].

The Intersectional Blindspots become evident as Dalit and Aymara women experience compounded discrimination unaddressed by standard programs [5, 6]. This supports Deniz Kandiyoti’s “patriarchal bargain” framework, where limited economic gains maintain traditional roles [7]. Regression analysis confirms no significant microfinance impact on intimate partner violence ($\beta = 0.07$, $p = 0.34$) or marital equality ($\beta = 0.12$, $p = 0.18$) [8].

These systemic issues reflect what [9] identifies as the depoliticization of gender inequality through financialized solutions, where structural barriers remain unchallenged despite individual economic participation.

Conclusion. Our findings suggest microfinance alone cannot achieve gender equality. We recommend: integrating gender education into financial services; developing feminist evaluation metrics; linking microfinance to broader social justice movements. As [10] argues, true empowerment requires transforming the structural conditions that make microfinance necessary in the first place.

Literature

1. Lamia Karim. *Microfinance and Its Discontents: Women in Debt in Bangladesh*. – University of Minnesota Press, Minneapolis, 2011.
2. Milford Bateman. *Why Doesn't Microfinance Work? The Destructive Rise of Local Neoliberalism*. – London, Zed Books, 2010.
3. Erica Field, Rohini Pande, Natalia Rigol and Simone Schaner. Does access to microfinance change women's decision-making power? Evidence from india // Working Paper, 2016.
4. Anne Marie Goetz and Rina Sen Gupta. *Women development workers: Implementing rural credit programmes in bangladesh*. – Sage Publications, 2001.
5. Katharine N. Rankin. Social capital, microfinance, and the politics of development // *Feminist Economics*, 8(1) : 1–24, 2002.
6. Chandra Talpade Mohanty. *Feminism without borders: Decolonizing theory, practicing solidarity*. – Duke University Press, 2003.
7. Deniz Kandiyoti. Bargaining with patriarchy // *Gender & Society*, 2(3) : 274–290, 1988.
8. Ananya Roy. *Poverty capital: Microfinance and the making of development*. – Routledge, 2010.
9. Milford Bateman. *Why doesn't microfinance work? The destructive rise of local neoliberalism*. – London, Zed Books, 2010.
10. Naila Kabeer. Resources, agency, achievements: Reflections on the measurement of women's empowerment // *Development and Change*, 30(3) : 435–464, 1999.

Artificial Intelligence in Educational Process

*Myslitskaya A. E., BSU,
senior lecture – Makarevich I. I., Master of Philological Sciences*

Traditional educational methods often fail to meet the diverse needs of modern students, who seek more personalized and engaging learning experiences. The integration of AI can enhance the effectiveness of education by automating processes and providing individualized feedback, thus making learning more efficient

The world today is changing faster than it ever has before due to a large variety of factors that will be regarded in this article.

Key words: modern technologies; artificial intelligence; digital revolution; modern applications; educational process.

The title of the article is «Artificial Intelligence in Educational process». It is devoted to the importance of improving the learning process for instance by using artificial intelligence.

Globalization doesn't have to be a bad thing as long as government provides us all with the tools to cope in a changing world.

John B. Larson

Before the Internet existed, information was disseminated through limited channels. Books and magazines had a shorter shelf life, while newspapers and radio broadcasts were heard only in a tiny area.

Thanks to modern technologies, information is available everywhere via the Internet nowadays.

Many people fear change as there is no certainty about what it will bring. It may be a good or bad change. Furthermore, different individuals and areas of our life will be affected in different ways.

The world today is changing faster than it ever has before due to a large variety of factors that we will discuss in this article.

It's undeniable that the topic of this article is relevant as it shows how our world has changed recently and how the evolution of technologies has improved over those years. For example there were no computers and Internet that would allow people to find information. All data was in paper books.

And now we can see a huge variety of academic opportunities. Such as Internet, e-books, educational sites and applications, artificial intelligence and etc.

The invention of the computer in various forms introduced a lot of efficiencies, which made operations easier and sped up progress exponentially.

AI is able to individualize the student's learning trajectory, act as an optimal adjuster of the student's "life", and personalize the student's educational activity. AI thinking is arithmetic – it is based on the processing of information accumulated by mankind and placed in storages in an accessible format. The basis of machine computation is communication-arithmetic according to the algorithm of the chip, zero or one. Computation does not involve going beyond the algorithm of the score itself, it is the copying of a set of operations regulated by the algorithm [6].

Artificial Intelligence is a marker of speeds that close the way for a person to himself and others, atomize a person. This indicates an indirect decrease in the amount of heterogeneity and otherness in society. The direct impact of artificial intelligence on the narrowing of the dialog field lies in the different nature of

machine and human thinking. Human thinking is not “arithmetic”, but depends on the psycho-emotional component, i.e. on deeper layers of the psyche [5].

AI can not only “give” but also “grow” in the learner – help define their mission, set goals, ask questions [5].

You’ve probably noticed the significant shift in our education system due to technological advancements. The transformation of traditional classrooms into digital ones has not only revolutionized the way we learn but also brought forth numerous advantages such as accessibility and flexibility, thanks to e-learning platforms.

Artificial intelligence (AI) refers to the development of computer systems that can perform tasks that typically require human intelligence. These tasks include speech recognition, decision-making, problem-solving, and learning. AI systems can analyze large amounts of data, recognize patterns, and make predictions or recommendations.

AI is revolutionizing almost every aspect of our lives. From the way we communicate to the way we work, AI technologies are becoming an integral part of our daily routines. But what is AI and how does it affect students?

AI refers to the development of computer systems that can perform tasks that normally require human intelligence, such as visual perception, speech recognition, and decision-making. It is a field of study that combines computer science, mathematics, and psychology to create intelligent machines. With the advancement of AI, students are now exposed to a range of educational tools and resources that can enhance their learning experience.

One of the key effects of AI on students is the ability to personalize education. AI-powered platforms can collect and analyze data on individual students’ learning progress, strengths, and weaknesses, enabling educators to tailor their teaching methods accordingly. This personalized approach allows students to learn at their own pace and in a way that suits their unique learning style.

Furthermore, AI technologies are influencing the way students access information. With the help of AI-powered search engines and recommendation systems, students can easily find relevant and reliable information to support their studies. This not only saves time but also encourages critical thinking and independent learning.

The invention of such application as Photomath was also revolutionary for those who wanted their tasks solved as soon as possible. Photomath is an educational technology mobile app, owned by Google. It features a computer algebra system with an augmented optical character recognition system, designed for use with a smartphone’s camera to scan and recognize mathematical equations. The app then displays step-by-step explanations onscreen. So, undoubted advantages of such service are the speed and visual presentation of the material. In this case, online mathematical calculators expand the

possibilities of the educational process and become a good assistant in the work of a teacher.

When it comes to language learning, Chat GPT is a game changer, especially if you want to practice speaking English on your own. It's like having a personal writing assistant or a virtual friend who can understand and respond to you in natural language. It also helps people do their job faster and more creative for almost everyone.

Nevertheless, we should remember that Chat GPT is mainly good for generating text. For content it's better to use more reliable resources such as English learning blogs, websites, and platforms, as well as learning with a teacher who can provide reliable information and resources.

Artificial intelligence has shown considerable promise in improving administrative duties like grading, providing feedback, assessing assignments and papers, helping students to do their research more efficient and faster.

The Perplexity mobile app allows us to ask questions to the neural network, the answers to which the neural network searches for in validated existing sources. Using this application, we can create a heuristic game with the prevailing value of the student's question, as well as pay special attention to the formation of critical thinking skills (when analyzing the system's answers) [5].

The article provides not only the advantages of AI but also the impact on the future years. It is important to note that improving the learning process via site GPT, using online dictionaries and an apps called Photomath and Perplexity.

AI in learning has been used in a variety of ways, including modifying and personalizing curriculum and information, as well as removing barriers to learning possibilities.

In conclusion, we can say that on the one hand whatever world development there is, it can fully help people improve not only in education but also in other ways and on the other hand new technologies and various applications can be not so reliable and exact.

Literature

1. Kant, I. Critique of Pure Reason. – London : Penguin (Russian translation by N. Losskogo. – Moscow : AST, 2017. – 559 p.).

2. Ivakhnenko, E. N., Nikol'skii, V. S. ChatGPT in Higher Education and Science: a Threat or a Valuable Resource? Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia. – Vol. 32, – no. 4, – pp. 9-22 (In Russ., abstract in Eng.).

3. Warsah, I., Morganna, R., Uyun, M., Hamengkubuwono & Afandi, M. The Impact of Collaborative Learning on Learners' Critical Thinking Skills // International Journal of Instruction, 14(2), – 443–460. – URL: <https://doi.org/10.29333/iji.2021.14225a>.

4. Wilde, O. The complete works of Oscar Wilde. Vol. 2, De profundis, Epistola: In carcere et vinculis, ed. by Ian Small. – Oxford : Oxford University Press.

5. Korol, A. D. Stereotip kak obrazovatel'naya problema [Stereotyping as an educational problem] // Voprosy Filosofii, 10, 156–162. – URL: <https://pq.iphras.ru/article/view/5964>.

6. Korol, A. D. Monologue of Communication as a Problem of School Atomization: A Hermeneutic View // Voprosy Filosofii [Philosophy Questions]. – Vol. 10, – pp. 27–35 (In Russ., abstract in Eng.)

РАЗДЕЛ 4

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТУРИЗМ. ТАМОЖЕННОЕ ДЕЛО

Региональные различия в спектрах медицинских услуг Беларуси

*Гаркун Д. А., магистрант I к. БГУ,
науч. рук. Титов А. Н., канд. геогр. наук, доц.*

Региональные различия в оказании медицинских услуг представляют собой важный аспект территориального развития и социальной политики государства. Актуальность данной темы обусловлена необходимостью равного доступа населения к медицинской помощи. Цель исследования – проанализировать спектр медицинских услуг, оказываемых в различных регионах Беларуси, и выявить закономерности территориального распределения этих услуг. Задачи исследования: проанализировать статистику предоставления медицинских услуг по административным районам; выделить регионы с наибольшим и наименьшим спектром оказываемых услуг; определить факторы, влияющие на различия в доступности медицинской помощи; дать оценку равномерности распределения базовых и специализированных услуг. Объектом исследования являются административные районы Республики Беларусь. Предметом исследования выступает территориальное распределение и степень доступности различных видов медицинских услуг.

Рассматривая, какие районы Беларуси оказывают наибольшее количество услуг, можно отметить следующее:

1. Широкий спектр услуг оказывают в развитых районах с большой численностью населения – это можно объяснить тем, что в наиболее развитых в медицинском плане районах страны проживает большое число людей.

2. Можно заметить, что наибольшими спектрами предоставления услуг обладают районы Минской и Гродненской областей. Это связано с тем, что Минск и Гродно являются развитыми центрами медицины в стране.

3. Наиболее типичные спектры услуг представлены в Гомельской, Брестской и Витебской областях. Это связано с тем, что данные регионы оказывают необходимые услуги населению.

4. К отстающим регионам можно отнести Могилевскую область, в которой имеется ряд проблем с развитием медицины.

5. Вокруг крупных районов наблюдается снижение спектра оказываемых услуг, поскольку большинство людей из них имеют доступ к услугам в крупных городах (рис. 1).

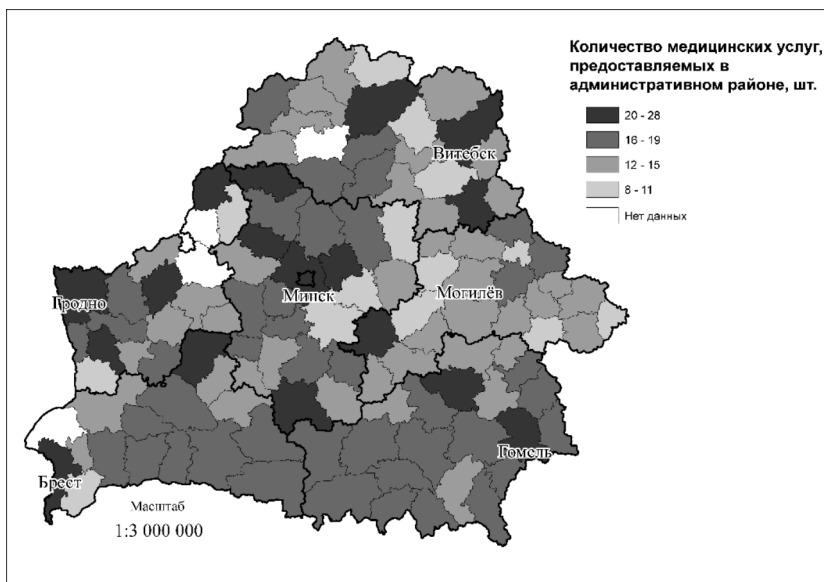

Рисунок 1. – Карта количества медицинских услуг, оказываемых в пределах административного района Республики Беларусь

Примечание: составлено автором по [1–3].

На диаграмме показано количество административных районов, оказывающих различные медицинские услуги. Широко представлены базовые и наиболее востребованные направления. Например, электрокардиография (ЭКГ) доступна в 115 районах, анализы – в 113, ультразвуковое исследование (УЗИ) и рентген – в 112. Амбулаторный прием и стационарная помощь предоставляются в 111 районах. Также довольно равномерно представлены такие услуги, как массаж, физиотерапия и процедурные кабинеты – их оказывают в 106–108 районах (рис. 2).

Услуги со средней представленностью – от 50 до 100 районов – включают психотерапию (98), педиатрию (93), эндокринологию (81), оториноларингологию (76), офтальмологию (73), кардиологию (62) и компьютерную томографию (58). Это уже более специализированные направления, требующие профильных специалистов или дополнительного оборудования, что делает их менее доступными.

Наименее широко распространены высокотехнологичные и узкоспециализированные услуги. Среди них – травматология (46 районов),

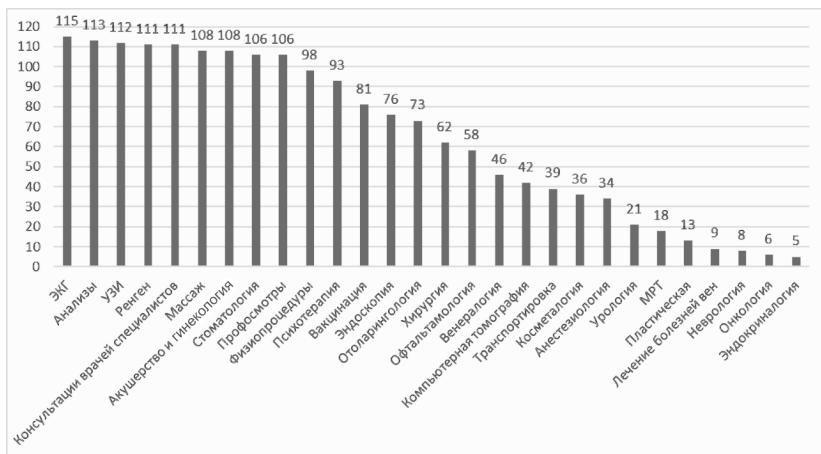

Рисунок 2. – Количество административных районов, оказывающих определенные услуги

Примечание: составлено автором по [1–3].

анестезиология (42), урология (39), магнитно-резонансная томография (36), гинекология (34), лечение боли (21), неврология (18), кардиохирургия (13), нефрология (9), онкология (8), эндохирургия (6) и эндопротезирование (5). Как правило, такие направления требуют сложного оборудования, высоких затрат и наличия специалистов узкого профиля, что объясняет их ограниченную доступность.

Таким образом, можно сделать вывод, что наиболее равномерно и широко по районам распределены базовые медицинские услуги, в то время как доступ к специализированным и особенно высокотехнологичным видам помощи остается ограниченным. Это может указывать на необходимость дальнейшего развития и перераспределения ресурсов для обеспечения более равного доступа населения к медицинским услугам.

Литература

1. Сайты центральных районных больниц административных районов Республики Беларусь.
2. Справочно-информационный портал «103.by». – URL: <https://www.103.by> (дата доступа: 16.01.2025).
3. Регионы Беларуси: ежегодник. – Минск : Белстат, 2024. – 340 с.

Фактор сезонности в туризме

*Исмаилова Ю. И., студ. IV к. БГУ,
науч. рук. проф. Давыденко Л. Н., д-р эк. наук*

Сезонность – это устойчивые закономерности внутригодовой динамики социально-экономических явлений, обусловленные особенностями товарного предложения и потребительского спроса, а также изменениями затрат в зависимости от климатических условий. Это повторяющиеся колебания спроса и предложения в течение года. Изучение сезонных колебаний важно, так как оно позволяет понять специфику развития явлений в каждом месяце или квартале годового цикла [1].

Всеобъемлющая тенденция и серьезная проблема в международном туризме – это сезонность, проявляющаяся в резком увеличении туристических потоков летом и значительном снижении в зимние и особенно осенне-весенние месяцы. На сезонность в международном туризме оказывают воздействие как климатические, так и социальные факторы. Выделяют три основные группы факторов, влияющих на сезонность туристических услуг: природно-климатические, особенности конкретных видов туризма, характеристики труда и отдыха потребителей.

Многие исследователи предлагают подробную классификацию факторов сезонности, выделяя две основные группы: первичные и вторичные [2]. К первичным факторам относятся природно-климатические условия, такие как климат и погода, которые являются ключевыми аспектами сезонности, а также ландшафтные характеристики отдельных стран и регионов, популярных среди туристов.

Вторичные факторы включают:

- Экономические факторы, которые раскрывают структуру потребления товаров и услуг, формирование платежеспособного спроса через предложение, а также возможность приобретения товаров или услуг только в определенные сезоны или периоды года. Например, в периоды экономического кризиса или высокой инфляции, туристы могут ограничивать свои расходы на поездки, что приводит к снижению спроса на туристические услуги.
- Социальные факторы, которые связаны с наличием и характером свободного времени, а также с потребностями населения в отдыхе и оздоровлении, которые зависят от времени года. Например, большинство школьных каникул приходится на летние месяцы. Поэтому родители, как правило, отдыхают вместе с детьми.
- Демографические факторы, которые предполагают, что спрос на туристические услуги варьируется по множеству параметров. Например, семьи с детьми могут предпочитать путешествовать во время школьных

каникул, а молодые люди могут больше интересоваться веселыми и активными видами отдыха.

- Психологические факторы, включающие традиции, моду, подражание и показное потребление, где существует негласное правило: «Все отдыхают летом – и я тоже». Также, например, люди могут хотеть избежать холодной и серой зимы, что приводит к повышению спроса на туристические услуги в более теплые и солнечные месяцы.
- Материально-технические факторы, касающиеся состояния и развития туристической инфраструктуры, а также ее сезонной деятельности, включая круглогодичные и сезонные предприятия.
- Технологические факторы, играющие важную роль в туристическом бизнесе, влияя на его сезонность. С развитием технологий появляются новые возможности для туристов и предприятий, такие как онлайн-бронирование и мобильные приложения, что делает планирование путешествий более удобным. Однако это также может усилить сезонность: большинство туристов начинают бронировать заранее, увеличивая спрос в высокий сезон и снижая его в остальное время. Возможность путешествовать в любое время года может снизить общую сезонность, но увеличить конкуренцию между предприятиями и усилить сезонность в отдельных сегментах.
- Климатические факторы, обусловленные тем, что погодные условия, подходящие для отдыха и туризма, варьируются по месяцам в разных регионах мира. Люди стремятся брать отпуска в наиболее комфортное время года. Несмотря на противоположность сезонов в южном и северном полушариях, сезонность в международном туризме остается актуальной [3].

Сезонность оказывает значительное влияние на рентабельность всех туристских предприятий и других производств, ориентированных на обслуживание туристов. Сезонный спад вызывает временное высвобождение рабочей силы и перераспределение издержек производства, что необходимо учитывать при формировании политики цен на товары и услуги.

Литература

1. Международный туризм и его значение. Сезонность в туризме. – URL: https://intuit.ru/studies/professional_skill_improvements/19950/courses/795/lecture/30443?page=2 (дата доступа: 29.03.2025).

2. Ильина, Е. Н. Основы туристской деятельности / Е. Н. Ильина. – М. : Норма, 2016. – 412 с.

3. Артюхова, И. В. Управление факторами сезонности в гостиничном бизнесе / И. В. Артюхова // Инновационная наука. – 2016. – № 4. – С. 25.

Рекомендации по совершенствованию таможенного законодательства в рамках института административной ответственности

*Костюк М. В., студ. IV к. ГрГУ им. Я. Купалы,
науч. рук. ст. преп. Габец Н. С.*

Таможенное законодательство Республики Беларусь играет важную роль в обеспечении экономической безопасности страны, регулируя перемещение товаров через таможенную границу. Эффективность таможенного контроля напрямую зависит от четкости и справедливости норм, устанавливающих административную ответственность за нарушения.

Действующее таможенное законодательство Республики Беларусь, включая Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП Республики Беларусь) [1] и Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (далее – ТК ЕАЭС), содержит ряд положений, регулирующих административную ответственность за таможенные правонарушения. Однако практика применения этих норм выявляет ряд проблем:

1) сложность и неоднозначность формулировок – некоторые нормы КоАП Республики Беларусь и ТК ЕАЭС сформулированы недостаточно четко, что создает предпосылки для произвольного толкования и применения;

2) отсутствие единообразной практики, различия в подходах к применению норм административной ответственности между различными таможенными органами приводят к неравномерности наказаний;

3) недостаточное использование современных технологий – внедрение информационных технологий в таможенное администрирование идет недостаточно быстро, что затрудняет выявление и пресечение правонарушений;

4) сложность процедуры обжалования – процедура обжалования решений таможенных органов является сложной и длительной, что затрудняет защиту прав участников внешнеэкономической деятельности.

Для повышения эффективности института административной ответственности в таможенной сфере Республики Беларусь необходимо: 1) разработать четкие критерии для определения степени тяжести таможенных правонарушений, ввести систему штрафов, учитывающую размер ущерба, причиненного государству, и обстоятельства совершения правонарушения; 2) предусмотреть возможность применения предупреждений и других мер профилактического характера за незначительные нарушения; 3) ввести систему прогрессивных штрафов, когда размер штрафа увеличивается в зависимости от количества повторных нарушений. Кроме того, необходимо уточнить и унифицировать формулировки норм КоАП Республики Беларусь и ТК ЕАЭС, касающихся административной ответственности. Следует разработать методические рекомендации для таможенных органов по

применению этих норм, регулярно проводить анализ судебной практики и практики таможенных органов с целью выявления и устранения противоречий. На наш взгляд, необходимо также провести комплексную ревизию таможенного законодательства с целью выявления и устранения устаревших и неэффективных норм.

С целью унификации законодательства государств-членов ЕАЭС об административной ответственности за таможенные правонарушения следует:

- 1) создать единую базу данных по таможенным правонарушениям и мерам административной ответственности;

- 2) проводить регулярные обучающие семинары для сотрудников таможенных органов по вопросам применения таможенного законодательства;

- 3) усилить контроль за деятельностью таможенных органов со стороны вышестоящих инстанций, разработать и внедрить единые стандарты и процедуры для всех таможенных органов;

- 4) активно внедрять информационные технологии в таможенное администрирование, включая системы анализа рисков и электронного декларирования, использовать технологии искусственного интеллекта для повышения эффективности таможенного контроля.

С целью гармонизации таможенного законодательства Республики Беларусь с международными стандартами и законодательством государств-членов ЕАЭС следует развивать сотрудничество с такой международной организацией, как Всемирная таможенная организация, для обмена опытом и передовыми практиками. Кроме того, необходимо разработать систему «обратной связи» для получения информации о проблемах, возникающих у участников ВЭД.

Совершенствование института административной ответственности в таможенной сфере Республики Беларусь является важным фактором повышения эффективности таможенного контроля и обеспечения экономической безопасности страны. Реализация предложенных рекомендаций позволит сделать таможенное законодательство более справедливым, прозрачным и эффективным, что будет способствовать развитию международной торговли и привлечению инвестиций.

Литература

1. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: 6 янв. 2021 г. № 91-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобрен Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в Кодекс с 17 июл. 2023 г. изм. и доп. не вносились. – Минск : Амалфея, 2023. – 512 с.

Современные научные исследования в области профайлинга

*Миронюк А. В., студ. 1 к. БГУ,
науч. рук. проф. Острога В. А., д-р ист. наук*

В современных условиях обеспечение безопасности государства и его граждан требует применения инновационных подходов к выявлению потенциальных угроз и предотвращению противоправных действий. Профайлинг – комплексная система оценки и прогнозирования поведения человека становится все более актуальным инструментом в деятельности таможенной службы и других государственных структур Республики Беларусь.

Особую значимость использование профайлинга приобретает в контексте активности трансграничной преступности, увеличения потоков нелегальной миграции и возрастающих террористических угроз. Внедрение современных методик профайлинга позволяет существенно повысить эффективность работы специальных служб по выявлению лиц с противоправными намерениями, предотвращению контрабанды и обеспечению безопасности на государственной границе.

Тематике профайлинга посвящено множество публикаций, одними из важнейших являются исследования белорусских авторов. Например, согласно мнению О. В. Агейко и Е. В. Спирицы, в Республике Беларусь в период с 2019-го по 2020 г. профайлинг находился на начальном этапе своего развития как в научно-методологическом, так и в практическом аспектах [1, с. 15]. Авторы отмечают, что основные направления применения профайлинга в стране сосредоточены преимущественно в сфере таможенного контроля, где данная технология используется для выявления нелегальных товаров у потенциально опасных лиц и предотвращения противоправных действий.

В связи с этим отдельные эксперты считают необходимым создание в Беларуси комплексной системы подготовки специалистов-профайлеров [3, с. 46]. Они акцентируют внимание на необходимости разработки специализированных учебных программ и методических материалов, адаптированных к белорусским реалиям и учитывающих специфику работы различных правоохранительных структур.

С другой стороны, В. Ермолович и Ю. И. Селятыцкий в своих работах обращают особое внимание на технологический аспект развития профайлинга в Республике Беларусь [4, с. 119]. Исследователи отмечают важность технического оснащения и наличие современных автоматизированных систем профайлинга, что существенно повышает возможности правоохранительных органов в области выявления различного рода потенциальных угроз.

Исходя из этого, на наш взгляд, основной проблемой является недостаточно системный подход к использованию профайлинга. Так, несмотря на

наличие отдельных успешных практик применения профайлинга в таможенной службе, сегодня отсутствует единая методологическая база и стандарты подготовки специалистов.

Анализируя мнения белорусских исследователей, можно выделить и различия в подходах к организации профайлинговой деятельности в Республике Беларусь и других странах. Так, О. В. Агейко отмечает, что в развитых странах профайлинг интегрирован в комплексную систему безопасности, а в Беларуси применяется в более узком формате [2, с. 45]. Это не позволяет максимально эффективно использовать данную технологию в практической деятельности правоохранительных органов.

Отметим, что особого внимания заслуживает опыт Израиля, где профайлинг является обязательным элементом системы безопасности на всех уровнях. По мнению Л. А. Валько, белорусским специалистам следует обратить особое внимание на израильскую модель подготовки профайлеров, которая включает не только теоретическое обучение, но и интенсивную практическую подготовку в реальных условиях [3, с. 47].

Ему вторят Д. В. Ермолович и Ю. И. Селятыцкий, которые считают необходимым создание в Беларуси отдельной, построенной на самых современных технологиях, лаборатории полицейского профайлинга [4, с. 118]. Авторы отмечают, что такая лаборатория могла бы стать центром развития профайлинговых технологий и подготовки специалистов высокого уровня.

Авторы отмечают и серьезные наработки белорусских правоохранителей. Так, О. В. Агейко приводит показательный пример успешного применения профайлинга на белорусской таможне, когда благодаря наблюдению за невербальными признаками был выявлен случай контрабанды наркотических веществ [1, с. 78]. Сотрудник таможни, прошедший специальную подготовку по профайлингу, обратил внимание на несоответствие между спокойным тоном речи пассажира и его напряженной жестикуляцией.

Интересный пример использования профайлинговых технологий в работе пограничной службы Беларуси описывает Л. А. Валько [3, с. 46]. В ходе проверки документов сотрудник, применяя методики профайлинга, выявил признаки подделки паспорта по особенностям поведения предъявителя документа, что впоследствии подтвердилось техническим исследованием.

Анализируя белорусские исследования в области профайлинга, можно выделить несколько ключевых направлений, требующих особого внимания для развития этой сферы в стране. Например, О. В. Агейко и Е. В. Спирица подчеркивают необходимость создания единой системы подготовки специалистов-профайлеров, включающей как базовое обучение, так и регулярное повышение квалификации [1, с. 92]. Это, по их мнению, позволит сформировать профессиональное сообщество экспертов, способных эффективно применять профайлинговые технологии в различных сферах.

Д. В. Ермолович акцентирует внимание на важности технологической модернизации существующих систем профайлинга [4, с. 119]. В частности, предлагает внедрить автоматизированные системы анализа поведения, использующие элементы искусственного интеллекта для выявления потенциально опасных лиц в местах массового скопления людей.

По нашему мнению, особый интерес представляет предложение Л. А. Валько о создании межведомственного центра профайлинга, который мог бы координировать работу различных служб и обеспечивать обмен опытом между специалистами [3, с. 47]. Такой центр стал бы площадкой для разработки и апробации новых методик профайлинга, адаптированных к белорусским реалиям.

Таким образом, развитие профайлинга в Республике Беларусь является главным условием для эффективной деятельности служб обеспечения национальной безопасности. Несомненно, ключевым фактором выступает совершенствование системы отбора, подготовки и повышения квалификации специалистов, внедрение современных технологий и искусственного интеллекта. Важным моментом остается всестороннее взаимодействие правоохранительных органов в этой сфере и в целом активное изучение и адаптация успешных зарубежных практик в области профайлинга.

Литература

1. Агейко, О. В. Основы профайлинга : пособие для магистрантов учреждений высшего образования специальности 2-й ступени высшего образования 1-26 81 13 «Государственное управление в сфере правоохранительной деятельности» / О. В. Агейко, Е. В. Спирица. – 3-е изд., стереотип. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2021. – 122 с.
2. Агейко, О. В. Основы профайлинга : пособие для магистрантов учреждений высшего образования специальности 2-й ступени высшего образования 1-26 81 13 «Государственное управление в сфере правоохранительной деятельности» / О. В. Агейко, Е. В. Спирица. – 2-е изд., стереотип. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2019. – 122 с.
3. Валько, Л. А. Перспективы развития профайлинга в Республике Беларусь / Л. А. Валько // Правовые, экономические и социально-гуманитарные науки : сб. науч. тр. / М-во образования Респ. Беларусь, Могилев. гос. ун-т продовольствия, БИП-Ин-т правоведения, Могилев. фил. – Могилев, 2017. – Вып. 3. – С. 45–47.
4. Ермолович, Д. В. Перспективы создания и развития современной лаборатории полицейского профайлинга / Д. В. Ермолович, Ю. И. Селятыцкий // Организация образовательного процесса : информ.-метод. сб. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск, 2016. – № 14. – С. 118–120.

Роль информационных систем в совершенствовании таможенного регулирования

*Ральцевич А. С., студ. IV к. ГрГУ им. Я. Купалы,
науч. рук. Богустов А. А., канд. юр. наук, доц.*

В условиях глобализации и стремительного развития международной торговли таможенное регулирование становится все более сложным и многогранным процессом, требующим не только глубокого знания законодательства, но и применения современных технологий. Информационные системы играют ключевую роль в оптимизации этих процессов, позволяя сократить время обработки данных, повысить точность информации и улучшить взаимодействие между участниками внешнеэкономической деятельности и таможенными органами.

Однако на фоне стремительной цифровизации экономики и роста объемов трансграничной торговли возникают новые вызовы: необходимость ускорения процедур, минимизации ошибок и обеспечения прозрачности операций. Информационные системы становятся инструментом, трансформирующим традиционное таможенное администрирование. Они не только автоматизируют такие рутинные процессы, как декларирование и контроль грузов, но и создают основу для прогнозирования рисков, анализа данных в режиме реального времени и укрепления межгосударственного сотрудничества.

Информационные системы охватывают широкий спектр технологий и решений, направленных на автоматизацию и оптимизацию процессов, связанных с таможенным контролем. Они играют ключевую роль в следующих аспектах:

1. Автоматизация процессов: информационные системы позволяют автоматизировать подачу и обработку таможенных деклараций, что значительно сокращает время оформления грузов и уменьшает административные барьеры для бизнеса.

Как пример можно привести эксперимент по удаленному выпуску экспортных товаров, реализованный на Могилевской и Брестской таможнях, который наглядно демонстрирует эффективность автоматизации. Суть проекта заключается в том, что выпуск товаров осуществляется в одной таможне (например, Могилевской), а контроль при необходимости проводится по месту их нахождения в регионе деятельности другой таможни (Брестской). Это стало возможным благодаря интеграции информационных систем.

Как отметили в ГТК, среднее время выпуска товаров в рамках эксперимента сократилось до двух минут. Это подтверждает, что ИС не только ускоряют процессы, но и оптимизируют распределение ресурсов, снижая нагрузку на отдельные пункты пропуска [2].

2. Повышение точности данных: использование информационных систем минимизирует количество ошибок, связанных с человеческим фактором, что особенно важно в условиях, когда точность данных имеет критическое значение для соблюдения законодательства.

3. Мониторинг и аналитика: информационные системы обеспечивают возможность анализа больших объемов данных, что способствует выявлению рисков и нарушений, а также улучшает качество контроля за соблюдением норм и правил.

Особую актуальность эти технологии приобретают в контексте интеграции в рамках Евразийского экономического союза, где гармонизация цифровых решений и таможенных стандартов выступает условием эффективного функционирования единого экономического пространства. В Республике Беларусь, например, внедрение проектов типа «Электронная таможня» представляет собой комплекс мер, направленных на развитие электронных информационных систем таможенных органов, основанных на принципах анализа и управления рисками [1]. Эти системы позволяют участникам внешнеэкономической деятельности подавать документы в электронном виде, что наглядно демонстрирует, как информационные системы реализуют свои функции на практике. Аналогичные системы функционируют и в других странах ЕАЭС, что способствует гармонизации подходов к таможенному регулированию.

Таким образом, информационные системы играют ключевую роль в совершенствовании таможенного регулирования, обеспечивая эффективность, прозрачность и безопасность процессов. Их внедрение способствует улучшению взаимодействия между таможенными органами и участниками внешнеэкономической деятельности, что в конечном итоге положительно сказывается на экономическом развитии стран. Важно продолжать развитие и адаптацию информационных систем к меняющимся условиям международной торговли, чтобы обеспечить соответствие современным требованиям и стандартам.

Литература

1. Смирнова, Е. А. Оценка эффективности деятельности электронных таможен / Е. А. Смирнова // КиберЛенинка. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-effektivnosti-deyatelnosti-elektronnoy-tamozhni> (дата обращения: 13.04.2025).

2. Удаленный выпуск экспортных товаров занимает в среднем две минуты – ГТК [сайт] // БЕЛТА. – 2020. – URL: <https://belta.by/society/view/udalennyj-vypusk-eksportnyh-tovarov-zanimaet-v-srednem-dve-minuty-gtk-403187-2020/> (дата обращения: 13.04.2025).

РАЗДЕЛ 5

КУЛЬТУРОЛОГИЯ. СОВРЕМЕННЫЕ ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ. ФИЛОЛОГИЯ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА. ПСИХОЛОГИЯ

Образ «таэру онна» в японской культуре

*Велисейчик Д. В., студ. IV к. БГУ,
науч. рук. ст. преп. Ерышов А. В.*

Изучение образа «таэру онна» является важным аспектом в исследованиях гендерных ролей и социальных норм в обществе. Важно отметить, что использование данного термина в научной литературе ограничено, что может затруднять его анализ и понимание. Однако сами идеи имеют глубокие корни в культурных и исторических контекстах.

Термин «таэру онна» (耐える女) представляет собой интересное лексическое и культурное явление. Глагол таэру (耐える) происходит от иероглифа 耐 (ТА), который имеет смысл «выдерживать», а в данном иероглифическом сочетании переводится как «терпеть». В совокупности «таэру онна» можно перевести как «терпящая женщина» или «женщина, которая терпит».

Образ «терпящей женщины» рассматривает Мурамацу Ясуко. Она определяет его как ключевой элемент японских телевизионных драм, который формировался в контексте изменений, происходивших с 1960-х до 1980-х гг. Исследователь трактует «таэру онна» как женщину, которая сталкивается с множеством трудностей и страданий, обусловленных традиционными гендерными ролями и патриархальной структурой общества.

«Таэру онна» часто изображается как женщина, зависимая от мужчины и неспособная принимать самостоятельные решения в жизни. Мурамацу сравнивает «терпящую женщину» с еще одним женским образом «надежной матери» (таномоши хаха). В отличие от которой, «таэру онна» часто не справляется со страданиями и остается одинокой в своем горе [2, с. 163].

Анализируя телевизионные драмы, автор подчеркивает, что этот образ служит инструментом для поддержки традиционных гендерных ролей в японском обществе. Страдания таких персонажей показывают последствия социального давления и ожиданий, которые возлагаются на женщин. Они также часто сталкиваются с отрицанием своих желаний и стремлений,

что иллюстрирует более широкие общественные нормы, которые требуют от женщин соблюдения обязательств перед обществом и своей семьей. Таким образом, «терпящая женщина» становится символом покорности и страдания, возникающего при попытках выхода за рамки традиционных ролей.

М. Ясуко отмечает, что такая роль в художественной культуре создает эмоциональное напряжение и драму, которые привлекают зрителей. Кроме того, данный образ подталкивает зрителя к осмыслению проблем, с которыми сталкивались женщины в разные времена. С другой стороны, автор отмечает, что такое представление женских ролей может способствовать усилению стереотипов о слабости и зависимости. Эти представления также могут негативно сказываться на самооценке [2, с. 164].

В японском традиционном обществе считается, что женщины должны быть терпеливыми, заботливыми и готовыми к самопожертвованию. Это создает представление о «таэру онна» как о женщине, которая должна справляться с трудностями без жалоб, заботясь о семье, доме и интересах мужа [1].

Таким образом, «таэру онна» является важной составляющей в изучении социального положения женщин, т.к. представляет собой результат социальных норм, законов и стереотипов, которые устанавливались японским обществом.

Литература

1. Суханова, Н. Н. Социальный статус женщины в Японии: вехи истории / Н. Н. Суханова // Известия Иркутского гос. университета. – 2013. – № 2. – С. 106–112.
2. Muramatsu, Y. Women's Studies in Television Drama / Y. Muramatsu. – Tokyo : Soutakusha, 1979. – 172 p.

Тейярдизм в рассказе Ф. О'Коннор «На вершине все тропы сходятся»

*Данюк Д. И., магистрант БГУ,
науч. рук. Бутырчик А. М., канд. филол. наук, доц.*

Тейярдизм представляет собой специфическое направление католической мысли, синтезирующее христианскую теологию с эволюционистскими идеями. Его создатель, П. Т де Шарден (Pierre Teilhard de Chardin, 1881–1955), стремится осуществить программу целостного постижения мира, в которой научные теории не опровергали, а дополняли бы представления о божественной предопределенности бытия.

Подобное совмещение познавательных модусов апеллирует к индивидуальному мировоззрению Ф. О'Коннор (Flannery O'Connor, 1925–1964),

которая также нацелена на осмысление человеческой жизни в единстве ее материальных и трансцендентальных аспектов. В образной форме она фиксирует процесс внутреннего становления героя, «эволюционирующего» по направлению к Богу.

Наиболее яркую художественную реализацию идеи тейярдизма получают в рассказе Ф. О'Коннор «На вершине все тропы сходятся» (Everything That Rises Must Converge, 1965). Само название произведения является прямым цитированием слов П. Т. де Шардена из работы «Феномен человека» (The Phenomenon of Man, 1955). В ней раскрывается концепция постоянного восхождения человечества к точке Омега, воплощающей абсолютную божественную любовь и разум. Благодаря интеллектуальным усилиям и эмоциональным стремлениям индивиды способны достичь состояния «дифференцированного единства», когда личность сохраняет неповторимость и одновременно обретает полноту бытия в вечности соприсутствия Бога.

Тема необходимости всеобщего сопричастия демонстрируется на примере судьбы главного героя рассказа Джулиана. Молодой человек являет образец интеллектуальности, лишенной сентиментальности чувств и межличностных привязанностей. Он отстраняется от поверхностной и претенциозной матери, заявляя: «most miraculous of all, instead of being blinded by love for her as she was for him, he had cut himself emotionally free of her and could see her with complete objectivity» [1]. Джулиан способен самостоятельно вырабатывать стратегию поведения, не основанную на предрассудках и традициях. Один из источников его конфликта с матерью – это вопрос признания равенства афроамериканцев, права которых молодой человек яростно отстаивает.

На поверхностном уровне может показаться, что именно такой человек должен восприниматься как активное звено, соединяющее земную жизнь с точкой Омега. Его ум помогает устанавливать новые связи между членами общества, строящегося на любви и обоюдном уважении. П. Т. де Шарден утверждает, что только человеческий разум может сподвигнуть материальный мир биосферы к эволюции в ноосферу, являющуюся пространством интеллектуального единения человечества.

Однако в действительности отношение Джулиана к жизни оборачивается полной противоположностью цели трансцендентального эволюционизма. Герой не просто не желает связи с теми концепциями и воззрениями, которые считает неправильными, а осознанно возвышает себя над всеми окружающими, становящимися лишь объектами его деятельности. Для него борьба за права чернокожих – это не более чем акт неповиновения, утверждения собственной замкнутой, а поэтому и ограниченной уникальности. Афроамериканец, с которым Джулиан разговаривает в автобусе, оказывается инструментом противостояния жизненной позиции матери, любовь которой

рассматривается как досадная помеха в установлении монологической, закрытой точки зрения на мир.

Разум Джулиана, должный являться прообразом разума Бога, проявляется рассудочностью, отделяющей его от живого мира других людей. Его мировоззрению не хватает необходимого для эволюции сакрального, эмоционального измерения, которое помогает достичь реальности за пределами видимого. Для П. Т. де Шардена именно любовь ко всем окружающим становится фундаментом «дифференцированного единства», силой универсального притяжения мыслящего вещества. Точка Омега (Бог) вовлекает человека в свою орбиту через онтологическую заботу, на которую тот должен ответить посредством сопричастия к действительности. Когда Джулиан отказывается от искренних, пускай и навязчивых чувств матери, то вырывает и себя, и ее из цепи духовного восхождения.

Трансформация внутреннего содержания персонажа происходит в момент смерти матери, когда столкновение с конечностью человеческой жизни впервые заставляет героя понять важность связи с людьми. Джулиан кричит о помощи, осознав, насколько важно участие, и ощутив, чем чревато отсутствие вмешательства божественной любви.

Таким образом, в рассказе Ф. О'Коннор «На вершине все тропы сходятся» на примере судьбы главного героя раскрывается эволюционистская концепция тейярдизма. Джулиан, воплощающий интеллектуальность без чувственности, открывает через событие смерти матери необходимость человеческого движения к единению в Боге.

Литература

1. O'Connor, F. Everything That Rises Must Converge / F. O'Connor // University of California, Berkeley. – URL: <https://wheelercolumn.berkeley.edu/wp-content/uploads/2021/09/OConnor.Everything-that-Rises-Must-Converge.pdf> (date of access: 08.04.2025).

Специфика взаимодействия науки и цифрового искусства в современном обществе

*Ковалевская Е. Г., студ. II к. БГУ,
науч. рук. проф. Баньковская Ю. Л., д-р филос. наук, доц.*

Эпоха господства научной рациональности и стремительного развития научной мысли породила особенно острую дискуссию о взаимодействии научного прогресса и искусства.

Вопрос влияния науки на искусство не является изобретением философской мысли последних нескольких веков: еще в XVIII в. Дени Дидро писал,

что научные знания помогают художникам и писателям глубже понимать природу человека. Знания физики и оптики привели к созданию реалистичных световых эффектов [1]. Искусство, в свою очередь, может вдохновлять ученых и способствовать распространению научных идей.

Гегель же придерживался иной точки зрения. Рассуждая о развитии научной мысли и утверждая, что «сам интеллект всецело предан наукам, полезным лишь для достижения подобного рода практических целей, впал в соблазн и обрек себя на добровольное изгнание в эту безотрадную пустыню», он пишет: «Вся духовная культура нашего времени носит такой характер, что художник находится внутри этого рефлексирующего мира, будучи не в состоянии ни абстрагироваться от него усилием воли и принятием решения, ни достигнуть искусственно уединения...» [2].

Начало спора о роли искусства в эпоху научно-технической революции в России положило выступление в 1959 г. журналиста И. Эренбурга на страницах «Комсомольской правды» [3]. В дальнейшем данная тенденция была подхвачена иными популярными изданиями, в итоге вылившись в дискуссию, получившую название спора «физиков» и «лириков». «Физики» убеждали, что в век науки, эпоху господства разума, места искусству не остается. «Лирики» же, в свою очередь, утверждали необходимость дополнения мира абстракциями живых человеческих переживаний.

В эпоху цифровых медиа технологии и искусство образуют в тандеме феномен цифрового искусства. Так, В. М. Розин определяет цифровое искусство как форму искусства, где цифровые технологии становятся не только средством, но и частью художественного высказывания, создавая новые эстетические и смысловые измерения [4], а А. Шульгин пишет, что цифровое искусство – это синтез художественного творчества и компьютерных технологий, где алгоритмы, программы и цифровые устройства являются соавторами художника [5].

Осмысление цифрового искусства сталкивается с рядом вызовов, необходимых для разрешения глобального вопроса о положении цифрового искусства в общей системе искусств и в культуре в целом. Творческую составляющую цифрового искусства необходимо рассматривать в синтезе технологического и эстетического, и эта специфическая черта ставит под вопрос саму его сущность. Однако отказ от объективации художественных произведений в материале имел место быть еще в авангардном искусстве «новой волны» и исходит из концепции пневматизма И. Кляйна [6].

Цифровое искусство, почти стирающее границы как между творцом и средством, так и между творцом и зрителем, являет собой феномен лишения произведения цифрового искусства безусловного авторства как такового, превращая его в чистый виртуальный концепт.

Цифровое искусство привносит в привычный набор характеристик искусства принципиально новые эстетические категории: интерактивность, виртуальность и симуляцию, превращает культурное пространство в единую площадку для межкультурного диалога. Оно открывает новые возможности для экспериментов с формой и содержанием, разрушая привычный треугольник связи «художник – художественный образ – реципиент». Цифровое искусство позволяет синтезировать с тем же успехом различные направления искусства, создавая его новые формы, обладающие различной степенью виртуальности и интерактивности, и повышать влияние зрителя на сам художественный процесс.

Литература

1. Дидро, Д. Опыт о живописи / Д. Дидро ; пер. с франц. А. С. Кулишер. – Москва : Искусство, 1936. – 215 с.
2. Гегель, Г. В. Ф. Лекции по эстетике : в 2 т. / Г. В. Ф. Гегель ; пер. с нем. Б. Г. Столпнера. – Санкт-Петербург : Наука, 2007. – Т. 1. – 623 с.
3. Эренбург, И. Ответ на одно письмо // Комсомольская правда. – 1959. – 2 сентября (№ 206). – С. 3–4.
4. Розин, В. М. Цифровое искусство в контексте культуры / В. М. Розин // Вопросы философии. – 2018. – № 5. – С. 45–56.
5. Шульгин, А. Искусство после интернета / А. Шульгин // Художественный журнал. – 2012. – № 86. – С. 12–18.
6. Klein, Y. Le Manifeste de l'hôtel Chelsea = The Chelsea Hotel Manifesto / Y. Klein. – Paris : Éditions Dilecta, 2006. – 32 p.
7. Эстетика и теория искусства XX века : коллективная монография / под ред. В. В. Бычкова. – Москва : Прогресс-Традиция, 2007. – 512 с.

Carnaval em Portugal

*Мелькова П. А., студ. I к. БГУ,
науч. рук. ст. преп. Шарупич Т. С.*

O Carnaval em Portugal possui uma rica trajetória histórica que remonta às antigas civilizações da Mesopotâmia, Grécia e Roma, onde já se observavam elementos fundamentais como o uso de máscaras, danças coletivas e críticas sociais veladas sob a forma de brincadeiras. Nas Saturnais romanas – festivais dedicados a Saturno – ocorriam banquetes públicos e uma curiosa inversão temporária da hierarquia social, com escravos assumindo papéis de senhores. Paralelamente, na Grécia Antiga, os cultos dionisiacos promoviam procissões com fantasias elaboradas e uma atmosfera de liberdade comportamental incomum para a época. Com a ascensão do Cristianismo na Europa, a Igreja Católica, reconhecendo a impossibilidade de erradicar essas tradições populares, optou por assimilá-las ao

seu calendário religioso no século VIII, transformando-as no período carnavalesco que antecede a Quaresma [1].

No contexto português, as primeiras manifestações do Carnaval, então denominado “Entrudo”, aparecem documentadas durante o reinado de D. Afonso III (1248–1279), caracterizando-se por brincadeiras rústicas que envolviam o lançamento mútuo de água, ovos, farinha e outros materiais entre os participantes. O século XIX marcou uma virada significativa nessas celebrações, com as autoridades locais implementando medidas para coibir os excessos mais violentos e fomentar formas mais civilizadas de festejo. Um marco importante ocorreu em 1906, quando Loulé organizou o primeiro desfile carnavalesco estruturado, cujos lucros foram destinados a obras de caridade, estabelecendo um modelo que seria replicado em diversas regiões do país. Nesse período, consolidou-se também uma clara distinção social nas celebrações: enquanto a aristocracia portuguesa adotava os refinados bailes de máscaras inspirados nos modelos europeus, as camadas populares mantinham vivas tradições como as peculiares batalhas de flores [2].

Na contemporaneidade, o Carnaval português preserva sua extraordinária vitalidade, demonstrando uma notável capacidade de adaptação às transformações sociais sem perder sua essência festiva e transgressora. As celebrações concentram-se tradicionalmente no período que antecede a Quarta-feira de Cinzas, embora em algumas localidades se estendam por intervalos temporais mais amplos. Os desfiles organizados, com seus imponentes carros alegóricos e grupos de foliões em trajes elaborados, constituem o cerne das manifestações atuais, frequentemente abordando temas sociais e políticos através de uma linguagem satírica e irreverente. A dimensão comunitária do evento revela-se no envolvimento ativo de escolas, associações e coletivos locais, que dedicam meses à preparação minuciosa de suas apresentações, incluindo segmentos especiais destinados à participação infantil [3].

Entre os exemplos mais emblemáticos de celebrações carnavalescas em Portugal destacam-se: Torres Vedras, famosa por seu humor mordaz e pela presença dos peculiares Matrafonas (homens travestidos de forma caricata); Loulé, pioneira na institucionalização dos desfiles temáticos; e o Funchal, na Ilha da Madeira, que encanta visitantes com seus cortejos coloridos e o singular Cortejo Trapalhão, onde participantes com rostos pintados realizam sátiras sociais. Na região norte, a vila de Podence mantém viva a ancestral tradição dos Caretos – enigmáticas figuras mascaradas com trajes de franjas coloridas e chocalhos na cintura, reconhecidas pela UNESCO como Patrimônio Cultural Imaterial da Humanidade em 2019 [3].

A despeito das particularidades regionais, todas as manifestações carnavalescas em Portugal compartilham elementos estruturantes como: a presença de personagens caricaturais que satirizam tipos sociais; a crítica institucional através do humor; a suspensão temporária das normas convencionais de comportamento; e o uso ritualístico de máscaras e disfarces. O Carnaval português configura-se, portanto, como um fenômeno cultural de extraordinária complexidade, que logrou preservar

сuas raízes históricas enquanto dialogava criativamente com as transformações da sociedade contemporânea, mantendo intacta sua função primordial como espaço de catarse coletiva e experimentação criativa. Esta festividade secular permanece como um fiel espelho da identidade cultural portuguesa, sintetizando de maneira singular a tensão entre tradição e modernidade que caracteriza a experiência social no Portugal atual [3].

Literatura

1. Carnaval em Portugal: história, tradições e datas // Aquila Company. – 06.02.2024. – URL: <https://www.calendarr.com/portugal/carnaval/> (data de acesso: 13 abril 2025).

2. Carnaval em Portugal: Conheça a origem e as melhores festas em 2025! // Pumpkin Enterprises. – URL: <https://pumpkin.pt/familia/lifestyle-criancas/festas-aniversarios-batizados-ferias/carnaval-em-portugal/> (data de acesso: 13 abril 2025).

3. Conheça 8 curiosidades sobre o Carnaval de Portugal // Aquila Company. – URL: <https://aquilacompany.com.br/2024/02/conheca-8-curiosidades-sobre-o-carnaval-de-portugal/> (data de acesso: 13 abril 2025).

Профессиональная направленность выпускников медицинского колледжа

*Яковчик Т. В., маг. I к. БарГУ,
науч. рук. ст. преп. Кишея И. Л., магистр психол. наук*

Профессиональная направленность выпускников медицинского колледжа является результатом сложного взаимодействия различных факторов и условий, которые формируют их личность и ценностные ориентиры в процессе онтогенеза. Это подчеркивает важность комплексного подхода к образованию, который учитывает как профессиональные, так и гуманистические аспекты развития будущих медицинских работников.

Профессиональная направленность личности студента-медика отражает его положительное отношение к окружающим, в основе которого лежат моральные нормы и правила; степень его потребностно-мотивационной готовности в их соблюдении; позитивное отношение к будущей профессии, устойчивый интерес к ней; склонность к выполнению профессионально значимых видов деятельности.

Е. В. Кузнецова рассматривает профессиональную направленность в контексте профессиональной мотивации и отмечает, что формирование профессиональной направленности студентов медицинских специальностей предполагает оптимальное взаимообусловленное и взаимосвязанное развитие

каждого из ее блоков, предлагая следующую структуру профессиональной направленности:

1) ценностно-смысловой блок – определяет процесс понимания и осознания сути медицинской деятельности, придает ей личностный смысл, связан с потребностями, мотивами и ценностями субъекта учебно-профессиональной деятельности;

2) эмоциональный блок – характеризует удовлетворенность выбранной профессией и самим процессом учебной деятельности, детерминирует появление положительного отношения к обучению и содержанию образовательного процесса;

3) регуляционный блок – отражает общую степень развития саморегуляции, ее содержания, показателей временной перспективы и демонстрирует понимание своих возможностей в учебной и профессиональной деятельности;

4) операциональный блок – демонстрирует степень развития учебных и профессиональных компетенций и уровень овладения ими.

Автор утверждает, что развитие профессиональной направленности требует оптимального совершенствования каждого из ее структурных компонентов и преобразования их взаимосвязи до уровня высокой согласованности и целостности [1].

С целью эмпирического исследования уровня профессиональной направленности у выпускников медицинского колледжа нами было проведено исследование на базе УО «Слонимский государственный медицинский колледж». В нем приняли участие 32 обучающихся последнего года обучения по специальности «Сестринское дело». Методика исследования: «Тест-опросник для определения уровня профессиональной направленности (УПН) студентов» (Т. Д. Дубовицкая).

Количественный анализ результатов исследования, показал, что у 54% испытуемых выявлен средний уровень профессиональной направленности. Средний уровень показателя говорит о том, что респондент имеет определенный интерес к своей профессии, но не испытывает полной увлеченности. Он осознает важность своей будущей работы и может видеть в ней некоторые положительные аспекты, однако его мотивация может быть недостаточно сильной для активного участия в профессиональной деятельности. Такой учащийся может находиться под влиянием как положительных, так и отрицательных факторов, что создает неопределенность в его профессиональной идентичности и будущем выборе карьеры.

Высокий уровень профессиональной направленности диагностирован у 27% выпускников. Такие результаты указывают на стремление к освоению выбранной профессии. Эти испытуемые ощущают удовлетворение от учебного процесса и планируют продолжать развиваться в своей области. В свободное время они активно занимаются деятельностью, связанной с будущей

профессией, и окружены знакомыми, работающими в этой сфере. Обучающийся воспринимает свою профессию как призвание и смысл жизни.

Низкий уровень профессиональной направленности показали 19% опрошенных. Такие результаты могут свидетельствовать о том, что обучающийся учится не по собственному желанию. Его поступление обусловлено внешними факторами, такими как давление со стороны родителей или удобное расположение учебного заведения. Он не видит перспектив в своей будущей профессии и испытывает к ней равнодушие, а в идеале хотел бы сменить специальность на более интересную.

Таким образом, результаты исследования подчеркивают важность поддержки и мотивации студентов в процессе обучения, а также необходимость создания условий, способствующих развитию профессиональной идентичности и увлеченности будущей профессией. Это может включать в себя дополнительные образовательные программы, практические занятия и возможности для профессионального роста, которые помогут студентам лучше понять и оценить свою роль в медицинской сфере.

Литература

1. Кузнецова, Е. В. Профессиональная направленность студентов медицинского вуза в становлении личности врача / Е. В. Кузнецова // *Фундаментальная наука и технологии – перспективные разработки : материалы XXIV Междунар. науч.-практ. конф.* North Charleston, 7–8 дек. 2020 г. – Morrisville, – 2020. – С. 73–75.

The Problem of Solidarity Formation in Contemporary Chinese Media Space

*Li Yuanyuan, PhD, BSU,
Scientific supervisor Docent Gladko M. A.,
Doctor of Philology, Professor*

In an era of globalisation, with interactions between cultures and nations at an unprecedented level, solidarity serves as an important tool for maintaining a sense of community and internal harmony among the diverse ethnic groups of the Chinese nation. Effective communication based on a sense of community can not only counter misinformation and negative external influences, but also actively promote the positive aspects of Chinese culture and history on the world stage.

The formation of solidarity in contemporary Chinese society faces a number of serious challenges. Chao Lunzi, who researches the problem of consolidation of Chinese citizens living abroad, noted that one of the main difficulties is the conflicts of ideological views in the international arena. They make it difficult for ethnic groups to interact within the country. For example, the spread of negative

perceptions of China in foreign media leads to the growth of distrust and fear among the population, which also negatively affects the processes of unity formation [1]. The influence of modern technology and social media is also significant. Platforms such as WeChat and Douyin facilitate the exchange of opinions and cultural interaction, but can also lead to the spread of misinformation and radical ideas, threatening stability and unity [2]. In addition, the diversity of identities and national perceptions among ethnic groups makes it difficult to create a unified cultural narrative, which can increase feelings of instability and resentment due to interference from external forces.

The current model of communication in China, based on decentralisation and circular structures, creates significant barriers to the formation of solidarity between social groups. Information and communication technologies, although they expand the opportunities for interaction, contribute to the fragmentation of public consciousness, forming separate Internet communities with a limited outlook, which can subsequently create conditions for the spread of negative information and rumours [3].

Traditional media face difficulties in interacting with these isolated communities and do not react quickly enough to negative sentiments. This can increase resentment and prevent the creation of a unified voice between different ethnic groups. Decentralisation also leads to a loss of control over the quality of information, which makes it difficult to establish productive dialogue and contributes to the spread of misinformation. Negative views overshadow positive narratives, exacerbating the problem of community building.

With this in mind, the following practical recommendations can be proposed to help build and strengthen solidarity through modern media:

The importance of cultural symbols and collective memory should be raised through active interaction and communication. Effective use of interactive platforms and digital technologies will enable ethnic groups to share their cultural specificities, create joint projects and add diversity to the common cultural narrative.

Media discourse should facilitate the ‘communication’ of cultural characteristics and values. Integrated communication that combines traditional and new media forms will vividly present the richness of Chinese culture. Multimedia materials, such as short videos and documentaries, can increase interest in the culture of different ethnic groups and create a basis for mutual understanding.

Adapting the narrative to modern realities. Media discourse should use innovative structures reflecting current issues in society and emotions to strengthen people’s identification with national values. Communications based on empathy and individuality can serve as a means to build a shared sense of belonging to the Chinese nation.

A variety of communication channels should be utilised, such as UGC and AIGC. Active audience participation in content creation will help foster a sense

of unity between groups. It is important to develop an outreach strategy that takes into account the diversity of contemporary Chinese society. Young people should play a major role in shaping the narrative.

Clear information quality standards are needed to prevent misinformation that can undermine solidarity. Transparent, fact-oriented communication will build trust and unity. Finally, creating platforms for dialogue and discussion of different perspectives and cultural practices will increase understanding and solidarity among ethnic groups in China.

Thus, the problem of solidarity formation in China's contemporary media space is the presence of fragmented public consciousness, which negatively affects the interaction between ethnic groups. Modern technology and social media create isolated communities, which makes it difficult to counter misinformation and negative narratives, hindering the process of unity and shared identity. These factors undermine efforts to foster a sense of community and internal harmony among the diverse cultural groups in the country.

Literature

1. 潮龙起 重视和发挥华侨华人在构建人类命运共同体方面的作用 / 潮龙起 // 暨南大学华侨华人研究院. – 2018. – № 1. – 36–42. (Лунци, Чао. Придавать значение и в полной мере использовать роль китайцев, проживающих за рубежом, в построении сообщества с общим будущим для человечества / Чао Лунци // Институт исследований китайского языка за рубежом. – 2018. – № 1. – С. 36–42).

2. 张焕从“双重缺席”到“共同在场”——华人移民的社交媒体使用研究 / 张焕从 // 华侨华人历史研究. – 2021. – № 4. – 112–131. (Хуаньпин, Чжан. От «двойного отсутствия» к «совместному присутствию» – исследование использования социальных сетей китайскими иммигрантами / Чжан Хуаньпин // Зарубежные исторические исследования Китая. – 2021. – № 4. – С. 112–131).

3. 王志 全媒体视域下铸牢中华民族共同体意识的传播实践 / 王志 [电子资源]. –访问模式: <http://theory.people.com.cn/n1/2024/0619/c40531-40259523.html>. –访问日期:04/14/2025. (Чжи, Ван. Практика коммуникации, направленная на формирование сильного чувства общности китайской нации с точки зрения всех средств массовой информации / Ван Чжи. – URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2024/0619/c40531-40259523.html> (дата обращения: 14.04.2025)).

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1

ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Абакунчик Р. Р.

Сотрудничество СПЯС с международными организациями 3

Абакунчик Р. Р., Мелькова П. А.

Юг – Юг: как Бразилия и Мозамбик укрепляют партнерство 5

Авдалян Н. Г.

Роль России в региональной политике государств
Латинской Америки 7

Алексютенко А. А., Щербачевич С. Д.

Основные векторы внешней политики Марокко в XXI веке 8

Ань Нань

Сотрудничество в сфере здравоохранения между КНР
и государствами Африки в рамках построения сообщества
единой судьбы человечества 10

Ван Мэнюань

О брачных обычаях нанайцев 13

Василевская В. Э.

Об итогах третьего Форума высокого уровня по международному
сотрудничеству в рамках «Пояса и пути» 16

Веремейчик М. А.

Фигура Наримана Нариманова в исторической памяти
Азербайджанской Республики 18

Гиль Д. Д.

Роль КНР в создании ШОС 19

Дубатовка А. Г.

Внешнеполитическая деятельность К. фон Меттерниха (1773–1859)
в советской историографии 21

Жэнь Цянь	
Институциональное оформление сферы туризма в Китае	23
Зайцаў К. С.	
Фалклендская вайна: прычыны і наступствы	25
Каплун Б. А., Кузьмич Д. Д.	
Отношения ЕС и Израиля после событий 7 октября 2023 года	28
Кресс-Романова Т. В.	
К вопросу о положении Православной и Римско-католической конфессий в Республике Беларусь в правовом поле	30
Лазовская О. С.	
Осуществление политики «мягкой силы» Китая в Латинской Америке	36
Лазовская О. С.	
Политика КНР в регионе Южно-Китайского моря	38
Ларина П. К.	
Особенности и проблемы кубинской системы здравоохранения	41
Ли Янян	
Вклад Сингапура в индустриализацию Китая	43
Линкевич Д. И.	
Положение женщин в политике «Талибана»	45
Лошкарев Т. Д.	
Общая характеристика российско-американских отношений (1991–1999)	47
Лю Лу	
БРИКС как платформа международного сотрудничества	49
Лю Минюэ	
The future of China-U.S. relations	52
Лю Юань	
Культурное влияние Китая в Северной Африке в рамках инициативы «Один пояс, один путь»	53

Ма Бинцзюнь

Концептуализация гуманитарного фактора реализации сообщества единой судьбы человечества в выступлениях Си Цзиньпина 55

Маглыш А. А.

Деятельность Организации Объединенных Наций по установлению и поддержанию мира на Корейском полуострове 57

Мелькова П. А., Абакунчик Р. Р.

Гражданская война в Анголе в контексте международных отношений 60

Мелькова П. А., Абакунчик Р. Р.

От социалистической солидарности к экономическому прагматизму: 50 лет российско-ангольских отношений 62

Міхалап П. У.

Этнаграфічныя калекцыі ў музеях Беларусі: асаблівасці выкарыстання 63

Нишценко Е. С., Лебединская Я. А.

Деятельность Молодежного совета (парламента) при Национальном собрании Республики Беларусь в вопросах повышения правовой грамотности молодежи 65

Островский Н. С.

«Нация без государства»: польский вопрос в контексте европейской политики (конец XVIII в. – 1935 г.) 67

Потоцкая У. А.

Пересмотр внешнеполитического курса Филиппин при Р. Дутерте (2016–2022) 69

Прудникова В. Ю.

Проблемы зеленой энергетики ЮАР 72

Прышчэпа М. Д.

Работнікі прамысловых прадпрыемстваў на тэрыторыі Беларусі ў другой палове XIX ст.: сацыяльны склад і ўмовы працы 74

Савасцюк Ц. С.

Шлосберг Яфім Паўлавіч: навуковая ніва і доля 76

Сапоненко А. А., Смальцер В. С.	
Культурный туризм как инструмент «мягкой силы» Вьетнама	78
Ташчы Ф.	
Международное сотрудничество Турции в борьбе с терроризмом	80
Фёдоров Я. И.	
Азиатско-Тихоокеанский регион в Стратегиях национальной безопасности США в XXI веке	82
Филатов Я. Н.	
Конфликт между ДРК и Руандой: причины, заинтересованные стороны, внешние факторы, перспективы разрешения	84
Хань Ваньчэнь	
Вопросы развития высшего образования в документах Коммунистической партии Китая (1992–2021)	86
И. А. Т. С. Хемеда	
Политика Египта в отношении палестино-израильского конфликта в 1979–2010 гг.	89
Шабуня Е. Д.	
Интеграция интеграций на примере ЕАЭС	91
Шабуня Е. Д.	
Концепция кибербезопасности на пространстве СНГ	93
Щербачевич С. Д., Алексютенко А. А.	
Глобальный Юг как инструмент обеспечения экономической безопасности Союзного государства	95
Щербицкий И. М.	
Французская Полинезия в постколониальной политике Франции . . .	97
Ярошук М. А.	
Послевоенные выборы Японии как результат борьбы доктрин политических партий	100
Ясонова Е. С.	
«Мягкая сила» Сингапура	102
Mirashnichenka L. A.	
The United States Diplomacy: The Era of the War on Terror	104

РАЗДЕЛ 2

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО. ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Ананич А. А.

Соотношение биометрических персональных данных
и права на образ гражданина 107

Антоненко С. Б.

Сравнительная характеристика политико-правовых взглядов
Георгия Конисского, Франциска Скорины и Андрея Волана 109

Бабенина К. А.

Упрощенная система налогообложения в Республике Беларусь:
основные изменения в законодательстве 111

Бидюк Е. В., Остроух А. А.

Досудебный порядок урегулирования
инвестиционных споров в Республике Беларусь 114

Бурнашева А. А., Грабинский В. Ю.

Правовая природа инвестиционного договора с предоставлением
льгот и (или) преференций 116

Глухотаренко А. А., Кадыш О. С.

Особенности международных инвестиционных споров:
регулирование в Республике Беларусь 118

Евстратенко А. А., Шалайда И. О.

Сравнительный анализ системы гарантий прав инвесторов
в странах Евразийского экономического союза 120

Койфман М. А.

Правовые механизмы регулирования инвестиционных споров
на евразийском пространстве 122

Ксензова А. М., Коваль А. М.

Опционная сделка как инструмент осуществления инвестиций ... 125

Кулешова А. А.

Инвестиционный потенциал агроэкотуризма
в Республике Беларусь 127

Кульша Е. Ю., Лунева Ю. И.

Особенности правового режима осуществления инвестиций
в сфере высоких и новых технологий 129

Лазарь Д. В.

Криминологические особенности и детерминация
женской преступности 131

Лазовский Н. В.

Внедрение искусственного интеллекта в процесс проведения
правового мониторинга 135

Маглыш А. А.

Проблемы привлечения к ответственности лиц, наделенных
дипломатическими иммунитетами и привилегиями 137

Мартьянова А. А.

Прямой доступ граждан к конституционному правосудию
в Республике Беларусь 139

Обибок М. И., Торчик В. Ю.

Особый правовой режим осуществления инвестиций
на примере Китайско-Белорусского индустриального парка
«Великий камень» 141

Ольшевская В. В.

Виды коллективных (групповых) исков 143

Орда Д. М.

Проблемы правового регулирования деятельности
искусственного интеллекта в сфере авторского права 146

Осмоловский С. В., Романчук Д. Е.

ESG-инвестирование как инструмент экологизации
экономики и его правовое обеспечение 152

Позняк В. А.

Феномен Rug Pull в криптовалютном пространстве:
механизм мошенничества, методы выявления
и правовые аспекты противодействия 154

Полтавцева В. А.

Роль адвоката в реализации права на получение
квалифицированной юридической помощи 156

Севрюк Е. В.

Виртуальные арены, реальные законы: юридические аспекты
использования ИИ-агентов в киберспорте 158

Хашковский Н. В.

Критерии отнесения сделок к подлежащим налоговому контролю
при трансфертном ценообразовании 160

Шадурская Д. С.

К вопросу об уголовно-правовом значении эвтаназии 162

Zhou Y.

General Competence of APEC Bodies in Digital Trade 164

Zhu He

On the issue of legal regulation of cyberspace from the point of view of
international law 166

РАЗДЕЛ 3

МЕНЕДЖМЕНТ. МАРКЕТИНГ.

ФИНАНСЫ И БАНКОВСКОЕ ДЕЛО. ЭКОНОМИКА

Барановская В. В.

От обряда к фестивалю – причины и результаты
трансформации Дожинок 168

Бирюков А. А.

Развитие цифровой торговли в Республике Беларусь 170

Бойко М. В.

Экспорт образовательных услуг как форма
дополнительного финансирования учреждений
высшего образования Республики Беларусь 172

Борисевич М. А.

Международные экономические организации:
их преимущества и недостатки 174

Борисовец Т. С.

Сравнительный анализ факторов цифровой
конкурентоспособности экономик ФРГ
и Республики Беларусь 176

Бычкова К. Г.	
Сравнительный анализ программных продуктов для инвестиционной деятельности	178
Василевская А. С., Терёхин З. Д.	
Оценка холакратии как современной организационной структуры организации	181
Василевская А. С., Терёхин З. Д.	
Development Fundings Bringing Change Into Ivory Coast	183
Веренич Д. Н.	
Тенденции развития и усиления взаимозависимости глобальных и региональных объединений	185
Воробьева З. Ю., Радкевич А. С.	
Инициатива «Один пояс, один путь» в современном экономическом развитии Китая	187
Гаврилюк Ю. Н.	
Биологические активы как объект экономической оценки	189
Коряченкова А. В.	
Глобализация и проблемы участия в ней Республики Беларусь	191
Мазепина В. О.	
Международный валютный фонд (МВФ): участие в обеспечении финансовой стабильности в мире глобальных финансов	193
Мазуренко Я. Ю.	
Рынок DaaS-систем	195
Митина В. Д.	
Стоимость «национального бренда»: как имидж страны превращается в экономическое преимущество	197
Мицкевич Т. В., Терегулова Е. А.	
«Города-призраки» Китая, экономические причины и последствия их возникновения	199
Мушуруй А. С.	
Тенденции и перспективы развития международного рынка косметики	202

Напольских Е. А.	
Влияние интернет-маркетинга на формирование потребностей	204
Протасовская Э. М.	
Проблемы развития отношений между ТНБ IT-компаниями	206
Пузанкевич Д. С.	
Иностранные инвестиции в Республике Беларусь: состояние и перспективы развития	207
Радкевич А. С., Воробьева З. Ю.	
Экономическое сотрудничество КНР и Республики Беларусь: перспективы и результаты	209
Селюн Д. П.	
Зарубежный опыт поддержки малого и среднего бизнеса (на примере стран с малой экономикой)	211
Соколенко Е. О.	
Роль водородных автомобилей (FCEV) в декарбонизации экономики Китая	213
Сун Чжэни	
Omnichannel Retailing: Creating a Seamless, Customer-Centric Shopping Experience	214
Урбанович А. И.	
Криптовалютные биржевые фонды как растущий сегмент современного финансового рынка	216
Хлусов К. А.	
Цифровая валюта в Республике Беларусь	218
Чурлович А. Д.	
Программное моделирование для оптимизации банковской системы Республики Беларусь: состояние и перспективы развития	220
Шамрило Е. И.	
Роль эко-инноваций в развитии «зеленой» энергетики на примере стран с малой экономикой	222
Chen Huixian	
Belarus-China Relations in the Context of Global Value Chains: The Impact of Exchange Rate Dynamics (2020–2024)	224

Feng Lu

Does Economic Empowerment Equal Gender Equality? Rethinking Microfinance	226
---	-----

Myslitskaya A. E.

Artificial Intelligence in Educational Process	228
--	-----

РАЗДЕЛ 4

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТУРИЗМ. ТАМОЖЕННОЕ ДЕЛО

Гаркун Д. А.

Региональные различия в спектрах медицинских услуг Беларуси . .	233
---	-----

Исмаилова Ю. И.

Фактор сезонности в туризме	236
-----------------------------------	-----

Костюк М. В.

Рекомендации по совершенствованию таможенного законодательства в рамках института административной ответственности	238
--	-----

Миронюк А. В.

Современные научные исследования в области профайлинга	240
--	-----

Ральцевич А. С.

Роль информационных систем в совершенствовании таможенного регулирования	243
---	-----

РАЗДЕЛ 5

КУЛЬТУРОЛОГИЯ. СОВРЕМЕННЫЕ ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ. ФИЛОЛОГИЯ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА. ПСИХОЛОГИЯ

Велисейчик Д. В.

Образ «таэру онна» в японской культуре	245
--	-----

Данюк Д. И.

Тейярдизм в рассказе Ф. О'Коннор «На вершине все тропы сходятся»	246
---	-----

Ковалевская Е. Г.

Специфика взаимодействия науки
и цифрового искусства в современном обществе 248

Мелькова П. А.

Carnaval em Portugal 250

Яковчик Т. В.

Профессиональная направленность выпускников
медицинского колледжа 252

Li Yuan yuan

The Problem of Solidarity Formation in Contemporary
Chinese Media Space 254

Научное издание

**СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ
СТУДЕНТОВ, МАГИСТРАНТОВ, АСПИРАНТОВ**

Выпуск 34

На русском, белорусском, английском, португальском языках

Составитель
Галковская Анастасия Андреевна

*Статьи публикуются
в авторской редакции*

Дизайн обложки *В. В. Аницух*
Компьютерная верстка *И. П. Бондарович*
Корректоры: *Е. С. Голуб, Е. В. Ващилина, О. Д. Долгушова*

Подписано в печать 03.06.2025.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 15,58. Уч.-изд. л. 15,49.
Тираж 99 экз. Заказ 1200.

Издатель и полиграфическое исполнение:
ОДО «Издательство “Четыре четверти”».
Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя и распространителя печатных изданий
№ 1/139 от 08.01.2014, № 3/219 от 21.12.2013.
Ул. Б. Хмельницкого, 8-215, 220013, г. Минск.
Тел./факс: +375 17 350 25 42. E-mail: info@4-4.by

ISSN 2224-0845

9

772224 084005

1 1 0 0 8